

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы
имени П.А. СТОЛЫПИНА

Научный журнал

№ 12

2007

Саратов

Научный журнал

Учредитель
*Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

Главный редактор – профессор **С.Ю. Наумов**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **С.Г. Сергеев**

Редакционный совет:

С.Ю. Наумов (председатель), **П.Л. Ипатов** (Саратовская область),
К.А. Титов (Самарская область), **В.К. Бочкарев** (Пензенская область),
О.И. Бетин (Тамбовская область),
Ю.З. Камалтынов (Республика Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук; **В.В. Герасимова**, д-р экон. наук;
В.П. Жуковский, д-р пед. наук; **Л.В. Константинова**, д-р социол. наук;
Э.Г. Липатов, канд. юрид. наук; **О.И. Марченко**, канд. экон. наук;
Е.В. Масленникова, канд. социол. наук; **И.В. Ракевич**, канд. экон. наук;
А.Н. Романцов, д-р экон. наук; **Ю.И. Тарский**, д-р социол. наук;
Т.П. Фокина, канд. филос. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
В.Л. Чепляев, канд. социол. наук; **Т.И. Черняева**, д-р социол. наук

№ 12
2007

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE
NAMED AFTER P.A. STOLYPIN

Science magazine

Founder:

***Volga Region Academy for Civil Service
named after P.A. Stolypin***

Editor-in-chief: Professor **S.Yu. Naumov**

Deputy editor-in-chief: Professor **O.N. Fomin**

Executive secretary: **S.G. Sergeev**

Editorial council:

S.Yu. Naumov (Chairman), **P.L. Ipatov** (Saratov Region),
K.A. Titov (Samara Region), **V.K. Bochkarev** (Penza Region),
O.I. Betin (Tambov Region),
Yu.Z. Kamaltynov (the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Philosophic Sciences*; **V.V. Gerasimova**,
Doctor of Economic Sciences; **V.P. Zhukovsky**, *Doctor of Pedagogic Sciences*;
L.V. Konstantinova, *Doctor of Sociological Sciences*; **E.G. Lipatov**, *Candidate*
of Sciences (Jurisprudence); **O.I. Marchenko**, *Candidate of Sciences (Economy)*;
E.V. Maslennikova, *Candidate of Sciences (Sociology)*; **I.V. Rackevich**,
Candidate of Sciences (Economy); **A.N. Romantsov**, *Doctor of Economic*
Sciences; **Yu.I. Tarsky**, *Doctor of Sociological Sciences*; **T.P. Fokina**,
Candidate of Sciences (Philosophy); **O.I. Tsibylevskaya**, *Doctor*
of Law Sciences; **V.L. Chepliaev**, *Candidate of Sciences (Sociology)*;
T.I. Cherniaeva, *Doctor of Sociological Sciences*

© Volga Region Academy
for Civil Service named after P.A. Stolypin, 2007

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ю.И. Гасилина,

*аспирант Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

**ВЛАСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ**

Развитие информационных технологий, вылившееся в создание принципиально нового типа общественного устройства, которое большинство западных, а вслед за ними и отечественных теоретиков стали называть информационным обществом, оказало влияние на все стороны социальной жизни, в том числе и на политику. Преобразование качества информации, движущейся по новейшим телекоммуникационным системам, привело к утере ею таких качеств, как системность и организованность, отчетливо проявлявшихся на письменном этапе существования культуры [1, с. 22]. Слово уступило свое место образу, а еще точнее – символу, который в эпоху тотального распространения экрана (телевизионного или компьютерного) сумел стать ведущим средством формирования ценностных и идеологических структур.

Символ имеет неограниченное количество потенциальных интерпретаций при отсутствии точного значения и предполагает учет смыслов и ценностей, которые отражают возможности личности и социума. Следует отметить, что подлинная ценность не имеет цены и не может быть представлена в виде знака, а символ делает символом его ценностная природа. Американский ученый А.Л. Уайт пишет, что любой знак обладает устойчивым единственным значением [2, с. 106]. Символ же вбирает в себя все множество значений, смыслов вещи. Для того чтобы найти символичность символа, необходима точка отсчета, некая рефлексия сознания, то есть разделение его на непосредственно воспринимающее и аналитически осознающее. Но человек, оставаясь носителем культурной традиции, воспринимает символику непосредственно, поэтому для него символ предстает как нечто онтологически данное.

Символ имеет безграничное количество толкований, между тем символические отношения между людьми в обществе являются относительно устойчивыми, и это связано с тем, что человек ограничен все теми же символическими нормами, которые нашли свое выражение в символической власти. Следует отметить, что в общем смысле власть – это форма воздействия человека на то, что его окружает, она предполагает навязывание своей воли вопреки сопротивлению. Символической властью же можно называть коммуникативные техники, которые содержат в себе схемы восприятия и оценки. Высказывая свое мнение, соответственно, можно отстаивать свою точку зрения и тем самым навязывать свое видение мира.

Как полагают исследователи, существуют «первичные» и «вторичные» коммуникативные практики. «Первичные» реализуются в отношениях, например, семейных: «папа – мама», «сын – дочь», «брат – сестра». «Вторичные» реализуются аналогичным образом, это может быть страна, школа, то есть любые организации, которые содержат отношения «управляющий – подчиненный», «покупатель – продавец» и т.п. «Первичные» определяются постоянной, или долговременной, пространственной близостью и характерны для малых коллективов. Такие отношения демонстрируют ценностные установки [3, с. 48].

«Вторичные» отношения определяются отдаленностью пространства и краткосрочностью, характерны для больших коллективов. Различные цели, внешняя оценка, малое знание других членов группы и ощущение дискомфорта у взаимодействующих участников группы вызывается действиями контроля над их поведением. «Вторичные» отношения выражают власть, а не солидарность. Неправильным будет заключение о противопоставлении «солидарности» и «власти», так как целью групповых взаимодействий является, с одной стороны, осуществление внешней безопасности и внутреннего примирения в пределах определенных норм, с другой стороны, гарантия порядка в процессе борьбы, символической борьбы.

Коммуникации, содержащие схемы восприятия и оценивания, выражают отношения с символической властью. Определенное легитимное видение мира выражается с помощью слов, которые определяют множество воззрений на мир, инициируя тем самым символическую борьбу. Коммуникация также несет ответственность за продуцирование образов жизни человека, общества. Она содержит различные социальные представления, которые находятся в «образцах» того, что нужно говорить в тех или иных ситуациях, к чему следует прислушаться, как вести себя в определенном круге общества. Социально значимые знания хранятся в различных знаковых системах культуры, которые транслируют набор стандартных установок. Таким образом, коммуникация служит конституированию социальных связей в обществе [3, с. 49–50].

Но символическую борьбу необходимо отличать от политической борьбы. Различая эти два понятия, П. Бурдьё пишет, что «символическая борьба – как индивидуальная, за ежедневное существование, так и коллективная, организованная, в политической жизни – имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало. Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономичес-

кий или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, постольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства» [4, с. 186].

Характерной особенностью современного мира является то, что государства сегодня вынуждены отстаивать не только свою территориальную целостность и политико-экономическую независимость, но и свои символические универсумы, подвергающиеся в условиях «информационной эпохи» постоянной экспансии со стороны различных форм культурной унификации, «символическому насилию», приобретающему статус фактора международных отношений. Любая социальная система возникает в результате коммуникации, и благодаря этому осуществляется знаково-символический процесс, который подразумевает деление по классам. Но сама коммуникация осуществляется тогда, когда в ней осознается процесс взаимодействия.

Взаимные символические ряды в межгосударственных отношениях формируются исторически и онтологически. Созданные представления в процессе коммуникации передаются из поколения в поколение через социальную память и оказывают свое влияние на взаимодействие государств в новых исторических условиях.

О символической природе власти и неизбежных символических столкновениях в коммуникации говорит и М. Кастельс, доказывая, что «...в информационном обществе власть становится вписанной на фундаментальном уровне в культурные коды, посредством которых люди и институты представляют жизнь и принимают решения, включая политические решения. В этом смысле власть, когда она реальна, становится нематериальной... Культурные сражения суть битвы за власть в информационную эпоху. Власть – как возможность предписывать поведение – содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами, которые соотносят акторов, институты и культурные движения посредством пиктограмм, представителей, интеллектуальных усилителей» [5, с. 502–503]. Таким образом, власть есть выражение символизации в процессе коммуникации.

Современные средства массовой информации выступают как мощный инструмент воздействия на иррациональную сферу, активизирующие в сознании населения угодные манипуляторам представления. Усиление иррациональности в поступках и действиях людей в последние годы во многом объясняется тем, что понять и объяснить рационально линию общественного поведения чрезвычайно трудно в условиях, когда познание истинных причин и закономерностей явлений невозможно в силу их сложности и высокой скорости протекания социальных изменений. За последнее время государственные, национальные, экономические идеи, а также государственная символика менялись настолько часто, что это вызывало отрицательный эффект. То есть новые идеи приходили и с такой же непосредственностью исчезали. Но накопленный опыт не исчез бесследно, он сохранился в коллективном сознании социума. В настоящее время все эти исторические пласты активизированы и мы являемся свидетелями их адаптации, «примиривания» мифологии прошлого к современным условиям.

В контексте изменения структуры элит в политическом пространстве современного общества увеличившаяся многократно роль средств массовой информации в процессе легитимации властвующей элиты и ее информационного обеспечения привела к возникновению такой социальной группы как «символьная элита». В понятийном аппарате социально-гуманитарных наук это относительно недавно появившееся словосочетание выступило удачной заменой более размытого и идеологически нагруженного термина «интеллектуальная элита» [6, с. 134–135]. С точки зрения Л.В. Сагитовой, символьная элита представляет собой творческую и научную интеллигенцию, создающую и тиражирующую этнические ценности и символы [7, с. 77]. Недостатком этого определения является то, что из понятия символьной элиты исключаются непосредственные исполнители «идеологического заказа» – учителя, журналисты, спичрайтеры, то есть та социальная прослойка, которая выступает посредником в распространении этнических (политических) ценностей от их разработчиков и идеологов к широкому слою населения, эти ценности потребляющим и усваивающим. Более сбалансированным и методологически точным представляется другое определение символьной элиты, предлагаемое Н.С. Мухаметшиной: «Символьная элита может быть определена как политически активная социальная группа, занимающаяся идеологическим обеспечением деятельности политической элиты или контрэлиты. Идеологическое обеспечение предусматривает создание ценностей и символов, а также поддержание и распространение их в массовом сознании. Если ценности и символы носят этнический характер, то и направлены они на обеспечение соответствующей политики» [8, с. 51]. Данный подход к определению символьной элиты отражает ее функции и представляется более объективным. Функциональный подход позволяет расширить исследовательское поле и выявляет потенциальных представителей символьной элиты не только среди научной и творческой интеллигенции, но и в общественных и политических организациях, в структуре средств массовой информации.

Транслируемые символьной элитой ценности и символы имеют по своей природе мифологический характер, если понимать под мифом способ объяснения социальной действительности, апеллирующий не только к разуму, но и к эмоциям потребителя данного мифа. Политические символы в современном обществе помимо своей основной функции – удовлетворения тех или иных потребностей своих носителей – являются маркерами, отличительными знаками, позволяющими подчеркнуть свою принадлежность к той или иной этнической группе. Повсеместно в ходе этнического ренессанса последнего времени можно наблюдать стремление возродить и воссоздать этнические символы: гербы, флаги, памятники национальным героям, произведения национальных классиков, вплоть до игры на народных инструментах [8, с. 53]. Возрождение определенного типа символики подразумевает также использование новых мифов для объяснения этой символики и ее успешного внедрения в политическое пространство.

Рассматривая постсоветское пространство как пространство символической борьбы, проявляющей себя в выявлении и позиционировании определенных интерпретаций политической и социальной символики, следует сосредоточить внимание на взаимодействии в изменившихся условиях символического и инсти-

туционального аспектов политического устройства. Транзитивное состояние общества проявляется как в смене социальных институтов, регулирующих взаимоотношения в различных сферах общественной жизни, так и в изменении символических моделей осмысления мира. Кризис политической власти влечет за собой разрушение легитимирующих ее функционирование символов. Они начинают проигрывать в символической борьбе альтернативным моделям, которые вырабатываются в рамках этнических или религиозных общностей [9, с. 82].

Секуляризованная символика советской эпохи уступает место возрождению этнонациональных символов, отсылающих к тем периодам регионального исторического развития, которые игнорировались в советской политической риторике. Например, татары, в годы советской власти, позиционировавшие свое этническое происхождение от волжских булгар, разгромленных монголо-татарами, в 1990-е годы резко поменяли свою политическую «генеалогию», выстраивая свою идентичность от самих монголо-татар. Подобное изменение исторической и политической идентичности изменило и национальную символику, пронизывающую повседневную жизнь современного татарского общества – в качестве символа национального единства стала выступать фигура Чингисхана, что заставило переосмыслить историю взаимоотношений татарского этноса с Русским государством.

Современное постсоветское пространство насчитывает множество подобных примеров. Трансформация устоявшихся ценностей привела к дестабилизации системы. Общество оказалось не готовым к столь радикальным переменам, и причиной тому явилось отсутствие нового идеологического обеспечения, которое могло бы определить направление дальнейшего развития социума. В свете изложенных проблем возрастает роль символической элиты в формировании новой общероссийской идеологии и реализации коллективной идентичности через ценности и нормы.

Библиографический список

1. Демидов, А. И. Постиндустриальное общество – феодальное? (к оценке опыта информационной революции в России) [Текст] / А. И. Демидов // Информационная цивилизация: пространство, культура, человек. – Саратов, 2000. – С. 18–25.
2. Кармадонов, О. А. Социология символа [Текст] / О. А. Кармадонов. – М., 2004.
3. Азаренко, С. А. Коммуникативные и телесные техники в символическом пространстве власти [Текст] / С. А. Азаренко, Е. Ю. Базаров // Социемы. – 2003. – № 9.
4. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть [Текст] / П. Бурдые // Начала. – М., 1994. – С. 181–207.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура [Текст] / М. Кастельс. – М., 2000.
6. Фуко, М. Интеллектуалы и власть [Текст] / М. Фуко. – М., 2002.
7. Сагитова, Л. В. Этничность в современном Татарстане: Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980–1990-х годов [Текст] / Л. В. Сагитова. – Казань, 1998.
8. Мухаметшина, Н. С. Трансформации национализма и «символическая элита»: российский опыт [Текст] / Н. С. Мухаметшина. – Самара, 2003.
9. Ткачев, Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве [Текст] / Д. Ш. Ткачев // Полис. – 2006. – № 1.

Е.А. Краюшкина,

*соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В соответствии с Конституцией и действующим законодательством Российской Федерации народ осуществляет свою власть непосредственно путем референдумов и свободных выборов главы государства, народных представителей на федеральном, региональном и местном уровнях, реализует народные правотворческие инициативы, проводит сходы. Кроме того, через органы государственной власти и органы местного самоуправления реализуется представительная демократия.

На современном этапе в процессе продолжающегося реформирования политической, экономической и социальной сфер российского общества роль органов местного самоуправления во властной структуре становится первостепенной, так как они выражают интересы и чаяния жителей территорий и могут быть действенным легитимным инструментом защиты интересов граждан. В связи с этим назрела практическая, познавательная и организационно-управленческая необходимость приведения местного самоуправления в соответствие с реалиями современного российского общества. Сложность решения такой задачи усугубляется отсутствием подобного опыта в историческом прошлом, поскольку местное самоуправление в России традиционно рассматривалось как вид местного государственного управления.

Конституция РФ гарантирует самостоятельность местного самоуправления в пределах его полномочий. Отсюда вытекает необходимость четкого закрепления в законодательстве компетенции органов местного самоуправления, полномочий, в рамках которых органы местного самоуправления действуют, выражая социально-политическую активность населения, независимо от органов государственной власти.

Следует отметить, что перед региональными управленческими структурами стоит нелегкая проблема определения главных направлений развития местного самоуправления на основе прав, провозглашенных Конституцией РФ. В частности, необходимо очертить круг вопросов местного значения, которые население может самостоятельно решать через местное самоуправление; установить правовую основу местных референдумов, других форм проявления активности и прямого волеизъявления народа. Требуется также определить характер взаимоотношений органов местного самоуправления с органами государственной власти, порядок и условия наделения их отдельными государственными полномочиями и соответствующими материальными и финансовыми средствами.

Серьезным препятствием для осмысления роли и значения социальных институтов местного сообщества в процессе формирования органов самоуправления в России является отсутствие сколько-нибудь устойчивой традиции исследования данных социальных институтов в их взаимосвязанности. На протяжении последних полутора веков дважды происходило практически полное отрицание накопленного исторического опыта в организации местного самоуправления, причем оба раза этот опыт объявлялся если не реакционным, то, по крайней мере, не имеющим практической ценности и значения. Разработка русскими социологами теоретических основ самоуправления является частью огромного пласта творческого наследия отечественных ученых второй половины XIX – начала XX в., когда в России стали известны первые социологические доктрины и началось становление русской школы социологии.

Интерес к самоуправлению в России впервые возник в 1860–1870-е годы в условиях осуществления земской и городской реформ. В трудах русских ученых В.Н. Лешкова, Б.Н. Чичерина, А.И. Васильчикова и других рассматривались естественно-правовые основы самоуправления, его возможности в российских условиях, формы взаимоотношений органов самоуправления с государственными структурами власти. Предложенный исследователями анализ был достаточно содержательным и во многом сохраняет свою актуальность.

Современную систему местного управления пока сложно назвать самоуправлением, поскольку она стоит на пороге крупномасштабной перестройки организационно-территориальной структуры. Можно надеяться, что реформа не только изменит, но и создаст надлежащий институт местного самоуправления, преследуя основной целью более реально обозначить перечень вопросов местного значения и дифференцировать их в зависимости от типа муниципального образования.

Что касается перечня вопросов и круга полномочий, речь главным образом идет об их финансировании из местных доходных источников при сохраняющейся тенденции к централизации ресурсов. Процесс сам по себе противоречивый, но пока это один из способов стимулирования работы местной власти. Зная точный круг своих полномочий и ответственности, чиновники смогут более эффективно решать возложенные на них задачи управления. Кроме того, предстоящая реформа призвана обеспечить продвижение к социальному типу общества, аналогичному западному [1].

Одним из инструментов повышения социальной эффективности муниципального развития является межмуниципальное сотрудничество. Деятельность советов муниципальных образований Российской Федерации, их единого общероссийского объединения позволяет распространять опыт наиболее успешного с социальной точки зрения решения вопросов местного самоуправления, совместно разрабатывать и применять результативные механизмы управления в сфере муниципальной деятельности.

Для повышения эффективности муниципального управления необходимо также тесное взаимодействие с экспертным сообществом, которое может осуществляться как отдельными муниципальными образованиями, так и их объединениями, причем подобное сотрудничество является взаимовыгодным. Кро-

ме того, важно уделить особое внимание социальному партнерству с бизнесом, смысл которого состоит в конструктивном взаимодействии между органами власти, коммерческими и некоммерческими организациями для наиболее эффективного решения социальных проблем. Местное самоуправление, представляя интересы местного населения, в рамках своих полномочий обеспечивает решение социальных проблем через реализацию проектов.

На подготовительном этапе эффективность местного самоуправления зависит от двух основных факторов: определения источников финансирования и кадровой обеспеченности. Принятие Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» потребовало от субъектов Федерации выделения значительных дополнительных средств на его исполнение [2]. Задачей регионов было сохранить достигнутую динамику финансирования этих расходов.

Одной из главных проблем реформы, влияющих на эффективность работы новой системы местного самоуправления, стала обеспеченность финансовыми ресурсами. Гарантией финансирования выступает ст. 83 «Новые виды расходов бюджетов» Бюджетного кодекса РФ [3], в соответствии с которой федеральными властями должны выделяться средства на исполнение реформы или определяться источники и порядок финансирования новых видов расходов бюджетов, в том числе должна осуществляться передача необходимых финансовых ресурсов на новые виды расходов в бюджеты субъектов РФ и местные бюджеты.

Немаловажную роль в решении этой проблемы, безусловно, играет эффективная муниципальная экономическая политика, тенденции которой сводятся к расширению границ в выборе муниципалитетами инструментов экономической политики, увеличению их возможности в долгосрочной перспективе использовать в подобном качестве муниципальную собственность. Это, вероятно, снизит риск злоупотребления полномочиями со стороны муниципалитетов и предотвратит неэффективное расходование средств, но в то же время лишает местные органы власти стимулов к проведению экономической политики, направленной на их развитие.

Что касается кадровой обеспеченности, то проблемы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров ждут своего разрешения на уровне местной власти не первый год. Пик этой проблемы в регионах пришелся на конец 2005 – начало 2006 г., когда необходимо было обеспечить квалифицированными кадрами вновь созданные по поселенческому принципу муниципальные образования. Сегодня перед субъектами РФ и муниципальными образованиями стоит задача обеспечить обучение и повышение квалификации будущих муниципальных служащих. Возросшее количество муниципальных образований требует решения вопроса подготовки кадров как для вновь созданных,

так и для имеющихся муниципальных образований, служащие которых должны быть адаптированы к новым реалиям федерального законодательства. Кадровая проблема усугубляется и повышенными требованиями к руководителям муниципальных образований.

Потребность позитивных перемен в кадровой политике очевидна, однако прежние стереотипы продолжают работать, создавая устаревшие структуры, порождая бюрократизм и неэффективные решения, сдерживая инновационные процессы в управлении. Прежде всего это объясняется игнорированием основополагающего принципа управления социальными системами: необходимо четко формулировать цели и задачи общества в целом, его отдельных подструктур, отвечающие вызову перемен. Их отсутствие и неопределенность в первую очередь мешают созданию профессионально подготовленных кадров-управленцев, снижают уровень обоснованности принимаемых управленческих решений, не позволяют использовать творческий потенциал специалистов, местных сообществ.

Понимая важность социально-экономических и политических факторов, трудно все же переоценить роль профессионально мотивированных к муниципальной службе кадров государственного и муниципального управления. Безусловно, завести сложный механизм кадровой политики невозможно без определяющего механизма развития, отвечающего современным требованиям профессиональных и личных качеств управления.

Значительное место в реформировании местного самоуправления занимают социальные проблемы. По сути, проблемы остались прежними – в ту или иную сторону смещены лишь их акценты. При этом большинство жителей четко указывают на приоритетность современных забот муниципального уровня, ясно понимая, что только экономическое развитие обеспечивает благополучие и качество жизни людей, поэтому органам местного самоуправления необходимо заботиться о перспективах экономики [4]. Осложняет процессы низкий уровень самоорганизации: жители не проявляют достаточной настойчивости и трудовой активности в решении муниципальных проблем. Причин, объясняющих сложное социально-экономическое положение муниципальных образований, по-прежнему несколько. Отрицательно воздействовали на местное самоуправление взаимоотношения между субъектами управления различных уровней в сфере экономики, между федеральными, региональными и местными органами власти.

Большинство муниципальных образований практически не имеют рациональной финансовой и социально-экономической политики. Из-за отсутствия опыта разработки стратегического планирования и управления инвестиционными проектами деятельность местных органов власти зачастую оказывается неэффективной, и в этом также сказывается недостаток кадрового потенциала.

Органы местного самоуправления слабо осуществляют переход к экономическим методам координации. В большинстве из них не сформированы рациональные взаимоотношения с предприятиями различных форм собственности. Существует потребность в более активном участии работников в деятельности предприятий: в прибыли, собственности и управлении. Работники разобщены, каждый борется за выживание самостоятельно, медленно растет внутренняя

трудова́я мотива́ция, отража́ющая потре́бность в соуча́стии, повыше́нии эффе́ктивности и каче́ства рабо́ты. Результа́ты иссле́дований указы́вают на необхо́димость моде́рнизации фо́рм и мето́дов рабо́ты местно́го самоупра́вления не то́лько с руково́дителями предприя́тий, но и с рабо́тниками, стре́мящимися к само́выраже́нию и само́реализа́ции [5].

Та́ким обра́зом, можно́ предполо́жить, что рефо́рмирование местно́го самоупра́вления позво́лит вы́йти совре́менному институ́ту управле́ния на каче́ственно но́вый урове́нь, обеспе́чивая эффе́ктивное функцио́нирование всех необхо́димых социа́льных институ́тов местно́й власти, и, облада́я всеми необхо́димыми ресу́рсами, местное управле́ние смо́жет преврати́ться в само́стояте́льный институ́т имен́но самоупра́вления.

Библиографический список

1. *Савранская, О. Л.* О вопросах местного самоуправления [Текст] / О. Л. Савранская // Государственная власть и местное самоуправление. – 2006. – № 3. – С. 10–13.
2. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // www.ecsocman.edu.ru
3. Бюджетный кодекс РФ от 17 июня 1998 г. // www.budget.biz
4. *Киричук, С.* Эффективность работы органов местного самоуправления: направления муниципально-административной реформы [Текст] / С. Киричук, Л. Еременко // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 9. – С. 14–18.
5. *Цветкова, Г.* Вопросы эффективности местного самоуправления [Текст] / Г. Цветкова // Экономист. – 2006. – № 9. – С. 53–59.

В.А. Кузьмина,

*аспирант Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Происходящие в российском социуме структурные и функциональные изменения повышают доминанту новых моделей социального взаимодействия государственной гражданской и муниципальной службы и, соответственно, потребность в специальных комплексных междисциплинарных ис-

следованиях. Усиление исследовательского интереса к данной проблематике связано с процессами социальной и политической модернизации российского социума, с проводимыми административной и муниципальной реформами, с реформой государственной службы. Новые социальные вызовы требуют комплексного подхода к социальному взаимодействию государственной гражданской и муниципальной службы, основанного на органичном соединении научных знаний, научной методологии и методики с новейшими управленческими технологиями в целях повышения социальной эффективности деятельности властных структур.

В современных условиях социальное пространство характеризуется усложнением социальной структуры, изменением оснований социальной дифференциации общества, увеличением значения свободного выбора и фрагментации социальной идентичности. Функционирование в условиях социальных изменений обуславливает необходимость формирования новых моделей взаимодействия социальных институтов. Государственной гражданской и муниципальной службе необходим комплекс механизмов и инструментов, дающих возможность не только адаптироваться к изменениям социальной среды, но и активно реагировать на ее вызовы.

Социальные изменения представляют собой внешний социальный контекст, во многом детерминирующий процессы институционализации государственной гражданской и муниципальной службы, так как институциональные изменения служат индикатором более глубоких изменений социальной структуры общества. Под социальными изменениями понимается любая необратимая трансформация процессов, институтов и структур общества. На наш взгляд, наиболее четко характеризует современное состояние российского общества Н.Ф. Наумова, вводя для этого понятие «рецидивирующая модернизация». Современное общество – «пределный случай нестабильного состояния развивающейся социальной системы» [1, с. 5]. Социальные изменения немыслимы без социального субъекта. В большей степени изменениям подвержены процессы, в меньшей – структуры и институты, являющиеся «островами» социума.

Социальные агенты, в том числе и государственная гражданская и муниципальная служба, выстраивая совокупность отношений, отражают собственные практики в диспозициях, являющихся структурными элементами социального поля. На их формирование, институционализацию, характер функционирования как социальных институтов оказывают влияние социальные изменения. Социальные трансформации обуславливают необходимость институциональных изменений государственной гражданской и муниципальной служб, характера их функционирования как социальных институтов. В связи с этим, на наш взгляд, важно определить сущность понятий «государственная гражданская служба», «муниципальная служба» с позиции институционального подхода, выделить основные направления институциональных изменений.

Вопросы институционального развития государственной гражданской и муниципальной службы, как особых видов профессиональной деятельности занимают одно из ведущих мест в проблемном поле социологии управления.

Вместе с тем закономерности воздействия и влияние социальных изменений на процесс институционализации, определение сущностных характеристик государственной гражданской и муниципальной службы как социальных институтов, социальные механизмы их взаимодействия недостаточно исследованы. В данном контексте принципиально важным представляется анализ их институциональных характеристик, определение концептуальных оснований социального взаимодействия и пути совершенствования механизмов взаимодействия государственной гражданской и муниципальных службы с целью повышения социальной эффективности.

Специфические институциональные признаки государственной гражданской службы определены особенностями этой профессиональной деятельности и складываются под значительным влиянием функционального ядра трудового поведения, предписываемого организационно-управленческими и квалификационно-профессиональными стандартами. Формально определенная стандартизация поведения играет значительную роль для поведения индивидов и социальных групп. В установках и образцах поведения на государственной гражданской службе, которые являются важнейшими характеристиками социального института, преобладают лояльность к вышестоящим органам и руководителям, четкая иерархия и субординация, обязательное подчинение приказам и распоряжениям вышестоящих структур и органов. Постоянно подчеркивается связь с государством и проводимой политикой.

В настоящее время можно выделить две разнонаправленные тенденции развития государственной службы. С одной стороны, это определенное продвижение в направлении ее демократической модернизации с учетом мирового опыта, а с другой – стремление к оформлению независимой от общественного контроля бюрократической корпорации с ее особым миром и системой ценностей. Существование двух противоположных тенденций стало возможным вследствие противоречивости общественных ожиданий, обращаемых населением к государству. Подобная противоречивость присуща не только России. В западных странах можно обнаружить сходные противоречия в ожиданиях граждан, обращенных к своим правительствам. Выступая механизмом государственного управления, государственная служба имеет ряд особенностей, присущих ей как социальному институту. Иными словами, имеются отличия государственной службы как социального института от других видов профессиональной деятельности.

Государственная гражданская служба как социальный институт представляет собой особый вид социальной практики, нацеленной в конечном итоге на обеспечение законных прав и свобод граждан, на создание благоприятных условий для их безопасности и достойной жизни; расценивается как функция социального слоя людей – государственных служащих, которым присущи свои особые корпоративные потребности и интересы; как срез общественных отношений, складывающихся в процессе выполнения государственным аппаратом функций по обеспечению органической связи государства и гражданского общества; наконец, государственная служба – это носитель культуры социума и народных традиций, должной морали и духовности российского общества

[2, с. 367]. Социальный характер государственной службы проявляется на трех уровнях: общества (природа социального института, его цели, функции); социального слоя государственных служащих (ценности, традиции, нормы); отдельного государственного служащего (социальный статус, престиж, имидж, рейтинг).

Государственная служба постоянно видоизменяется, трансформируется, реагируя на процессы, происходящие в политической системе, проявляя себя как институт, а применительно к управлению – вид деятельности. Функции государственной службы можно разделить следующим образом: с одной стороны, свойственные данному социальному институту, отражающие ее роль и назначение в обществе; с другой – публично-правовые, характеризующие ее роль в системе органов и структур государства в осуществлении его целей и задач. Государственная служба в институциональном аспекте по отношению к социальной системе представляет собой весьма сложный в социально-политическом отношении институт.

Институциональное развитие муниципальной службы связано с процессом внедрения в России принципиально новой системы организации власти на местном уровне – системы местного самоуправления. Организационное обособление местного самоуправления от системы органов государственной власти явилось основой для формирования нового вида службы в системе публично-правовых отношений. Впервые определение понятия «муниципальная служба» закреплено Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в котором термины «муниципальный» и «местный» в отношении структурных элементов и случаев, касающихся осуществления населением местного самоуправления, признаны равнозначными.

Разделение государственной гражданской и муниципальной службы закреплено юридически. В соответствии с Конституцией РФ органы местного самоуправления не могут рассматриваться в качестве органов государственной власти. Основанием для организационной обособленности местного самоуправления служит наличие самостоятельного объекта муниципальной деятельности – вопросов местного значения. Это значит, что органы государственной власти не вправе вмешиваться в деятельность органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, а муниципальные образования вправе самостоятельно определять свою административную структуру, адекватную необходимости эффективной реализации вопросов местного значения.

По мнению В.И. Фадеева, муниципальная власть и власть государственная являются формами публичной власти, производными от единого источника – власти народа [3, с. 105]. С.Ю. Фабричный отмечает, что процессы развития отечественной модели местного самоуправления и институционализации муниципальной службы во второй половине XIX в. «...в значительной степени были обусловлены слабостью и разбалансированностью государственных институтов. Система местного самоуправления, формировавшаяся в начале 90-х годов, не лишена надуманности и нуждается в коррективах. Понимание необхо-

димости внесения изменений в законодательство о местном самоуправлении в совокупности с беспристрастным анализом теории и практики без малого 11-летнего периода современной российской истории, опыта земского самоуправления должны помочь избежать крайностей, которыми так богато наше прошлое» [4, с. 18].

Процесс институционализации муниципальной службы осложняется в силу ряда причин: неразвитости гражданского общества, отсутствия взаимодействия четко структурированных частных интересов [5, с. 83–101], формирования бюрократического теневого управления. Наличие устойчивого равновесия между объектом и субъектом управления в местном сообществе зависит от разумного сочетания методов управления и самоуправления, позволяющих адекватно реагировать на вызовы постоянной меняющейся среды, как внешней, так и внутренней.

Исходя из законодательства о местном самоуправлении и муниципальной службе, можно выделить ряд ее особенностей: муниципальная служба функционирует в сфере публичной власти и является публично-властной деятельностью; задачи муниципальной службы связаны с обеспечением самостоятельного решения населением вопросов местного значения. Муниципальная служба как социальный институт представляет собой: особый вид социальной практики, нацеленной в итоге на обеспечение законных прав и свобод граждан, на создание благоприятных условий для их безопасности и достойной жизни; функцию особого социального слоя людей – муниципальных служащих со своими корпоративными интересами и запросами; срез общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления муниципальным служащим особых функций по обеспечению органичной связи муниципальных органов с населением; наконец, муниципальная служба является носителем культуры социума и народных традиций, должной морали и духовности общества [6, с. 55].

К социальным функциям муниципальной службы можно отнести следующие: реализацию интересов, прав и свобод граждан; эффективное решение социальных задач общества: производство социальных услуг; разрешение социальных конфликтов; регулирование социального статуса муниципальных служащих; формирование их социального состава в соответствии с принципом равного доступа граждан к муниципальной службе.

Местное самоуправление представляет собой специфическую «ветвь власти», которая, с одной стороны, участвует в осуществлении политической власти, а с другой – наиболее полно учитывает интересы населения. Объективным требованием времени является овладение новыми управленческими отношениями на государственной и муниципальной службе. Изменение культуры управления связано с необходимостью вытеснения устаревшей парадигмы управленческого воздействия в социальных системах и ее замены новой, более соответствующей современным условиям. Принципиально новая культура управления должна исходить из приоритета закона и ограничения власти законом, из ответственности перед обществом, а не перед какими-то его группами. Изменение культуры управления – социальный процесс, который связан с профессиональной, организационной, идеологической и морально-психологи-

ческой переориентацией государственных и муниципальных служащих. Необходимо также переход от замкнутости, бюрократизма во взаимоотношениях с гражданами к открытым, ориентированным на нужды людей отношениям.

Понимание демократической сущности и социальной роли государства неразрывно связано с сущностной характеристикой государственной гражданской и муниципальной службы как публичных институтов, призванных «обеспечивать реализацию целей и задач государства и государственного управления, аккумулировать и интегрировать интересы граждан Российской Федерации» [7, с. 88]. Административно-управленческие отношения носят двойственный характер, поскольку, с одной стороны, являясь проекцией внешней среды, испытывают воздействие социальных факторов и условий (характер общественно-политического строя, уровень развитости гражданского общества), а другой – поведение работников в органах государственной власти и местного самоуправления во многом определяется спецификой профессиональной деятельности служащих.

На основании изложенного можно сделать вывод, что государственная гражданская служба является институтом, функционирование которого должно иметь четкие социальные ориентиры, к которым можно отнести защиту и обеспечение прав личности, организацию социальной защиты граждан и различных структур гражданского общества, а органы местного самоуправления укрепляют государственную власть, делая ее более гибкой и эффективной. Местное самоуправление представляет собой специфическую «ветвь власти», которая, с одной стороны, участвует в осуществлении политической власти, а с другой – наиболее полно учитывает интересы населения.

Таким образом, в демократическом государстве деятельность государственных и муниципальных служащих должна быть направлена на пользу общества через грамотное и эффективное оказание услуг населению, а функционально – выступать одним из механизмов государственного управления.

Библиографический список

1. *Наумова, Н. Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, или ресурс человечества? [Текст] / Н. Ф. Наумова; под ред. В. Н. Садовского, В. А. Ядова. – М., 1999.
2. *Мельников, В. П.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность [Текст] / В. П. Мельников, В. С. Нечипоренко. – М., 2003.
3. *Фадеев, В. И.* Муниципальная служба – новый вид службы в Российской Федерации [Текст] / В. И. Фадеев // Местное самоуправление: современный российский опыт законодательного регулирования. – М., 1998.
4. *Фабричный, С. Ю.* Муниципальная служба в Российской Федерации [Текст] / С. Ю. Фабричный. – М., 2001.
5. *Быстрова, А. С.* Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы [Текст] / А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2000. – Т. 3. – № 1.
6. *Нечипоренко, В. С.* Муниципальное управление: правовые основы муниципальной службы [Текст] / В. С. Нечипоренко. – М., 2001.
7. *Нелидов, Н.* Какой быть государственной службе? [Текст] / Н. Нелидов, А. Турчинов, В. Романов [и др.] // Государственная служба. – 2001. – № 1.

М.В. Шедий,

кандидат социологических наук, доцент

Орловской региональной академии государственной службы

КОРПОРАТИВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

В начале третьего тысячелетия Россия вступила в очередную и, вероятно, самую трудную реформу – административную, которая может быть успешной лишь в случае, если окажется комплексной, учитывающей тенденции развития страны, инновации в кадровом менеджменте.

Прогрессивное обновление российской государственной гражданской службы диктует необходимость создания единой социально-профессиональной корпорации государственных служащих, осознающих специфику своих корпоративных ценностей и интересов и способных эффективно реализовать требования общества. Ценностную основу формирующейся модели государственной гражданской службы составляют не только динамично развивающаяся совокупность ценностей, среди которых ключевыми являются ценности российской ментальности, общецивилизационные ценности, нормативные ценности Конституции Российской Федерации, но и корпоративные ценности, ориентированные на цели и миссию демократического, правового и социального государства.

Под корпоративными ценностями прежде всего следует понимать социальные значимые предметы, явления и процессы, направленные на удовлетворение потребностей членов организации в самосохранении, самовоспроизводстве внутренних интересов и структуры и служащие стратегическими детерминантами поведения личности во времени и культурном пространстве организации.

Ценности, разделяемые и декларируемые наиболее авторитетными руководителями государственной гражданской службы, зачастую становятся тем ключевым звеном, от которого зависит сплоченность сотрудников различных подразделений и уровней управления. Эти ценности, формирующие единство взглядов и действий, а следовательно, обеспечивающие эффективность достижения целей госаппарата, образуют центральную корпоративную систему ценностей, которая объединяет внутренние и внешние среды организации, а также нижние и верхние уровни управления. В нее включены такие корпоративные ценности, как служение общественному благу, профессиональная компетентность, социальная ответственность за свои действия, карьера, корпоративная этика, дисциплина, гласность в осуществлении профессиональной деятельности, личная идентификация с группой, строгое следование установленным правилам и процедурам, престиж и социальный статус профессии государственного служащего.

Исследование корпоративных ценностей российской государственной гражданской службы позволило выявить, что наиболее важной корпоративной цен-

ностью является личная идентификация служащего с группой, то есть осознание служащими своей идентичности. Как показали социологические исследования, степень осознания своей идентичности в отношении других групп населения и профессиональных слоев у служащих органов исполнительной власти велика. Социологический анализ анкетирования госслужащих администраций различного рода показал, что основным критерием, позволяющим в социально-психологическом плане рассматривать корпорацию государственных служащих как целостное образование, является присутствие социально-психологического эффекта, обозначенного как «Мы – работники администрации» [1].

Анализ материала социологических исследований, подтвержденный теоретическими выводами Е.А. Агеевой, Н.А. Чельшевой, А.В. Понеделкова, В.Г. Игнатова, Г.П. Зинченко и других, показывает, что основной корпоративной ценностью общности госслужащих является осознание принадлежности к государственному аппарату управления с его спецификой и атрибутами.

Безусловно, значимой для большинства чиновников является корпоративная ценность карьеры, связанная с должностным продвижением, приобретением новых материальных, социальных и правовых статусов. Продвижение по служебной лестнице имеет большое значение почти для всех государственных гражданских служащих, причем служебная карьера трактуется ими как предоставляемая гражданину возможность поступления на государственную гражданскую службу, перспектива роста влияния, ответственности и оклада. Следовательно, именно карьера – наиболее важная ценность в корпоративной системе ценностей государственной гражданской службы.

Государственная гражданская служба характеризуется жесткими требованиями, предъявляемыми к соблюдению норм и ролей корпоративной структуры. Анализ данных показывает, что в настоящее время среди критериев оценки труда государственные гражданские служащие поставили на третье место соблюдение дисциплины и порядка (45,2%), которое ценится выше таких критериев, как реальная польза для организации (24,7%), стаж работы (22,3%), строгое соблюдение правил (22,9%), творчество и инициатива (30,8%).

Таким образом, корпоративные ценности государственной гражданской службы – это сложный комплекс, включающий единые представления основной массы государственных гражданских служащих о своем месте и роли в обществе, оценку своих возможностей, действий и их результатов.

На современном этапе институционализации российской государственной гражданской службы сосуществуют как традиционные корпоративные, так и новые, только зарождающиеся ценности. Немаловажен факт, что процесс возникновения, закрепления и развития новых ценностей во властных структурах происходит медленно в связи с закономерным стремлением власти к самосохранению. Причем значительная часть служащих остается в рамках устаревшей парадигмы управления обществом, над ними довлеют стремительно устаревающие понятия о целях службы, организационной и корпоративной культуре, профессионализме.

Вместе с тем наблюдается рост готовности определенной части служащих – ориентированных на интересы развития общества и собственные социально-

профессиональные ценности – к организационным социокультурным изменениям. Как отмечает профессор В.Л. Романов, «исследования свидетельствуют, что чувство долга, социальной ответственности, стремления делать добро, следование традициям служения Родине и т.д., формирующие ядро государственного корпуса, укрепляют новый тип государственной службы как службы государства народу – верховному субъекту власти» [2, с. 46].

Таким образом, формирование корпоративных ценностей государственной гражданской службы, нацеленных на общенациональные интересы, будет способствовать не только воспитанию у служащих этических основ и высокой нравственности, но и превращению государственного аппарата в авангард преобразований, пользующийся высокой степенью доверия граждан.

Библиографический список

1. *Калиниченко, Л. А.* Социальная организация государственной службы [Текст] / Л. А. Калиниченко. – М., 2000.

2. *Романов, В. Л.* К становлению новой парадигмы обществоведения [Текст] / В. Л. Романов // Синергетика: человек, общество. – М., 2000.

А.Р. Гарифова,

аспирант Казанского государственного технологического университета им. С.М. Кирова

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Любой социальный процесс, социальное явление наполняются определенным культурным содержанием. Рассмотрение организаций как сообществ взаимодействующих индивидов, имеющих единообразное понимание своих целей, ценностей, норм и правил поведения, привело к появлению понятия организационной культуры.

В последние годы интерес к организационной культуре усилился в связи с тем, что возросло понимание влияния, которое культура оказывает на функционирование организации. Многочисленные исследования показывают, что процветающие организации отличаются высоким уровнем культуры, который формируется в результате продуманных усилий, направленных на развитие духа организации, во благо всех заинтересованных в ее деятельности сторон.

Проблемы организационной культуры освещаются как в зарубежной, так и в отечественной социологии. Вместе с тем исследований, посвященных орга-

низационной культуре, сложившейся в российских организациях, с привлечением конкретных эмпирических данных явно недостаточно.

Перестройка современного российского общества, изменения в экономической, политической и других сферах жизнедеятельности общества повлекли за собой трансформацию социокультурной ее составляющей. Потеря ориентиров деятельности индивидов, неопределенность статуса субъекта социальной жизни – все это можно характеризовать как кризис ценностей, необходимых человеку для осуществления выбора моделей своего поведения.

В обществе утрачены многие прежние ценностные ориентации, новые же пока не установились ни в общественном, ни в личном сознании. В настоящее время идет активный поиск этих ценностей, путей и методов ценностной переориентации жизнедеятельности людей, в том числе внутри организаций. Формирование новой организационной культуры возможно только на основе широкого распространения демократических ориентиров общественной жизни, рыночной направленности развития экономики.

При становлении этой новой модели культуры следует учитывать опыт передовых западных стран, но не забывать достижений национальной культуры. Механический перенос западного опыта на российскую почву далеко не всегда бывает эффективен. Россия – страна с богатой культурой, в том числе и культурой управленческой деятельности. Возрождение отечественной организационной культуры с учетом положительного опыта советского периода, на базе новых ценностных ориентаций, несомненно, принесет пользу развитию экономики, существенно улучшит социально-психологический климат нашего общества.

Интерес представляют проблемы организационной культуры государственной службы, на наш взгляд, малоизученные и в зарубежной, и в отечественной социологии. Изучение организационной культуры государственной службы, как правило, ограничивается прикладными исследованиями. Их теоретической базой являются сформированные за рубежом, под влиянием интереса к решению практических проблем управления, концепции организационной культуры [1].

Изучение организационной культуры государственной службы за рубежом активизировалось в 1990-х годах. Это было вызвано изменением общественных ожиданий, обращенных к аппарату управления, а также переосмыслением организационных основ государственной службы [2, с. 34–64; 3, с. 29]. В частности, А. Лоутон и Э. Роуз подчеркивают, что в культуре государственных организаций наблюдаются консервация устаревших ценностей и норм служебной деятельности, отставание от новых идей и опыта коммерческих структур [4]. Д. Осборн, П. Пластик и другие специалисты рассматривают развитие организационной культуры как один из механизмов реформирования системы государственной службы и приведения государственных структур в соответствие с новыми условиями жизнедеятельности общества [2; 3; 5].

В.Л. Романов и В.С. Нечипоренко считают, что понятие «организационная культура государственной службы» включает в себя культуру «организационных внутрислужебных построений и отношений» [6, с. 31]. В отчете о научно-исследовательской работе РАГС дается более конкретное определение данного понятия: организационная культура государственной службы – это «историчес-

ки обусловленная социокультурная система, представляющая собой нормативно определенные формы и способы организации государственных служащих на основе гармонии ее подсистем (профессиональная культура, культура организации, информационная культура) в интересах достижения высокой результативности государственного управления» [7, с. 236]. В.В. Шуваева предлагает следующее определение понятия «организационная культура государственной службы»: это «комплекс ценностей и норм служебного поведения, принимаемых и разделяемых государственными служащими определенного государственного органа и являющихся продуктом их совместной деятельности» [8, с. 134].

Чтобы дать определение понятия «организационная культура государственной службы», необходимо вычлнить особенности организационной культуры государственной службы. Рассматривая особенности организационной культуры государственной службы, следует определить специфические характеристики государственных органов. Среди этих характеристик выделим следующие:

- зависимость деятельности государственного органа от выборных должностных лиц;

- многоуровневая иерархическая структура государственного органа;

- организация государственного управления на принципах функционального разделения (решение отделено от исполнения, исполнение разделено по функциям, функции сконцентрированы в подразделениях, которые разбиты на должности, сведенные к конкретным задачам, задачи закреплены в инструкциях) [5, с. 399];

- государственные структуры близки к монополии в том смысле, что они практически не испытывают давления со стороны конкурентов и потребителей их услуг;

- в процессе осуществления государственным органом функций по обеспечению органической связи государства и общества формируется особый срез общественных отношений, характер которых определяет условия деятельности государственного органа [8, с. 33].

Особенности организационной культуры государственной службы определяются не только специфическим положением самого государственного органа. Большое значение имеет также статус государственных служащих как профессиональной группы, который определяется законодательством. Отметим, что уровень, вид государственной службы и функции, ей отведенные, тоже влияют на особенности организационной культуры государственной службы.

На основе изложенного сформулируем определение организационной культуры государственной службы: это наиболее стабильно и продолжительное время существующая качественная характеристика государственного органа как совокупности процессов и действий, ведущих к его органической целостности. Формирование сильной организационной культуры государственной службы является необходимым условием эффективного функционирования и развития данного социального института.

Разрешение существующего противоречия между необходимым уровнем организационной культуры государственной службы, с одной стороны, и его наличным (сегодняшним) состоянием – с другой, позволит создать условия

для повышения эффективности деятельности государственных органов и системы государственной службы. Таким образом, перспектива развития российского общества, государства во многом зависит от организационной культуры государственной службы.

В результате трансформации внешней среды работники государственной службы сталкиваются с новыми требованиями, целями и задачами. Изучение организационной культуры государственной службы становится сегодня перспективным направлением научной деятельности, в рамках которой решаются проблемы эффективного функционирования государственного аппарата. Государственная служба России призвана регулировать общественные процессы, обеспечивать целостность государства и реализацию интересов граждан.

Актуальность данной темы обусловлена кризисным состоянием отечественной государственной службы, очевидным проявлением которого является распространение таких аномальных явлений, как взяточничество, коррупция, безразличное отношение к интересам общества, государства и гражданина. В российском обществе наблюдается тенденция сращивания части государственных служащих с предпринимательскими структурами, роста коррумпированности должностных лиц, взяточничества, нравственного перерождения кадров. Отрицательный в общественном сознании образ чиновника-бюрократа и казнокрада мешает привлечению на государственную службу высокопрофессиональных специалистов, качественному укреплению кадрового потенциала, усиливает отчуждение общества от государственной власти, снижает ее авторитет [9, с. 235].

Как показывает мировой опыт, успешная реализация программы реформирования государственной службы сопряжена с изменением сложившейся по своей сути организационной культуры государственной службы. Однако в отечественной науке недостаточно социологических исследований, посвященных организационной культуре. Изучение же организационной культуры государственной службы приобретает важнейшее значение для экономики России.

Библиографический список

1. Оучи, У. Г. Методы организации производства: японский и американский подходы [Текст] / У. Г. Оучи; пер. с англ. – М., 1984.
2. Госслужба: кадры на рубеже веков (зарубежный опыт) [Текст]. – М., 1998. – № 3.
3. Госслужба: тенденции развития (зарубежный опыт) [Текст]. – М., 1997.
4. Лоутон, А. Организация и управление в государственных учреждениях [Текст] / А. Лоутон, Э. Роуз. – М., 1993.
5. Осборн, Д. Управление без бюрократов: пять стратегий обновления государства [Текст] / Д. Осборн, П. Пластрик; пер. с англ. Л. И. Лопатникова. – М., 2001.
6. Социологический эскиз коллективного портрета госслужащих [Текст] : информационно-аналитический бюллетень. № 1 : Социология власти. – М., 2000.
7. Разработка и реализация государственной кадровой политики [Текст] : отчет о НИР / РАГС; руководитель В. Л. Романов. – М., 2001.
8. Шуваева, В. В. Организационная культура государственной службы как фактор формирования имиджа государственных служащих [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук / В. В. Шуваева. – Волгоград, 2003.
9. Фетисов, Э. Н. Социально-трудовая сфера: сущность, аспекты и формы проявления [Текст] / Э. Н. Фетисов. – М., 1997.

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Д.Н. Фартуков,

*соискатель Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

С началом рыночных преобразований в России реализация социальных функций рассматривалась в качестве элемента общей экономической стратегии страны. Предполагалось сочетать либеральный подход, постепенно освобождающий государство от роли распорядителя экономическими и социальными процессами, с использованием задела, который был создан прежней системой. Однако, по существу, первостепенное внимание уделялось экономическим преобразованиям, а доминирующими при реализации социальных функций в переходный период оказались «пожарные меры» в отношении отдельных слоев населения (шахтеры, учителя, военные, инвалиды) при консервации системы социальной защиты на уровне денежно-компенсационных механизмов. Просчеты в определении общей стратегии развития и недооценка социальной составляющей реформ привели к ряду негативных последствий, качественно снизивших уровень жизни большей части населения России. Стало ясно, что дальнейшее игнорирование государством выполнения социальных функций при сложном административном построении России без централизованного управления сверху невозможно. Это лишь приведет к дальнейшему обособлению регионов. В то же время государственный бюджет после форсированной приватизации, в результате которой в течение 1992–1999 г. Россия получила 9 млрд 250 млн долл., что, к примеру, на 2,1 млрд долл., или в 1,6 раза, меньше, чем доход, полученный Венгрией, где государственная собственность была намного меньше российской [1, с. 46–47], в полном объеме не мог взять на себя даже минимальную поддержку выполнения социальных функций, гарантированных Основным Законом страны.

Выход виделся в том, чтобы на конституционном уровне провозгласить Рос-

сию демократическим, правовым *социальным* государством, а также разграничить предметы ведения между Федерацией и ее субъектами, наложив на последних круг обязанностей в социальной сфере. Но, провозгласив передачу многих социальных функций из центра в регионы, государство не обеспечило для этого необходимой законодательной базы, не определило достаточно четко источники средств для их практической реализации. Такая социально-политическая ситуация поставила вопрос о разделении обязанностей и полномочий в процессе перераспределения социальных функций, разграничении объема их выполнения между федеральными и региональными властями, а также между государством с одной стороны и неправительственными организациями и частными лицами – с другой.

На основе этих изменений и разразился конфликт в высших эшелонах власти: когда реформистское крыло Российского правительства стало бороться с традиционалистами в парламенте и в самом правительстве. Оно также оказалось в конфликте с региональными элитами и выборными региональными органами власти. При этом серьезные разногласия развернулись в отношении двух базовых элементов экономической трансформации: стабилизации и либерализации цен. Многие регионы оказались неспособными взять на себя «новый» круг обязанностей, а другие – просто не желали этого делать, так как во всех неудачах привычнее было обвинять государство. Стоит ли удивляться, что не всем хотелось гласности при принятии решений, особенно если они связаны с бюджетом, а также скорейшим переходом к цивилизованному рынку.

Сегодня региональный уровень формирования и реализации социальных функций привлекает к себе самое пристальное внимание, поскольку призван использовать имеющиеся ресурсы для достижения таких важных стратегических задач, как наиболее полное обеспечение социальных гарантий и повышение уровня жизни каждого российского гражданина.

В последние годы наблюдается определенный поворот государства к реализации социальных функций. Особое внимание сегодня уделяется такой проблеме, как недопущение необратимой территориальной дезинтеграции государства. Главным интересом каждого региона является блокирование возможности распада социальной сферы, сбалансированность социальных, экономических и иных отношений, обеспечение на этой основе стабильного и согласованного развития всех элементов локализованной социальной сферы, соответствующей потребностям человека, общества и природы. При этом подразумевается, что кроме общеэкономического и общесоциального потенциала есть мощный внутрирегиональный потенциал, который можно реализовать исключительно на местном уровне. Это, пожалуй, одна из основных задач региональной политики и государства, и регионов. Так, в конце 2005 г. правительство объявило о реализации четырех национальных проектов, которые должны совершить «прорыв» в медицине, образовании, строительстве доступного жилья и сельском хозяйстве. Основную ответственность за их реализацию предполагалось возложить на субъекты Российской Федерации, предусматривая выделение на эти цели региональных финансовых ресурсов, а в случае их недостатка – помощь из федеральных источников.

По данным социологических опросов объявленная Правительством РФ реализация данных национальных проектов вызвала настороженность у значительной части россиян. Как справедливо отмечает В.В. Петухов, «сегодня у многих людей присутствует ощущение, что объявленные социальные программы означают не что иное, как перекалывание бремени ответственности за их решение на самих граждан, причем в тех сферах и областях, где россияне особо рассчитывают на государство... Причем полагаются не просто на государство, а на структуры федеральной власти, поскольку понимают, что перенесение центра тяжести реализации многих социальных программ в регионы, подавляющее большинство из которых являются дотационными, означает своеобразную и хорошо известную по 90-м годам форму «сброса социалки» [2, с. 23–24]. Кроме того, многие эксперты отмечают, что предусмотренных расходов и федеральных компенсаций для региональных и местных бюджетов недостаточно, частные же структуры не могут быстро «переварить» такой огромный сектор для приложения капитала.

Особое место в реализации социальных функций государства, на наш взгляд, принадлежит механизму правового регулирования взаимодействия бюджетно-налоговых систем на федеральном и региональном уровнях. В соответствии со ст. 133 Бюджетного кодекса РФ в составе федерального бюджета образуется Федеральный фонд компенсаций в целях предоставления субвенций на исполнение социальных обязательств субъектов РФ. Методика их распределения утверждается Правительством РФ на основе требований Бюджетного кодекса [3]. Важнейшие количественные пропорции такого «дележа» бюджета можно увидеть в принимаемых ежегодно законах Российской Федерации о бюджете на очередной финансовый год, что служит ярким обоснованием неравноправия субъектов в возможности реализации приоритетных направлений деятельности государства. Так, например, из федерального фонда финансовой поддержки на Москву и Саратовскую область на 2006 г. (2007 г.) было выделено: на софинансирование социальных расходов: г. Москва – 862 832 (309 743) тыс. руб., Саратовская область – 329 638 (361 784) тыс. руб.; на оплату жилищно-коммунальных услуг отдельным категориям граждан: г. Москва – 527 5363 (5 088 646) тыс. руб., Саратовская область – 879 585 (907 274) тыс. руб. [4, 5].

Данное сравнение приведено не случайно, так как в Саратовской области наблюдается острый дефицит бюджета, хотя она не самая бедная. Поэтому осенью 2006 г. депутаты Саратовской городской Думы составили губернатору П. Ипатову письмо, в котором вновь подняли вопрос о необходимости увеличения бюджетной составляющей областного центра на 2007 г., так как средств на реализацию социальных программ в Саратове недостаточно. В нем они акцентировали внимание на том, что при подготовке нового бюджета законодатели сознательно занизили потребности областного центра почти на 3 млрд руб. При этом такое занижение бюджета происходит на протяжении десяти лет, в связи с чем Саратов постепенно деградирует, сдавая позиции губернского города [6].

Как сообщил сопредседатель согласительной комиссии Л. Писной, общий объем расходов областного бюджета на 2007 г. запланирован в размере 27 млрд руб. Это на 16% выше аналогичного периода. Проектом бюджета предусмотре-

но увеличение финансирования ряда областных целевых программ. Так, на целевую программу «Обеспечение населения Саратовской области доступным жильем и развитие жилищного строительства на 2005–2010 гг.» предусмотрено 260,6 млн руб., что в 8 раз больше, чем в бюджете 2006 г. [7]. Данные цифры невольно наводят на вопрос: как бюджет по сравнению с предыдущим годом вырос всего на 16%, а запланированные расходы на указанные программы от 50 до 220%? Здесь уместно предположить только одно: деньги сэкономлены на других статьях расходов бюджета области, касающихся социальной сферы.

В последние годы в России все большую тревогу вызывает рост неблагоприятных тенденций в состоянии здоровья населения. Потеря здоровья является для населения страны наиболее важным, актуальным страхом, поскольку в первую очередь может привести к застойной бедности. Как показывают социологические исследования, основным фактом, влияющим на него, выступает экология [8, с. 7], состояние которой в Саратовской области вызывает особую озабоченность. К примеру, Саратов с 2004 г. находится в так называемом «приоритетном списке» – перечне городов с наибольшим средним уровнем загрязнения атмосферы. Так, 88% сточных вод сбрасывается неочищенными или недостаточно очищенными, большинство свалок до сих пор не имеют проектов обустройства [9]. Между тем областное правительство образовало целое направление в прессе по демонстрации «ярких» проявлений в реализации национальных проектов в области. При этом основная ставка сделана на «современное здравоохранение» (строительство больниц и спортивных комплексов) и оставлены без внимания существующие в городе проблемы окружающей среды. Здесь уже не является секретом то, что строительство таких объектов напрямую связано с областным бюджетом, которое может с лихвой оправдать все необоснованные его расходы.

Особое направление реализации социальных функций занимает и другая не менее важная государственная программа – *обеспечение населения доступным жильем*. Начальные итоги ее проведения в Саратовской области позволяют констатировать, что сегодня данная программа не решает поставленных перед ней задач. Так, в числе основных проблем, затрудняющих эффективную работу проекта, можно отметить то, что популярность ипотеки и отдание застройщиками предпочтений строительству жилья в так называемых элитных районах приводят к значительным повышением цен на жилье. Поэтому, как справедливо отмечает директор Института социологии РАН М.К. Горшков, «реализуемая ныне жилищная политика ориентирована на решение жилищных проблем наиболее благополучных россиян... Но доля тех, кто хочет и способен решить свою жилищную проблему с помощью ипотеки, составляет не более 8% населения» [10, с. 7].

В современном мире, ориентирующемся на знания, главным фактором производства и запросов национальной экономики выступает необходимость *эффективного развития образовательной сферы*. К тому же высшее образование выступает в качестве важнейшей социокультурной нормы и относительно доступным и легальным каналом вертикальной мобильности населения. Эта социальная система требует только необходимых материальных затрат от госу-

дарства для повышения качества образования и совсем не предполагает каких-либо инновационных реформ в ней. Сегодня проводимое ее реформирование Правительством РФ в рамках приоритетных национальных проектов выглядит по крайней мере абсурдно. Например, введение ЕГЭ не может в массовом масштабе открыть доступ в вузы способной молодежи из малообеспеченных семей. Ведь поступление в образовательные учреждения практически напрямую стало зависеть от материального положения человека. В то же время переход от «классической» формы системы высшего образования к двухступенчатой с увеличением доли платного обучения вообще ставит вопрос о возможности получения такого образования большей частью населения России. Поэтому представляется необходимым отметить, что данные преобразования будут способствовать лишь повышению социальной напряженности в регионах. Единственным позитивным моментом этой реформы выступает повышение, хотя и незначительное, заработной платы учителям.

Впрочем, подводить итоги реализации национальных проектов пока преждевременно. Очевидно, если не будет положительных изменений, россияне постигнет очередное разочарование, которое лишь усилит негативное отношение к местным властям.

Безусловно, начатая государством реализация национальных проектов действительно направлена на решение важных социальных проблем. Однако различная степень отношения руководителей субъектов РФ, а порой и просто нехватка средств в большинстве случаев затрудняют их реализацию на уровне региона. Данное обстоятельство требует решения двух взаимосвязанных вопросов: 1) по каким принципам должна быть распределена между разноуровневыми органами власти и управления ответственность за осуществление расходов на реализацию социальных программ; 2) каким образом необходимо распределить источники доходов для покрытия указанных расходов.

Изложенное позволяет сделать вывод, что Российское государство может стабильно функционировать и развиваться только при наличии реальной политики реализации социальных функций, выражающей согласованные интересы в сфере федеративных отношений и реализующей эти интересы с помощью правовых и ресурсообеспечивающих механизмов.

Таким образом, рассмотренные проблемы реализации социальных функций государства на региональном уровне дают основание заключить, что Правительством Российской Федерации принято недостаточно мер для исправления ситуации в социальной сфере, в связи с чем реализация социальных функций должна рассматриваться не только как одно из приоритетных направлений в деятельности государства, а в первую очередь как *составная часть национальной безопасности*.

Библиографический список

1. Социальная политика: Ориентир – новый средний класс [Текст] // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 4. – С. 46–47.
2. Петухов, В. В. От монетизации льгот к национальным проектам [Текст] / В. В. Петухов // *Социс*. – 2006. – № 12. – С. 23–24.

-
3. Бюджетный кодекс РФ [Текст]. – М., 2002. – С. 74.
 4. Федеральный закон от 26 декабря 2005 г. № 189-ФЗ «О Федеральном бюджете на 2006 г.» [Текст] // Парламентская газета. – 2006. – № 4/5. – 16 янв.
 5. Федеральный закон от 19 декабря 2006 г. № 238-ФЗ «О Федеральном бюджете на 2007 г.» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (ч. 2). – Ст. 5602.
 6. *Алексеев, Н.* Обобрали горожан? [Текст] / Н. Алексеев // СОВФАКС. – 2006. – 24 нояб.
 7. *Каневская, Л.* Бюджет по осени считают [Текст] / Л. Каневская // СОВФАКС. – 2006. – 24 нояб.
 8. *Волкова, М. Б.* Современные детерминанты здравоохранительного поведения в России [Текст] / М. Б. Волкова, Н. И. Кузнецов. – Саратов, 2004.
 9. *Перепеченов, С.* И снова о наблевшем [Текст] / С. Перепеченов // СОВФАКС. – 2006. – 10 нояб.
 10. *Горшков, М. К.* Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения [Текст] / М. К. Горшков // Социс. – 2006. – № 12.

А.В. Семенова,

*преподаватель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Начало массовой миграции на территорию Российской Федерации приходится на 1990-е годы. Государство в тот период было не готово к регулированию потоков миграции. Резкий переход к политике «открытых дверей» в условиях не подготовленной к широкомасштабным миграционным потокам законодательной базы, системы исполнительной власти, кадрового потенциала, оснащения границ привел к тому, что государство, по существу, утратило контроль над процессами миграции. Сыграли свою роль также внутренняя социальная напряженность, имевшая место в Северо-Кавказском регионе, изменение общей конъюнктуры на рынке труда. Таким образом, Россия вступила в третье тысячелетие, не имея концептуально обоснованной государственной миграционной политики и законодательства, позволяющих соблюдать права беженцев, вынужденных переселенцев и других категорий мигрантов.

В настоящее время миграция (трансграничная и внутренняя) достигла исторически уникального уровня, формируя особую модель глобализации, включающую в себя относительно свободное передвижение людей, денег и товаров. Будучи одним из проявлений процесса глобализации, миграция в целом оказывает позитивное влияние на социально-экономическое и политическое развитие государств, способствует интеграции международного сообщества, культурному сближению народов, развитию производительных сил. Вместе с тем, если миграционные процессы носят неуправляемый характер, уровень обеспе-

чения безопасности государств резко снижается. Особенно это актуально в настоящее время, когда мировое сообщество столкнулось с небывалым размахом террористической угрозы.

Существуют стандарты прав и свобод граждан, которые определяют регулирующие основы, при реализации права на свободу передвижения. В статье 13 Всеобщей декларации прав и свобод человека от 10 декабря 1948 г. закреплено следующее: каждый человек может свободно передвигаться и выбирать себе место жительства в пределах каждого государства; покидать любую страну, включая свою собственную; возвращаться в свою страну. Несмотря на то, что данная норма носит рекомендательный характер, она стала основой для разработки множества международных конвенций и норм права.

В статье 27 Конституции РФ устанавливается право каждого, кто законно находится на территории России, свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации. Данные конституционные положения полностью соответствуют международным стандартам. Важно учитывать, что конституционные положения выражают общую норму, регламентирующую право на свободу передвижения. Реализовывать субъективное право на деле означает осуществление положений целой системы разных по своей юридической природе норм, в которых могут конкретизироваться содержание данного права, условия и порядок его использования, а также прочие аспекты.

Сегодня государственное регулирование процессами миграции осуществляется на основе международных договоров, участником которых является Российская Федерация; международных договоров, соглашений и других видов обязательств Российской Федерации в рамках СНГ; федеральных законов и иных нормативно-правовых актов.

Общепринятые принципы и нормы международного права и международных соглашений Российской Федерации, в том числе по вопросам миграции, включаются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в правовую систему России. Это касается прежде всего Конвенции ООН 1951 г. о статусе беженцев и Протокола к ней 1967 г. [1, с. 6–31], к которым Россия присоединилась 13 ноября 1992 г. (в России они вступили в силу с февраля 1993 г.).

В целях создания единого для государств СНГ правового поля главами государств Содружества в 1993 г. было подписано Соглашение о помощи беженцам и вынужденным переселенцам. Это первый региональный документ, в котором отражены специфика миграции на территории бывшего СССР, правовая основа для решения проблем вынужденной миграции.

Учитывая особенности сложившейся миграционной ситуации в России, можно выделить три основных вида миграционных потоков: вынужденная миграция, трудовая или социально-экономическая миграция; нелегальная миграция. Каждый из названных видов является составляющей проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, являясь при этом и самостоятельной проблемой. Существующая парадигма исследуемой проблемы позволяет рассматривать ее в различных аспектах национальной безопасности как многогранное явление: военном, экономическом, международном,

социальном, демографическом, культурном, этническом, эпидемиологическом и других. Это объясняется во многом детерминированностью процессов миграции направлениями развития общества и государства в целом, причем не одного, а часто сразу несколькими.

Кроме того, следует учитывать, что сама связь миграции и безопасности носит двусторонний характер: это не только безопасность общества, государства и личности, затрагиваемых миграционными процессами, но и безопасность самих мигрантов, которая во многом зависит от вида перемещения (миграции) и его оснований.

Наибольшее законодательное обеспечение в настоящее время получили, по существу, только две категории мигрантов: беженцы и вынужденные переселенцы. В отношении их, как наиболее уязвимой части населения, были приняты Федеральные законы от 19 февраля 1993 г. «О беженцах» [2] и «О вынужденных переселенцах» [3].

Положения Конституции РФ о праве каждого свободно въезжать в Россию, выезжать за ее пределы и беспрепятственно возвращаться конкретизированы в Федеральном законе от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] и Федеральном законе от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5].

Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» ужесточает режим миграционного контроля. В соответствии с данным Законом каждый иностранец, приезжающий в Россию, при пересечении границы обязан в течение трех дней зарегистрироваться по месту пребывания. Миграционная карта заменяет регистрацию тем гостям, кто приезжает в страну на срок менее трех месяцев. Для более длительного пребывания местные миграционные органы и органы внутренних дел выдают вид на жительство.

В отдельных субъектах РФ принимались акты в области регулирования миграции. Их принятие нередко было связано с необходимостью восполнения пробелов в федеральном законодательстве (например, по вопросам регулирования прав трудящихся мигрантов). Вместе с тем отдельные из них создавали необоснованные преграды в реализации прав мигрантов, которые, как правило, выражались в существенном ограничении их притока на территорию соответствующих субъектов РФ [6, с. 5]. Все это не способствовало проведению единой миграционной политики в стране.

Спонтанная, неуправляемая миграция оказывала негативное влияние на экономические, социальные, демографические и другие процессы, как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных ее регионах. Результатами стали рост криминогенных очагов, неравномерности развития региональных рынков труда, угрозы безопасности приграничным субъектам Федерации, прежде всего на Дальнем Востоке (демографическая экспансия), и другое. Кроме того, неконтролируемая миграция не позволяла обеспечить защиту самих мигрантов.

Необходимо обратить особое внимание на три основных компонента нелегальной миграции: нелегальные въезд в страну, пребывание на территории

государства и занятость. Нелегальный въезд (без визы или необходимых действительных документов) – важный, но наименее распространенный канал нелегальной миграции. Нелегальное пребывание на территории государства распространено значительно больше. Мигранты из СНГ, въехавшие легально по визе или в безвизовом порядке, часто не регистрируют свое пребывание в стране, либо мигранты из стран дальнего зарубежья, въехавшие по визе, после срока ее истечения, продолжают находиться в стране, таким образом теряя свой легальный статус. Незаконная миграция тесно связана с контрабандой наркотиков и оружия, с организованной преступностью и терроризмом. В то же время незаконные иммигранты в силу своей юридической бесправности нередко сами становятся жертвами преступлений и грубых нарушений прав человека. Наиболее распространенная цель нелегальной миграции – незаконная занятость мигрантов. Дешевая рабочая сила активно используется недобросовестными предпринимателями, теневым и криминальным бизнесом. Трудности борьбы с теневой экономикой и нелегальной миграцией таковы, что, даже если государство начнет активно противодействовать этим явлениям, то, в лучшем случае, их удастся ограничить, но не ликвидировать вовсе. Кроме того, ситуация осложняется дестабилизирующим воздействием, которое незаконная миграция оказывает на межэтнические отношения. Представленная в основном людьми малообразованными и малоквалифицированными, сопровождающаяся многочисленными негативными явлениями, она дискредитирует образ мигранта в развитом обществе. В результате нынешняя незаконная миграция способствует усилению ксенофобии в обществе, распространению расизма и обострению социально-политических конфликтов. В борьбе с нелегальной миграцией используются контрольно-запретительные меры, которые мало помогают и вряд ли могут помочь. «Теневая занятость определяется состоянием рынка труда и может быть сокращена именно за счет его регулирования. Давление на мигрантов – это не что иное, как попытка переложить на них ответственность за состояние российской экономики. Расчеты, основанные на исследованиях, показывают, что путем регулирования трудовой миграции можно избавиться лишь от одной трети незаконной занятости мигрантов, а оставшиеся две трети требуют глубокого регулирующего вмешательства в экономику страны» [7, с. 277]. Кроме того, весьма существенным представляется именно возможность такого давления, которое ведет к развитию коррупции в правоохранительных органах, что само по себе создает для российского общества серьезную угрозу. 17 марта 2006 г. в Государственной Думе состоялось обсуждение в первом чтении нового закона о трудовой миграции. Главное его отличие от предыдущего (2002 г.) отметил заместитель министра внутренних дел А. Чекалин: «Раньше многое оставлялось на должностное усмотрение, могли взять документы и не взять, и намекали... Сейчас закон прописан до мелочей и имеет уведомительный характер» [8, с. 180].

Сегодня в России находятся 10 млн нелегальных мигрантов, что приводит к ежегодным экономическим потерям в размере 200 тыс. долларов. В связи с этим достаточно остро стоит проблема соблюдения прав человека в России с точки зрения миграционных процессов. Вопросы, связанные с институтом граж-

данства, проблемами беженцев и вынужденных переселенцев решаются достаточно медленно, налицо массовое нарушение прав человека в этой сфере. Кроме того, не рассматривается аспект влияния миграционных процессов на стабильность жизненного уровня принимающего населения, на возможность увеличения тревожности и криминогенности на территориях проживания мигрантов.

Все это потребовало выработки адекватного законодательства, направленного на преодоление негативных последствий миграционных процессов. Его разработка преследует еще одну очень важную цель, которая заключается в создании условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов, установлении соответствия их международным стандартам и взятым на себя Российской Федерацией обязательствам в этой сфере, вытекающим из действующих на ее территории международных актов.

Попытки упорядочения и демократизации правового регулирования миграции на федеральном уровне в России осуществлялись неоднократно. В настоящее время этот процесс усилился в связи с проведением реформ, направленных на достижение устойчивого социально-экономического и демографического развития, национальной безопасности Российской Федерации, удовлетворение потребностей растущей российской экономики в трудовых ресурсах, рациональное размещение населения на территории страны, использование интеллектуального трудового потенциала. Российские законодатели видят выход из этой ситуации в обеспечении осознанного выбора соотечественниками места своего будущего проживания и работы с учетом социально-экономического положения субъектов РФ.

Объективно определилась целесообразность принятия в 2006 г. Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Основная ее цель – стимулирование и организация процесса добровольного переселения в Россию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Реализация Государственной программы будет проходить в три этапа с 2006 по 2012 г. Финансовое обеспечение мероприятий по реализации Государственной программы осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, а также за счет финансового участия физических и юридических лиц.

Учитывая то, что в Россию ежегодно въезжает 20 млн человек, а выезжает – не более 18 млн, существует острая необходимость ввести единую электронную систему поголового учета пересечения границы [9, с. 45], которая позволит существенно сократить пребывание нелегальных мигрантов в России. С 15 января 2007 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [10]. Согласно данному закону миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ является одной из

форм государственного регулирования миграционных процессов и направлен на обеспечение и исполнение установленных Конституцией РФ гарантий соблюдения права каждого, кто законно находится на территории России, на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства в пределах страны и других прав и свобод личности, а также на реализацию национальных интересов Российской Федерации в сфере миграции. Закон определяет миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства как деятельность по фиксации и обобщению сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства, а также об их перемещениях.

Миграционный учет включает в себя следующее:

регистрацию по месту жительства и учет по месту пребывания, а также фиксацию иных сведений, установленных Федеральным законом № 109-ФЗ;

обработку, анализ, хранение, защиту и использование информации о количественных и качественных социально-экономических и иных характеристиках миграционных процессов;

ведение государственной миграционной системы миграционного учета, содержащей сведения, предусмотренные Федеральным законом № 109-ФЗ.

Правила и порядок осуществления миграционного учета устанавливает Правительство РФ. Статья 25 данного Закона определяет его применение к правоотношениям, возникшим до дня вступления его в силу. В частности, иностранные граждане, зарегистрированные по месту пребывания на день вступления в силу Закона в соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», считаются состоящими на миграционном учете по месту пребывания до истечения срока временного пребывания или до истечения срока действия визы и подлежат постановке на учет в случае изменения места пребывания на территории Российской Федерации.

Закон достаточно подробно, последовательно описывает порядок регистрации иностранных граждан в России, их права и обязанности, полномочия органов миграционного учета, а также ответственность лиц, нарушающих законодательство Российской Федерации о миграционном учете. Практическое применение данного Федерального закона только начинается, поэтому пока рано говорить о действенности этого механизма управления миграционными процессами в стране.

Как и любой социальный процесс, миграция несет в себе положительный заряд лишь в случае ее подконтрольности государственным механизмам. Сегодня в России такие механизмы либо работают не в полную силу, либо отсутствуют. Это приводит к тому, что эффективность контрольных функций государственных органов практически сводится к нулю. Тем не менее, со стороны государства предпринимаются активные действия по упорядочению миграционных процессов, стабилизации ситуации. Ведется и соответствующая законопроектная работа, осуществлено реформирование Федеральной миграционной службы МВД России. Так, обновление законодательства направлено, в частности, на усиление паспортно-визового режима, упорядочение системы регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих на терри-

ториях, приграничных с другими государствами. Применительно к перспективам развития миграционной системы эффективность ее работы зависит от того, насколько органично ее функции взаимосвязаны с генеральными функциями системы государственной власти в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бюллетень международных договоров [Текст]. – 1993. – № 9.
2. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. (с изм. и доп. от 30 декабря 2006 г.) «О беженцах» [Текст] // Российская газета. – 1997. – 3 июня.
3. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (с изм. от 18 июля 2006 г.) «О вынужденных переселенцах» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 52. – Ст. 5110.
4. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (с изм. от 10 января 2007 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (с изм. от 18 июля 2006 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
6. Андриченко, Л. В. О концепции развития миграционного законодательства Российской Федерации [Текст] / Л. В. Андриченко, В. О. Елеонский, Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2003. – № 4.
7. Зайончковская, Ж. А. Трудовая миграция в Россию [Текст] / Ж. А. Зайончковская // Трудовая миграция в СНГ. – М., 2003.
8. Белл, М. Л. К вопросу о миграции в России [Текст] / М. Л. Белл // СНГ. – 2006. – № 5.
9. Чудиновских, О. Совершенствование статистического учета мигрантов [Текст] / О. Чудиновских // Професионал. – 2006. – № 4 (72).
10. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3285.

И.В. Хусаинов,

*соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ИЗУЧЕНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

На рубеже XX–XXI вв. в связи с глобальными политическими и экономическими преобразованиями в нашей стране произошли изменения в направлении и ходе возросших миграционных процессов. Часть мирового населения находится в постоянном движении. За счет миграции обеспечивается некий демографический баланс, поскольку в большинстве своем страны-«доноры» характеризуются положительной демографической динамикой и в структу-

ре населения преобладает молодое поколение. Принимающим государствам нередко свойствен демографический спад или кризис, их относят к стареющим (в структуре населения от 12% – люди пожилого и старческого возраста).

В условиях глобализации современные миграционные процессы обретают все большее значение в развитии отдельных стран и всего человеческого сообщества. Геополитические разломы и конфликты активизируют и усиливают многие общественные процессы, миграционные в том числе. Для современной цивилизации характерна интенсификация миграции. Усилившиеся внутренние и внешние миграционные потоки в государствах оказывают существенное влияние практически на все элементы социума (от сферы занятости и состояния экономики до социокультурных предпочтений и образа жизни).

Всемирная история показывает, как миграция приводила к смене цивилизаций [1], к гибели одних и рождению других этносов [2], социальному освоению неизвестного ранее географического пространства. Очевидно, что миграция существенно меняет социальную и геополитическую картину мира. Однако современное цивилизованное общество оказалось не готово в полной мере ответить на очередные вызовы. По данным ООН, с начала XXI в. миграцией охвачено 218 стран, количество людей, живущих вне стран своего рождения или гражданства, оценивается в 175 млн чел., что составляет около 3% от общей численности населения мира [3, с. 5].

Очевидно, что миграционная проблематика – одна из самых актуальных в мире, не исключение и Российская Федерация. Пока существовал СССР и страна была закрытой, изучение миграции существовало в очень дозированном виде и ограничивалось только отдельными аспектами, например: миграции «город – село», маятниковые, трудовые. После распада СССР и включения России и других стран СНГ в систему «свободных» передвижений наше государство столкнулось с разными видами миграции (этнические, репатриации, беженцы, экономические, экологические мигранты). Изучение их требовало разработки новых методов, подходов и исследований. За годы, прошедшие после распада Советского Союза, в деле изучения миграции сделано немало. Существует ряд исследовательских школ, разработаны методы и методологии, изучающие миграционные процессы, опубликовано большое количество исследований [4].

Если рассматривать данные процессы в историческом контексте, становится очевидным, что мигранты как носители традиционной культуры ориентированы на циклическое повторение сложившихся актов воспроизводства форм труда, деятельности, мышления, что характерно для любой цивилизационной культуры. Локальное истощение ресурсов, в свою очередь, компенсируется возможностью дальнейшего передвижения, колонизацией.

В российской истории миграция одновременно стала средством сохранения, обеспечения жизни, открывая возможность ухода от повседневного давления государственной власти. Миграция позволяла уходить от власти, воплощать догосударственный идеал воли, не признающий внешних стеснений, прежде всего идущих от чиновника, от запретов переселяться на дальние «вольные земли», где должна была, по представлениям этих людей, начаться совершенно новая, «идеальная» жизнь. Государство в начале своего пути отвечало крепо-

щением, превращением каждого человека в собственность власти, что открывало путь для принудительной миграции-колонизации.

В советское время миграция реализовывалась не только через «ударное советское строительство» в контексте форсированной модернизации страны, но и через систему ГУЛага. Миграция-колонизация с 1937 г. приняла также форму депортации целых народов, что приводило к подрыву человеческих основ существования общества. Огромные массы людей перемешались в форме армий, оккупационных войск на территориях других стран. Миграция носила двойственный характер. Если она не была принудительной, то выступала как попытка реализации планов, надежд, стремлений начать новую жизнь в новых, более благоприятных условиях. Власть пыталась оседлать это движение и подчинить его своим целям.

Исторически специфика миграции-колонизации заключалась в преобладании центробежных процессов над центростремительными. Однако по историческим меркам совсем недавно произошел качественный поворот, то есть переход к преобладанию центростремительной миграции. Это свидетельствует, на наш взгляд, о разрыве с тысячелетней исторической традицией, когда преобладало стремление к расползанию по всем возможным направлениям. Произошел перелом, значимый для понимания всей истории России.

Со второй половины 70-х годов XX в. направление миграции изменилось на прямо противоположное: в Центральную Россию и на восток страны из южных республик и районов. В 1979–1988 гг. процесс реэмиграции населения охватил большинство республик СССР. Затем эта миграция приняла характер эвакуации, включая выезд из районов острых этнических конфликтов, где она приобретала характер массового бегства.

Формат статьи не позволяет провести глубокий анализ методологических оснований изучения миграции и социальной мобильности в процессе сопоставления советского общества и современного российского. Вполне очевидно, что само состояние социологической науки в России довольно длительное время было адекватно переживаемому ею переходному состоянию. Марксистские подходы, основанные на примате классовых интересов, были во многом отринуты, а современная западная методология освоена фрагментарно и далеко не полностью. К тому же прямое применение западных методик и методологии исследования миграции вряд ли оправдано в такой самобытной стране, как Россия. Для отечественной науки потребовалось несколько лет, прежде чем появились работы экономистов, демографов, психологов, этнологов, социологов, реально оценивающих миграционные процессы.

В изучении миграции как социального явления видовыми науками выступают экономика, демография, история, политология и т.д. Родовая наука – социология, предмет которой охватывает сущность социальных явлений, закономерности развития общества, социальные процессы, как таковые. Именно с позиций социологии, на наш взгляд, наиболее полно возможно анализировать предметное содержание миграции, получая сущностное представление о данном социальном явлении. Понимание сути миграции как социального явления дает основания для целостного видения данного явления.

Комплексное представление о миграции, основанное на социальном знании ее сути, позволяет объемно рассмотреть ее предметное содержание. Главной отличительной чертой миграции, выделяемой всеми исследователями данного явления, выступает перемещение в пространстве, переселение (от лат. *migratio* – переселение). Однако разные взгляды на причины, характер и результаты пространственных перемещений населения свидетельствуют о весьма различном понимании сущности миграции. Некоторые авторы полагают, что любое межпоселенческое перемещение населения в пространстве можно назвать миграцией [5, с. 159; 6, с. 76].

Процесс изучения миграций в СССР был заторможен войнами и «железным занавесом», поэтому можно констатировать определенное отставание не в тематике исследования (она представлена разнообразно), а в глубине охвата процессов. Большая часть исследований ограничивается последним десятилетием, не имея ретроспективы. Исторически ориентированных работ немного. Положительным моментом отечественных исследований является использование научного потенциала всех постсоветских территорий, особенно в приграничных исследованиях. Это объясняется тем, что Россия имеет свою диаспору в бывших советских республиках, российские исследователи используют научные наработки своих коллег из этих стран, и совместные проекты дают интересные результаты.

Начавшаяся специализация изучения миграционных процессов в России идет в основном по двум направлениям: экономическому и этническому, которые все больше переплетаются в изучении жизнедеятельности различных складывающихся мигрантских сообществ. Однако исследования транснациональных связей еще не ведутся на том уровне, который представлен американской и европейской школами.

Полагаем, что в современном обществе особое внимание необходимо уделять анализу причин миграции с точки зрения притяжения и выталкивания мигрантов. Важную роль эта концепция играет в объяснении возникновения крупных межрегиональных потоков, поскольку в процессе социально-экономического развития меняется характер различий между районами. Это актуально не только для государств с обширными территориями, но и для международной миграции, в процессе осуществления которой меняются страны притяжения и выхода мигрантов. Концепция «притяжения – выталкивания» миграции оказала существенное влияние на исследование селективности миграции, особенностей состава мигрантов, отличающих их от немигрантов как в районах выхода, так и в районах вселения, а также на классификацию факторов миграции.

Быстрая глобализация последних лет привела к развитию изучения транснациональных сетей, глобальных городов и эволюции неоклассических экономических видов международной миграции. В настоящее время в политике всех стран наблюдается новый поворот, связанный с проблемами безопасности, террористической угрозой и борьбой с ней (ассоциирующейся чаще всего с исламом). Как это отразится на изучении миграционной тематики, предполагать не беремся, но исследовательская проблематика ксенофобии развивается очевидными быстрыми темпами.

Российские исследования уже смыкаются с европейскими по этой тематике, поскольку «исламизация» и мигрантофобия для Европы (равно как и «испанизация» для Америки) – наиболее актуальная миграционная тематика. Считается, что национальное (этническое) государство уходит сейчас с мировой арены, особенно в западном мире, а на смену ему приходит мультикультуральное общество. По какой модели будут развиваться Европа, Америка и Россия? Каково будущее России в Европе и мире и какую политику в отношении мигрантов следует проводить? Видение мультикультурального общества не однозначно. Парадокс ситуации с мультикультурализмом заключается в том, что все большее число мигрантов, которые уже натурализовались, формально вроде бы не являются мигрантами. Однако они воспроизводят свою культуру в проявлениях, отличных от тех принципов, к которым привычно принявшее их общество.

Включение в миграцию фазы интеграции мигрирующего населения на новые территории расширяет предметные рамки этого процесса за счет рассмотрения модификации количественных и качественных характеристик принимающего локального социума, динамики ценностного сознания самих мигрантов, межгрупповых отношений между мигрантами и группами принимающего сообщества. Такое включение с необходимостью требует применения к исследованию миграции социокультурного подхода, позволяющего дополнить его статистические социально-экономические характеристики ценностными, особенно на интеграционной фазе миграции.

Характер и продолжительность фазы вхождения мигрантов в принимающее сообщество определяются степенью совпадения (различия) бинарно-оппозиционных ценностей культуры. Сохранение мигрантами отличных базовых ценностей собственной культуры от культуры принимающего сообщества и формирование при этом единой региональной идентичности определяются понятием «интеграция». Ее модификацией является процесс вхождения мигрантов в принимающее сообщество при отсутствии каких-либо этнокультурных различий обеих сторон, который определяется как «приживаемость». Современному российскому обществу присуще увеличение этнической мозаичности, связанное с типом воспроизводства и высоким притоком населения в поисках работы. В контексте межэтнического взаимодействия вообще, а также между этническими мигрантами и местным населением в частности наиболее актуальной видится проблематика толерантности, так как в ситуациях межэтнического взаимодействия, отягощенных миграционной составляющей, обнаруживается довольно высокий потенциал конфликтогенности, проявляющийся в интолерантности, что ведет к росту социального напряжения, противостоянию и конфликтам.

Проблема толерантности при взаимодействии этнически разнообразных слоев имеет важное научное и практическое значение, особенно для регионов традиционно полиэтнического проживания. Толерантность сопряжена с необходимостью создавать и поддерживать в социальном взаимодействии определенный баланс взаимоприемлемости, позволяющий выстраивать и сохранять стабильные, конструктивные социальные отношения.

Интеграция мигрантов в условиях современной России реализуется по двум основным стратегиям: 1) индивидуальной, с опорой на собственные силы и

ресурсы и 2) коллективной, с опорой на групповое взаимодействие и ресурсы группы. Факторами выбора той или иной стратегии являются: государственная миграционная политика, направленная на обеспечение возможностей для индивидуального вхождения в новые территории; информационная поддержка (противодействие) миграции; наличие в регионе диаспор, заинтересованных в интеграции прибывающих этнических мигрантов и оказывающих им активную поддержку на новых территориях.

В современной России, безусловно, накоплен значительный опыт в исследовании миграционной проблематики. Вниманием ученых оказались охвачены многие стороны миграционных процессов на разных исторических этапах их развития. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки концепции государственного регулирования миграционных процессов в современной России, соответствующей основополагающим потребностям, целям и интересам российского общества, государства и личности в указанной сфере.

Библиографический список

1. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби; пер. с англ. – М., 2002.
2. Гумилев, Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации [Текст] / Л. Н. Гумилев. – М., 1993.
3. World Migration Report 2000 [Текст] / International Organization for Migration. – N.Y., 2001.
4. Миграции в трансформирующемся обществе [Текст] : аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ в 1992–1999 гг. / под ред. Ж. Зайончковской. – М., 2000.
5. Краткий словарь по социологии [Текст] / под ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина. – М., 1989.
6. Козырев, Ю. Н. Демографическое развитие – гипотезы и перспективы [Текст] / Ю. Н. Козырев. – М., 1973.

М.Н. Коерова,

*аспирант Ярославского государственного университета
им. П.Г. Демидова*

ИНФОРМАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ЧЕРЕЗ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Понятия «массовая коммуникация», «массовая информация» активно вошли в язык XX столетия. Связано это, во-первых, с осмыслением социологами особенностей поведения в рамках такого специфического вида социальной общности, как «масса», «толпа», «публика», и, во-вторых, с техногенным фактором: появлением принципиально новых средств передачи информации.

Многие поколения наших предков пользовались единственным средством накопления, хранения и передачи информации – устным словом. Зарождение

действительно массовой информации обусловлено появлением бумаги и печатного станка.

Подлинный переворот в области распространения информации произвело изобретение телеграфа в 1840 г.: стали создаваться первые телеграфные агентства, резко увеличилось число газет и журналов. Изобретение телефона и радио также способствовало увеличению количества и скорости распространения информации. XX век подхватил эстафету открытий в сфере передачи и распространения информации: беспроводный телеграф, черно-белое, цветное, кабельное, спутниковое телевидение, телетайпная и факсимильная связь – все это дало человечеству XX столетие, век массовой коммуникации.

В современном мире с ростом прогресса, гласности и открытости средства массовой информации стали тем самым мериллом, которое позволяет определить уровень демократии любой страны, что, в свою очередь, характеризует государство как правовое и политически стабильное. Значение печати, радио и телевидения переоценить невозможно. Они превратились в мощный инструмент воздействия, охватывая своим влиянием беспрецедентное в истории число людей. Как нет артиста без публики, так нет и СМИ без слушателей, зрителей, читателей. На протяжении всей жизни человек, особенно современный, неразрывно связан со СМИ, которые оказывают мощное влияние на формирование личности.

Под массовыми коммуникациями (от лат. *communicatio* – сообщение, передача) понимается систематическое распространение специально подготовленных сообщений (с помощью тиражирования), представляющих социальную значимость, среди численно больших, анонимных, рассредоточенных аудиторий с целью оказания влияния на установки, оценки, мнения и поведение людей [1, с. 171]. Чтобы данное влияние было эффективным, передаваемая информация должна отвечать ряду критериев [2, с. 9].

В течение долгого времени главным источником информации для широкой аудитории служила пресса – газеты и журналы. Многие из них возникли в качестве органов тех или иных политических партий, либо в той или иной форме были вовлечены в политический процесс.

То обстоятельство, что информация в прессе фиксируется на бумажном листе и воспринимается читателем «без посредников», способствует проявлению ряда важных свойств взаимоотношений прессы и аудитории. Во-первых, имеется возможность быстрого, обзорного ознакомления со всем набором сообщений, включенных в номер или книгу, что, в свою очередь, дает возможность получить первичную целостную ориентацию во всем объеме и разнообразии информации. Во-вторых, можно пользоваться возможностями «отложенного чтения» – после первичного ознакомления оставить материал для внимательного и подробного прочтения в удобное время и в подходящем месте (допустим, перенести знакомство с номером на вечер, прервать чтение книги, чтобы вернуться к нему позже и т.д.).

Однако у печати есть свойства, по которым она проигрывает другим средствам коммуникации. Если телевидение и особенно радио способны передавать информацию практически непрерывно и в высшей степени оперативно,

то печать самой технологией обречена на дискретность выпуска номеров и книг. Нельзя не учитывать также, что печать доступна только грамотному человеку, располагающему достаточно развитыми навыками чтения.

В настоящее время провозглашенные в российском законодательстве правовые гарантии свободы слова и печати нередко, особенно в регионах, нарушаются. Можно привести немало примеров, когда СМИ оказываются зависимыми от власти и собственников, занимают позиции «по разные стороны баррикад», что приводит к откровенной дезинформации и публичной дискредитации оппонентов. Так было, например, в недавнем прошлом в Екатеринбурге, когда прогубернаторские СМИ, в том числе и телевизионные, остро критиковали деятельность мэра областного центра А.М. Чернецкого и его администрации. Оппоненты из числа СМИ, поддерживающих городскую власть, с той же яростью отвечали губернатору Э. Росселю и его сторонникам.

Приведенный пример, довольно типичный для России, подтверждает следующее. На смену журналистике как роду творческой деятельности, нацеленной на достижение объективности в познании окружающего мира, активно приходят PR-технологии, решающие принципиально иную задачу: создание определенной репутации субъектов политической и экономической деятельности. Все это нивелирует саму суть журналистской профессии, «растворяет» ее в общем коммуникационном потоке, отдаляет ее содержание от действительных информационных потребностей аудитории. Сегодня, несмотря на, казалось бы, принципиально иные условия, СМИ по-прежнему оказываются политически и экономически зависимыми от государственных институтов.

В любом обществе СМИ имеют основания стать социальным институтом, если являются посредником в налаживании ключевых для развития социально-политической системы государства отношений между властью и обществом. Такое посредничество следует из специфики существования СМИ, которые в любой стране являются частью общей системы, именуемой обществом [3, с. 9].

В новых политических условиях значимым становится уточнение культурной доминанты как важного фактора дальнейшего развития российского общества. От данного фактора в полной мере зависит самоопределение нашего общества, формирование идеи согласия. Все это является приоритетным и для развития журналистики, поскольку ярко выраженная поляризация СМИ, основывающаяся на сугубо частном интересе и не направленная на актуализацию интереса общественного, не способствует повышению доверия граждан к журналистике в целом. «... Чем скорее общество и журналистика обратятся к ценностям культуры и цивилизации как фундаменту самоутверждения нации, – утверждает С.Г. Корконосенко, – тем яснее и доступнее для граждан станут цели политического процесса» [4, с. 34]. Одним из проявлений культурной доминанты в системе журналистского воздействия может стать восприятие СМИ как подлинно общественного института, учитывающего всю совокупность общественных интересов.

В демократическом обществе важнейшая политико-социализационная задача СМИ – массовое внедрение основанных на уважении закона и прав

человека ценностей, обучение граждан мирно разрешать конфликты, не ставя под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства.

Огромные возможности активного воздействия средств массовой информации на политическое сознание и поведение граждан свидетельствуют о важнейшей роли «четвертой власти» в современном обществе. Некоторые исследователи массовых коммуникаций говорят даже о грядущей эпохе «медиаократии» – власти СМИ, которые не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

Феномен массовой культуры – естественное следствие развития системы массовых коммуникаций и коммерциализации искусства. Массовая культура – данность. Чтобы приносить прибыль, продукт массовой культуры должен иметь высокий рейтинг, нравиться как можно большему числу зрителей, слушателей, читателей. Но в то же время массовая культура – мощный коммуникативный инструмент, способный эффективно формировать идею человеческого единства, сопричастности и т.д. Конечно, многое зависит и от содержания продукта массовой культуры (контента).

Современная ситуация характеризуется резким возрастанием роли информационного воздействия. Особое значение имеет переход от полиграфических средств межкультурных коммуникаций к аудиовизуальным.

Значительно расширили возможности эксплуатации массовых коммуникационных процессов в политических целях радио и телевидение. Изобретение радио радикальным образом и навсегда изменило механизм передачи информации, сделав возможным передавать ее через государственные границы и на дальние расстояния без физического присутствия передающего.

Одним из компонентов современных информационных технологий является телекоммуникация, которая возникла как результат синтеза базисных технологий (электронные коммутаторы) с новейшими технологиями связи и передачи информации. Многоканальное, кабельное и спутниковое телевидение, сотовая связь, волоконная оптика и лазерные линии передачи делают связь устойчивой и универсальной. Например, в настоящее время каждый гражданин США может ознакомиться с содержанием любой речи в Конгрессе через 15 минут после ее произнесения [5, с. 34].

Пожалуй, трудно найти в истории аналог тому, чтобы за короткий срок какой-либо информационный феномен оказал такое же огромное влияние на жизнь общества, как телевидение. За пятьдесят с небольшим лет (с момента первых экспериментальных передач) телевидение вошло в каждый дом развитых в экономическом отношении стран. Притягательность телеинформации связана прежде всего с иллюзией личного участия, присутствия при событии. Человек уже привык, сидя в удобном кресле дома, смотреть передачи с исторических по значению форумов, с борта космического корабля, поверхности Луны, арен Олимпийских игр, из столиц далеких государств. Телевидение как бы приблизило к человеку весь мир, сделало доступным то, что еще несколько лет назад казалось фантастичным. Другими словами, телевидение как мощное средство массовой информации дало людям возможность непосредственно видеть

события, «быть на месте» события, сопереживать с их участниками драматические, трагические коллизии человеческого бытия.

В силу того что жизнедеятельность человека «пронизана» информацией, коммуникационные средства и технологии приобретают всеобъемлющий характер. Они не только упорядочивают существующее знание, а являются орудием получения нового знания. Аудиовизуальные средства могут как бы навязывать индивиду конкретное, образное восприятие информации, которое рационально контролируется им в меньшей степени, что создает невиданные возможности для манипулирования сознанием как отдельного человека, так и общества в целом [6, с. 29].

Именно средства массовой информации создают определенные эталоны поведения, культурные установки, формируют шкалу престижа, утверждают ценности и развивают потребности. Нередко за эталон выдаются чуждые образцы поведения, пропагандируется насилие, культ силы, отсутствие моральных самоограничений и пренебрежение правовыми нормами. В современных коммуникационных условиях «чужая» информация агрессивной культуры потребляется в огромных количествах. Эксперты ЮНЕСКО в области организации нового информационного порядка подсчитали, что только на долю США приходится более 65% потока информации, циркулирующей в каналах коммуникаций всего мира [7, с. 38].

Высокоразвитая индустрия кино в США делает возможным, таким образом, использовать ее и в политических целях. Известно, что многие американские фильмы продаются для проката, к примеру, в Египте, Сирии, России и многих других странах за символическую цену, ибо более важным представляется завоевание максимально широкого сектора рынка идей и ценностей.

Средства массовой информации и коммуникации, несомненно, изменили культурный ландшафт мирового сообщества: способствовали интернационализации духовного опыта отдельных стран и народов, дали возможность поставить ряд глобальных проблем как общечеловеческих (например, экология, угроза ядерной войны), заставили глубже осознать единство человеческого рода при всем его многообразии. Вместе с тем средства массовой информации и коммуникации, конечно, не могут рассматриваться как панацея от всех человеческих бед.

Подводя итог изложенному, отметим, что СМИ являются одним из важнейших институтов современного общества. Они выполняют многообразные функции, в том числе функцию информирования населения о событиях, происходящих в стране и мире: в образовании и социализации, рекламе, развлечениях, научном и культурном просветительстве и т.д. Средства массовой информации оказывают влияние почти на все сферы и институты общества, включая политику и религию. С помощью СМИ массовая культура в различных ее вариантах формируется, распространяется и сохраняется. Очевидно, что они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире в целом, осуществляются через и с помощью СМИ.

Эти обстоятельства приобретают особую актуальность и значение на фоне все более растущего проникновения СМИ в политическую сферу, их превращения в один из важнейших инструментов реализации политического процесса.

Библиографический список

1. Краткий психологический словарь [Текст] / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М., 1985.
2. Авраменко, В. А. Правовое регулирование деятельности СМИ в современной России: общетеоретический анализ [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Авраменко. – Н. Новгород, 2001.
3. Шкондин, М. В. Система средств информации как фактор общественного диалога [Текст] / М. В. Шкондин. – М., 2002.
4. Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия [Текст] / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб., 2004.
5. Иванов, В. Н. Массовая коммуникация в условиях глобализации [Текст] / В. Н. Иванов // СОЦИС. – 2003. – № 10.
6. Миронов, В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии [Текст] / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2006. – № 2.
7. Василенко, И. А. Политические процессы на рубеже культур [Текст] / И. А. Василенко. – М., 1998.

Л.А. Горбунова,

*заместитель главного врача по работе с сестринским персоналом
ММУ «Петровская ЦРБ» Саратовской области*

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В условиях рыночного реформирования резко обострились проблемы охраны здоровья российского населения. Являясь неотъемлемым и необходимым атрибутом жизни, здоровье не может быть заменено или вытеснено ничем другим без существенного ущерба для полноты жизни. Здоровье человека обусловлено не только физико-биологическими факторами, но и социальными, поэтому защита прав личности на охрану здоровья – важнейшая цель социальной политики.

В современном обществе возможность получения необходимых услуг здравоохранения рассматривается как одно из неотъемлемых социальных прав человека, поскольку медицинская помощь направлена на удовлетворение первоочередных, жизненно важных потребностей, связанных с поддержанием здоровья, освобождением от боли и предотвращением преждевременной смертности. Многочисленные исследования показали благотворное влияние своевременной и качественной медицинской помощи на здоровье пациентов и

позитивную связь доступной системы здравоохранения со здоровьем населения в целом. Все это свидетельствует о высокой социальной значимости проблемы доступности медицинской помощи и актуализирует ее изучение.

Вместе с тем обеспечение различных групп населения равными правами в получении медицинских услуг в соответствии с их потребностями имеет и более широкие социальные последствия. Во-первых, уменьшение дифференциации в доступности медицинских услуг смягчает неравенства в обществе, поскольку они, по определению, представляют собой не только различия в материальном положении, но и неравный доступ к социально значимым благам, в ряду которых медицинская помощь занимает одно из ведущих мест. Во-вторых, как подтвердили исследования последних лет, даже в ситуации значительной дифференциации доходов доступная и качественная медицинская помощь уменьшает социально обусловленные неравенства в здоровье, какими бы индикаторами оно ни измерялось – продолжительностью жизни, смертностью, субъективным статусом здоровья [1, с. 127–136].

Системный кризис в здравоохранении и дефицит бюджетного финансирования в 1990-х годах привели не только к дезорганизации работы лечебно-профилактических учреждений, значительному ухудшению лекарственного обеспечения, качества медицинской помощи и состояния здоровья населения, но и повышению текучести кадров. Положение в сельском здравоохранении требует пристального внимания, поиска и научного обоснования, новых организационно-правовых и экономических форм деятельности, обобщения разрозненного положительного опыта организаторов сельского здравоохранения, помощи со стороны законодательной и исполнительной власти. Таким образом, можно констатировать, что кризис здравоохранения носит институциональный характер.

Основным субъектом сельского здравоохранения является центральная районная больница, и оптимизация ее деятельности на основе проведения адекватного экономического и медико-статистического анализа является важнейшей проблемой улучшения функционирования системы сельского здравоохранения.

Медицинское обслуживание сельского населения на примере Петровского района организовано в несколько этапов. Стационарную помощь оказывают в ЦРБ, Березовской и Озерской участковых больницах. Поликлиническая помощь оказывается в центральной районной (взрослой и детской) поликлиниках, в женской консультации, трех врачебных амбулаториях и на ФАПх.

Численность населения района имеет тенденцию к уменьшению, однако в 1999 г. обнаружено резкое увеличение численности жителей (на 800 чел.). Данный факт связан с процессами миграции и носит единовременный характер. В качестве основных тенденций сохраняется сокращение рождаемости, рост общей смертности, естественная убыль населения. В структуре заболеваемости преобладают такие классы заболеваний, как болезни системы кровообращения, болезни органов дыхания, новообразования, болезни органов пищеварения, а также травмы, отравления и некоторые другие воздействия внешних причин. Общая и первичная заболеваемость населения за исследуемый период возросли на 25,6 и 22,4%, соответственно.

В течение 1998–2002 гг. обеспеченность населения Петровского района врачами оставалась практически на одном уровне и составляла 22,5 на 10 000 населения в 2000 г., что существенно ниже областных и среднероссийских показателей. Обеспеченность средним медицинским персоналом имеет тенденцию к росту, за тот же период она возросла на 28,3%. Число медицинских учреждений за пятилетний период не изменялось, число коек сократилось за счет снижения мощности ЦРБ на 10 коек в 2000 г.

При проведении экономического анализа выявлены следующие данные. За период 1998–2002 гг. обнаружена низкая загруженность койки (264–280 дней в различные годы при оптимальной занятости 320) и регулярное невыполнение плана койко-дней (не более чем на 90%). Однако сроки лечения и оборот койки в среднем по стационару ЦРБ позволяют говорить об интенсивном использовании коечного фонда ЛПУ. При исследовании использования коечного фонда по профилям отделений (таким образом учитывались особенности технологии лечения и контингента пациентов) получены противоречивые данные, необходимые тем не менее для оптимизации деятельности и структурных преобразований сельского здравоохранения. Для проведения преобразований целесообразно исследовать дополнительно контингенты пациентов и применяемые технологии лечения.

При анализе использования финансовых средств обнаружено, что финансовые средства, получаемые из местного бюджета, составляют основную долю и тратятся по всем основным направлениям обеспечения основной деятельности: заработная плата с начислениями; расходы на питание; хозяйственные, канцелярские нужды, коммунальные платежи, услуги связи, транспортные услуги; расходы на медикаменты и перевязочные средства. Второй основной источник финансирования – финансовые средства ОМС расходуются в основном на медикаменты и перевязочные средства, питание и приобретение оборудования. При анализе единого финансового фонда видно, что структура использования средств соответствует типовой структуре себестоимости медицинских услуг, с преобладанием прямых расходов (23–33% на медикаменты и 10–20% на питание) и расходования средств на заработную плату (29–37%).

Таким образом, в ходе проведенного экономического анализа Петровской ЦРБ выявлена типичная ситуация: противоречивая динамика показателей использования коечного фонда, стабильная ситуация использования кадровых ресурсов, уравновешенное, но низкоэффективное использование основных и оборотных средств ЛПУ. Следовательно, с целью оптимизации деятельности необходимо проводить комплексные мероприятия по всем основным направлениям работы.

Система оказания медицинской помощи сельскому населению имеет особенности, которые необходимо учитывать при реформировании здравоохранения. Это низкая доступность медицинской помощи для населения, его недостаточная медицинская грамотность, нехватка квалифицированных кадров [3]. Система оказания медицинской помощи населению Петровского района в организационном плане является стабильной и за последние пять лет не подвергалась существенным структурным изменениям.

Результаты экономического анализа в части изучения основных фондов позволяют сделать вывод о тенденции ухудшения материально-технической базы ЛПУ (фондовооруженность упала на 14,5%) и снижении эффективности ее использования (фондоотдача снизилась на 9%). Однако фондовооруженность медицинского труда имеет другие законы развития, в обозначенный период она возросла на 35%. Исследование эффективности использования медицинской техники свидетельствует о наличии резервов для ее лучшего применения. Расчет показателей (коэффициента сменности и календарного обслуживания), которые можно создать в условиях конкретного ЛПУ, является необходимым основанием для дальнейшего развития материально-технической базы.

Полученные показатели использования коечного фонда характеризуют типичное, достаточно эффективное для данного типа ЛПУ его использование, что свидетельствует об отсутствии необходимости в значительном сокращении обеспеченности населения коечным фондом. Реформа стационарной помощи, направленная на снижение обеспеченности коечным фондом в условиях исследуемого сельского региона, не имеет обоснования, так как ведет к снижению доступности медицинской помощи сельским жителям. В целях оптимизации использования коечного фонда ЦРБ как учреждения, решающего прежде всего медицинские задачи, сложилась насущная потребность в развитии коек сестринского ухода главным образом на базе сельских врачебных амбулаторных и реорганизованных участковых больниц.

Для оптимизации деятельности ЦРБ как основного учреждения, оказывающего медицинскую помощь сельским жителям в современных условиях, необходимо учитывать результаты экономического анализа работы медицинского учреждения во взаимосвязи с исследованием качественных характеристик основной деятельности.

Следует отметить, что важнейшим фактором институционализации системы здравоохранения, в том числе на сельском уровне, является деятельность государства. Государство в лице административных органов заинтересовано в контроле медицинского процесса – это касается в основном системы статистических показателей, выполнения стандартов, расчета штатов исходя из контингента, порядка финансирования медицинских учреждений, соответствующих образовательных программ и учебных планов, контрольных цифр приема вуза. Речь не идет о государственном контроле качества медицинской помощи – фокус внимания государства сосредоточен на формальных показателях. Это приводит к необходимости следования ригидным и устаревшим стандартам (что должно подтверждаться увеличивающимся потоком отчетной документации) при остром (запланированном) дефиците кадров, низком техническом и финансовом обеспечении.

Нельзя не отметить и некоторые позитивные изменения в системе государственного контроля. Другая задача государственного контроля – препятствие проникновению в сферу здравоохранения людей без соответствующего профессионального образования; лекарственных препаратов и технологий, не прошедших необходимую экспертизу. Усилению контроля подчинено и постоянное привлечение внимания общественности и органов власти к состоянию

здоровья населения как одному из фундаментальных условий национальной безопасности; разработка предложений по развитию нормативно-правовой базы системы охраны здоровья населения, включая разработку правового поля для обеспечения координации действий органов власти и управления по вертикали и по горизонтали; обеспечение государственного санитарно-эпидемиологического надзора на территории страны и санитарной охраны от завоза и распространения инфекционных заболеваний; установление федеральных стандартов качества и условий предоставления медицинской помощи; обеспечение лекарственными средствами, изделиями медицинского назначения и медицинской техникой; разработка государственных гарантий обеспечения граждан медицинской помощью; разработка предложений по уточнению контингентов, которым медицинские услуги и лекарственные средства предоставляются на льготной основе; осуществление мониторинга преобразований в организации охраны здоровья населения страны и некоторые другие направления деятельности.

Недостаток средств и различия в интересах федеральных органов власти во многом сдерживает развитие российского здравоохранения: доля расходов на здравоохранение в валовом национальном продукте, несмотря на появление дополнительного источника ресурсов – средств обязательного медицинского страхования, не увеличилась, а в некоторые периоды даже уменьшилась и не превышает 3%; не удавалось преодолеть сопротивление финансовых органов в вопросе обязательного медицинского страхования неработающих граждан [2].

В настоящее время многие исследователи подчеркивают, что в реформировании всей системы здравоохранения России, и сельского здравоохранения в частности, главным является реализация приоритетного проекта в сфере здравоохранения как первого этапа системных преобразований в отрасли. Эти преобразования стали необходимы для решения актуальных проблем в отечественном здравоохранении и в конечном итоге для укрепления здоровья населения, снижения уровня заболеваемости, инвалидности, смертности, улучшения демографической ситуации. Так, в Саратовской области ассигнования из федерального бюджета только на осуществление денежных выплат медицинским работникам составили 12,8 млрд рублей. Кроме того, денежные средства из федерального бюджета в 2006 г. в сумме 4,7 млрд рублей были направлены на увеличение уровня оплаты труда медицинского персонала ФАПов, а также учреждений и подразделений скорой медицинской помощи. Неотъемлемой частью реализации национального проекта «Здоровье» стали мероприятия по подготовке и переподготовке медработников различных уровней и специальностей.

Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» позволила ЦРБ Петровского района Саратовской области только в течение 2006 г. провести следующие мероприятия:

- 1) организовать и провести профилактические прививки: против вирусного гепатита В детей в возрасте до 17 лет, не привитых ранее; против краснухи детей в возрасте 5–7 лет и девочек в возрасте 14–17 лет, не болевших и не привитых ранее; против полиомиелита инактивированной вакциной детей раннего возраста часто и длительно болеющих ОРВИ, с онкологическими заболеваниями, первичными иммунодефицитными состояниями и заболеваниями

крови; против гриппа медицинских работников, работников образовательных учреждений, взрослых старше 60 лет, детей дошкольных учреждений и учащихся 1–4-х классов;

2) сформировать неснижаемый запас расходного материала для проведения профилактических прививок и других сопутствующих материалов;

3) осуществить денежные выплаты врачам общей (семейной) практики, участковым терапевтам, участковым педиатрам, медицинским сестрам ВОП, участковым терапевтам и участковым педиатрам;

4) подготовить и переподготовить врачей общей (семейной) практики, участковых и педиатров;

5) оснастить диагностическим оборудованием амбулаторно-поликлинические учреждения, закупить дополнительно автомобили скорой помощи;

6) провести дополнительные обследования новорожденных детей, диспансеризацию работающего населения, а также дополнительные медицинские осмотры работающих в отраслях с вредными и опасными производственными факторами, обеспечить женщин дополнительной медицинской помощью в период беременности и родов (родильные сертификаты).

Библиографический список

1. Панова, Л. В. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи [Текст] / Л. В. Панова, Н. Л. Русинова // Социс. – 2005. – № 6.

2. Шейман, И. М. Возможные стратегии реформирования системы государственных обязательств в здравоохранении [Текст] / И. М. Шейман // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 5–6.

3. Лукша, О. В. Провинциальная медицина на распутье [Текст] / О. В. Лукша // Рубеж : альманах социологических исследований. – 1998. – № 13–14.

Т.В. Тычкова,

*ст. преподаватель Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Исследования информационной культуры сегодня представлены в многочисленных трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. Диапазон отношения к понятию «информационная культура» весьма широк. Часть исследователей рассматривают ее как составляющую технического прогресса, а само становление информационного общества – в качестве результата экономических и технических трансформаций. Эта традиция идет от американского социолога Д. Белла – автора идеи постиндустриализма и японско-

го профессора Ю. Хаяши – автора самого термина «информационное общество». Этот термин используется для характеристики общества, где в изобилии циркулирует высококачественная информация, а также есть все необходимые средства для ее хранения, распределения и использования [1, с. 44]. Большинство экономистов, например, А. Тоффлер, также связывают возникновение информационного общества с доминированием «четвертого» «информационного» сектора экономики.

Необходимо отметить, что данный подход трактует информационную культуру только в одном, достаточно узком модусе – как культуру работы с большими массивами информации, культуру деловых и бытовых коммуникаций с использованием систем цифровой связи, персональных компьютеров и других современных технологий. Корни такого подхода лежат в экономико-материалистическом и эволюционном взгляде на историю как на «путь прогресса». Сам термин «информационное общество» при таком подходе носит технико-экономический оттенок. Однако данный подход находит все меньше последователей в среде социологов, так как сегодня вскрываются все новые факты, свидетельствующие о значительных видоизменениях, касающихся культурных и духовных оснований, как в западной, так и в российской социальной жизни. При этом социальные, духовные, экономические и материальные факторы связаны между собой не линейными, а более сложными отношениями.

Формирование информационного общества ставит новые проблемы: в частности, традиционные механизмы социализации личности через семью, среднюю и высшую школу становятся все менее эффективными. Молодежь сегодня становится все менее однородной, термин «поколение молодежи» во многом утрачивает свое смысловое наполнение. «Поколение молодых» сегодня фрагментируется, распадаясь на большое количество групп, которые динамично меняют стилистику и культурные модели коммуникаций, поведения, символические образы. Происходит резкое падение ценности любых авторитетов, сужается круг доверия и количество референтных групп.

Ярким феноменом культуры информационного общества является «экранная культура» – специфический культурный феномен, который возник с изобретением кинематографа, но наиболее зрелой формы достиг в эпоху широкого применения компьютеров. Экранная культура определяется культурологами как тип культуры, основным материальным носителем текстов которой является не письменность, а «экранность» [2, с. 536]. Основным признаком экранной культуры является диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером. Это качественно отличает экранную культуру от письменной (книжной) культуры, поскольку возрождает изначальный тип человеческих культур – культуру личного контакта. Основным способом выражения информации здесь является не письмо, а временной поток экранных изображений, который вмещает в себя и устную речь, и поведение персонажей, и письменные тексты, и анимационное моделирование и многое другое.

Существенным социальным и культурологическим фактором является дальнейший рост индивидуализации, что сопровождается падением ценности семьи, дружеских отношений. В мире глобальной взаимосвязанности формиру-

ется новое одиночество. «Центральной проблемой расщепившегося индивидуализированного общества является одиночество», – пишет В. Федотова [3, с. 12]. Усиливающаяся фрагментированность социума ведет к тому, что методологически становится все более сложно выделять его социокультурную подсистему и говорить о его информационной культуре. Более актуальным становится понятие «информационная культура личности», именно через него сегодня могут анализироваться культурные паттерны обществ.

Итак, интерпретация понятия «информационная культура» в среде ученых еще не является однозначной и устоявшейся. Например, по мнению В. Кравца и В. Кухаренко, понятие «информационная культура» необходимо рассматривать в широком и узком смыслах этого словосочетания. В широком смысле «информационная культура» – это «совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие этнических и национальных культур, их соединение в общий опыт человечества». В узком смысле – это «оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и представление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач; механизмы совершенствования технических сред производства, хранения и передачи информации; развитие системы обучения, подготовки человека к эффективному использованию информационных средств и информации» [4, с. 35].

Рассмотрение «информационной культуры» в рамках технико-экономической парадигмы как части культуры человека и общества, складывающейся под влиянием новых информационных технологий, характерно для многих исследователей. Так, например, В.П. Пласичук пишет: «Информационная культура является важнейшей составляющей общей культуры. Процесс формирования информационной культуры можно выразить как процесс усвоения знаний об информатике, информационных системах и технологиях их использования, овладения новыми формами и способами применения». И в то же время подчеркивает необходимость сочетать новые формы с традиционной культурой работы с книгой, бумажным документом [1, с. 46].

Таким образом, можно заключить, что информационная культура личности в информационном обществе качественным образом отличается от информационной культуры личности в обществе индустриальном, обществе «Второй волны», по определению Тоффлера. В индустриальном обществе информационная культура личности могла быть рассмотрена как составная часть его культуры, его единого мировоззрения, навык работы с научной информацией, книгой, текстом, навык коммуникаций, в глобальном информационном обществе качественное наполнение этого термина коренным образом меняется. Информационная культура личности в информационном обществе отражает социальные и культурологические особенности этого общества, его проблемы, тенденции, особенности, возможности. В связи с возросшей ролью индивида в информационном обществе, особенно ярко видимой на фоне снижения ценности и значения социальных структур, институтов, универсальных механизмов, можно сказать, что информационная культура личностей становится главным основанием культуры информационного общества. Именно культура лич-

ностей, групп и сетей постепенно начинает доминировать над целостными культурами макроуровней – культурами наций, стран, государств, классов и т.д. Благодаря этому особый интерес вызывают процессы формирования такой культуры и ее влияние на социализационные процессы.

Сегодня актуальным является вопрос выработки единого интегративного понятия информационной культуры, ведь перед обществом встает задача производства и ретрансляции единых культурных паттернов, позволяющих индивидам и социальным группам жить, проявлять трудовую и социальную активность, решать задачи безопасности бытия и роста качества жизни.

Вхождение России в информационную стадию развития общества актуализирует не только необходимость научного анализа процессов формирования информационной культуры, но и нахождения возможных путей содействия ее формированию, влияния на вновь образующиеся социокультурные формы.

Общий вектор социализации личности в информационном обществе, по нашему мнению, необходимо направить на формирование информационной культуры, которая должна включать в себя следующее:

1) навыки и культурно-этические формы работы с информацией, в том числе с большими и постоянно нарастающими во времени потоками. Это также навыки передачи, сохранения и преобразования информации, владения соответствующими техниками и технологиями;

2) культурные формы социального поведения в «обществе быстрых перемен». Это социокультурные формы ускоренной трудовой и личностной адаптации в различных социальных и культурных средах, толерантное отношение к техническим, технологическим, социальным, экономическим и другим новшествам;

3) умение организовывать коммуникативное пространство, «отсекая» ненужные коммуникации и добиваясь эффективности в построении нужных связей, строить сетевые коммуникации и сетевые социальные отношения;

4) овладение навыками построения отношений с окружающим социальным миром, налаживания общественных связей, построения имиджа, создания уникального образа, стиля; умение организовывать эффективное информационное взаимодействие в условиях фрагментарного и децентрированного социально-культурного пространства;

5) навыки критического отношения к информации, умение выделить ложную информацию, недостоверные источники, определить информацию, «вырванную из контекста» или преподнесенную в тенденциозном контексте, провокационные или манипуляционные сообщения и т.д.;

6) элементы экранной культуры как культуры личных и групповых коммуникаций посредством экрана компьютера; навыки общения в интерактивном режиме, навыки коммуникаций в глобальной сети; элементы сетевой культуры и сетевой эстетики.

Таким образом, одним из главных элементов социализации в условиях становления информационного общества является формирование у человека информационной культуры. Социализация сегодня происходит не только в рамках традиционных институтов, таких как дошкольные учебные заведения, школы, колледжи, вузы и так далее. Важную роль сегодня играют неформаль-

ные или так называемые вторичные виды социализации. Особенно велико влияние СМИ, при этом их роль не всегда является положительной. Гораздо чаще СМИ, особенно телевидение, не столько способствует социализации, сколько использует недостаток информационной культуры населения, неумение анализировать и «отбраковывать» ненужную и недостоверную информацию, критически относиться к мнениям и идеям, высказанным с «голубого экрана».

Новым социализирующим фактором становятся компьютерные сети. В российском обществе сегодня достаточно широко (по сравнению с 10–15-летней давностью) представлены компьютерная техника и средства связи. Однако сравнение показателей технической оснащенности с аналогичными показателями в других странах указывает на существенные проблемы. По технической оснащенности конкурентоспособна только Москва, в целом же Россия отстает не только от стран Европы и других стран с высоким уровнем дохода на душу населения, но и от большинства стран Латинской Америки, Азии, Океании, некоторых стран Африки. Темпы роста компьютерных и интернет-технологий в России значительные, но опять-таки ниже, чем у многих развивающихся стран. Вызывает серьезную озабоченность уровень использования компьютеров в регионах. Только 6% россиян пользуются Интернетом на работе или дома; 87% никогда не пользуются, 9% ничего не слышали о существовании сети.

Автором было проведено социологическое исследование в 2006–2007 гг., целью которого было диагностирование состояния информационной культуры студенческой молодежи в саратовском регионе. Исследование проводилось методом анкетного опроса по репрезентативной выборке. Всего было опрошено 406 человек, студентов и слушателей нескольких государственных и негосударственных вузов г. Саратова. В результате была выявлена невысокая техническая оснащенность респондентов компьютерами и каналами связи с сетью Интернет. Персональный компьютер с доступом в сеть есть только у 27% опрошенных, еще 23% имеют дома ПК без доступа в Интернет, 51% не имеют дома компьютера, 54% студентов и слушателей почти никогда не используют Интернет, 15% никогда не пользуются компьютером.

Очевидно, что менее половины опрошенных являются активными пользователями компьютера – 48%. Наиболее активно ПК применяется на работе. Неработающие студенты используют компьютер «для игр и развлечений» (в целом по выборке 56, в 17–20 лет – 62%).

Опрос также показал, что более 30% молодых людей, являющихся студентами вузов не читают практически ничего, даже учебной и деловой литературы.

Высшая школа теряет свое социализирующее влияние. Об этом косвенно говорит тот факт, что респонденты практически не включают в свои референтные группы педагогов (их отметили всего 4% из числа опрошенных). В тоже время не признают влияние телевидения 98%, однако 57% опрошенных студентов смотрят его каждый день и у 23% телевизор включен постоянно.

На первое место по оказываемому влиянию молодые люди поставили родителей. Таким образом, семья продолжает оставаться основным институтом социализации молодежи региона, но вектор социализации все более разворачивается в сторону обособления, все большее число молодых рассчитывает только

на себя, опирается на свой личный опыт (41%) или на узкий круг близких, любимых людей (39%).

Научиться жить в пронизанном информационными технологиями обществе, справляться с лавинообразно нарастающими потоками информации, использовать компьютер и Интернет как инструмент для работы и учебы, критически относиться к информации, поступающей из сети и СМИ, грамотно сочетать информацию в электронном виде и традиционную – вот стартовый перечень задач, который должен решить студент, обучаясь вузе. Соответственно вуз, как институт социализации, должен обеспечить техническую и образовательную сторону этого процесса, а главное – составить конкуренцию неоднозначным по влиянию на социализацию СМИ.

Библиографический список

1. *Ерасов, Б.* Социальная культурология [Текст] : учебник для студентов вузов / Б. Ерасов. – 3-е изд., доп. и перераб. – М., 2000.
2. *Кравец, В. Н.* Формирование информационной культуры [Текст] / В. Н. Кравец, В. Н. Кухаренко // Дистанционное образование. – 2000. – № 4. – С. 35–37.
3. *Пласичук, В. П.* Информационно-сетевая культура пользователей [Текст] / В. П. Пласичук // Пат. и лицензии. – 2002. – № 12. – С. 44–48.
4. *Федотова, В. Г.* Факторы ценностных изменений на Западе и в России [Текст] / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11.

О.А. Юдин,

*аспирант Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

СПОРТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для любого вида человеческой деятельности характерно наличие некоторой системы принципов, в наиболее общем виде задающих способы взаимодействия человека с окружающей действительностью и самим собой. Следовательно, выражение этих принципов в явном виде позволяет целенаправленно регулировать деятельность. Данную задачу можно рассматривать как одну из областей науки о познании – методологии, составляющей часть философии.

Спорт в системе социализации личности выступает как социальное явление и как фактор социализации личности. Именно благодаря социализации каждый человек, обретая свою социальную сущность, включается в определенные социальные отношения и интегрируется в социальную систему. В современной западной социологии, прежде всего благодаря трудам Т. Парсонса, утверди-

лось представление о социализации как о наиболее важной части общего процесса становления личности – той его части, которая «ответственна» за формирование наиболее общих, значительных, распространенных и устойчивых черт личности. Эти черты проявляются прежде всего в социально организованной деятельности индивида и реализуются через те или иные конкретные социальные роли. Контактная с разнообразными партнерами по социальному общению или виду деятельности, индивид непроизвольно отбирает тех, кто в его глазах в наибольшей степени является носителем общезначимых социокультурных ценностей и стандартов поведения, интенсивно «впитывая» в себя эти ценности и стандарты. Известно, что другим важным элементом социализации являются выполняемые личностью роли. Изучение и освоение каждой конкретной роли происходит под влиянием социализирующих агентов (родителей, учителей, сверстников и т.д.), в различных социальных институтах (в семье, школе, спортивной команде), каждая из которых характеризуется определенной системой норм и ценностей, отраженных в социальных моделях поведения.

Анализируя факторы формирования личности, необходимо определить эти основные элементы как социокультурный аспект социализации личности, где спорт выступает в качестве среды физической активности и специфически воспитательного фактора, так как он является социальной технологией с четко организованной системой заранее известных правил и моделей поведения. Как социальный институт он формирует определенные «профессиональные статусы», в которых каждая личность, занимаясь спортивной деятельностью, получает свое место с высокой степенью однозначности. Спорт в качестве деятельности, воспроизводящей определенные базовые механизмы формирования личности, включает индивида в социальные общности и общественные организации как полноправного члена общества и формирует определенные социальные отношения.

Характер спорта резко меняет социокультурный смысл формирования личности до «смысла успеха» в зависимости от «модели поведения» человека, которую он выбирает в тех или иных социальных отношениях и игровых ситуациях, приближенных к реальным поведенческим образам. Спорт как социальный фактор как бы модельно воспроизводит альтернативу современной культуры, сохраняет и укрепляет существенные механизмы социально-культурной жизни человека и, переходя в субкультуру индивида, формирует его как социально компетентную личность. Спорт является видом активной деятельности, в процессе которой решается и вопрос о внешнем масштабе самоопределения и самоутверждения личности. По этому признаку спорт глубоко проникает в субкультуру в качестве социального института, определяя личностное становление индивида и формируя стили жизни.

Человеческое самоутверждение в социуме через активно-двигательную деятельность имеет не только внешнее, но и внутреннее измерение, и ее можно рассматривать не только в пространственном, но и в смысловом контексте. В настоящее время открываются широкие горизонты для практического самоутверждения человека, актуализируя идею его глобальной социализации. Соци-

альный институт спорта в таких условиях возрождается и становится общественно важным явлением. Современная модель спорта дает человеку возможность оценить свое отношение к окружающей среде и через эти отношения оценить свое место в обществе. Как вид социальной, непрофессиональной деятельности он воспроизводит определенные базовые механизмы человеческого самосознания и самоопределения, располагает специфическими воспитательными возможностями.

Анализируя данную проблематику, необходимо также отметить, что физическая активность является базисом, а деятельность предполагает рассмотрение его в качестве совокупности определенных отношений людей. Всякая деятельность, как известно, порождает определенные отношения и раскрывается в них. Подобные отношения дают возможность выбора различных форм деятельности и формируют социализационную норму. Именно поэтому деятельность неотделима от системы общественных отношений, которая создается ею и детерминирует ее. В связи с этим анализ спортивного фактора как совокупности специфических общественных отношений, формирующих некоторые устойчивые ценностные ориентации, позволяет раскрыть его влияние на становление личности и установить важные социокультурные функции.

Всякое отношение есть форма выражения связи между предметами и явлениями. Через нее проявляются отдельные свойства предметов и сам предмет. Следовательно, анализ спорта в связи с общественными отношениями позволяет раскрыть важные свойства личности, а затем и сущность его социальности. Спорт утратил бы свой социокультурный смысл, если бы не рассматривался как микромодель общества, которая формирует определенные отношения, воспроизводится на разных, достаточно многочисленных уровнях и определяется как типовое поведение. Социологические исследования показали, что спорт в большей мере, чем другие виды деятельности, является носителем специфических общественных отношений, так как в этой системе, как и в обществе в целом, можно различить агентов социализации, специфические модели поведения и социальные взаимодействия. Человек, занимаясь спортивной деятельностью, общаясь с людьми, имеющими с ним общие интересы, являясь членом определенной группы и носителем определенной субкультуры, не может избежать влияния принятых в этой группе норм поведения. В этом общении он социализируется и принимает определенные роли через процесс имитации и идентификации.

Основной и непосредственный носитель механизмов социальных отношений – спортивная деятельность. Эти отношения получают предельно концентрированное выражение в процессе формирования личностных характеристик. Следует подчеркнуть, что быть включенным в социальные отношения через спортивную деятельность и заниматься социально организованной деятельностью – физической культурой – это не одно и то же. Различие состоит в том, что субъектами спортивной деятельности являются не только отдельные личности, но и общности и общественные организации, в которых у личности формируются установки на деятельность и потребность в общении. Утверждение, что спорт является предметно выраженной сферой общих социальных

интересов и фактором, укрепляющим целостность общества, говорит в пользу социальной природы спорта как специфически воспитательного фактора формирования личности.

Общественные отношения, сформированные через спортивную деятельность, характеризуют спорт как социокультурную среду. Их особенности состоят в том, что они возникают и проходят через сознание людей (общественное, индивидуальное и коллективное), затрагивая сферу ценностных отношений личности, и строятся в соответствии с системой воспитания в интересах общества. Данные отношения по своему статусу в системе общественных отношений являются надстроечными. Подобно политическим, правовым, моральным и другим отношениям они в своем развитии определяются среди прочих факторов природой и типом господствующего материального базиса. Характер и содержание этих отношений в конечном итоге могут быть детерминированы социально-экономической структурой общества. Смена базиса влечет за собой изменение и надстроечной сферы, и в том числе спортивных отношений. Это означает, что сфера спорта не имеет полной самостоятельности. Равно как и другие надстроечные явления, например интеллектуальная или культурная среда формирования личности, спортивная сфера имеет относительную самостоятельность, сущность которой заключается в том, что, помимо зависимости от базиса, она имеет собственные, только ей присущие законы и закономерности развития и функционирования.

Французский социолог П. Бурдьё отмечал, что пространство спортивной деятельности не есть мир, замкнутый в себе самом. Оно включено в мир практики и потребления, в свою очередь структурированный в специфическую воспитательную систему [1]. Имеются все основания рассматривать виды физической активности как относительно автономное пространство, но не следует забывать, что оно является фактором гармоничного развития личности. Т. Берхард иронизирует по поводу одной из основных воспитательных и образовательных структур: «Школа является школой Государства, в которой из молодых людей делают креатуры Государства, т.е. не что иное, как подпорки Государства. Когда я входил в школу, я входил в государство, и раз государство разрушает все живое, то я входил в учреждение по разрушению живых существ. Государство силой заставило меня – впрочем, как и всех других, – войти в него и сделало меня послушным ему, оно сделало из меня этатизированного человека; человека, подчиняющегося правилам и зарегистрированного, вымуштрованного и дипломированного, испорченного и подавленного, как и все другие. Когда мы видим людей, мы видим только этатизированных людей – слуг государства; на протяжении всей своей жизни они служат государству, а, следовательно, они посвятили всю свою жизнь чему-то противоестественному» [2, р. 34].

Рассматривая процесс социализации через социально-культурный срез спортивной деятельности и среды физической активности, можно отметить, что спорт, в силу своего специфического характера, создает конкретные условия для социальной адаптации и интеграции человека, формируя определенный тип поведения. Успешная социализация, кроме всего прочего, обусловлена определением социальной нормы, что позволяет оценить реальное поведе-

ние как приемлемое и обязательное, терпимое, нежелательное и т.д. Эта оценка поведения связана с соответствием или несоответствием реального поведения идеалу или нормативу, при этом выделяются следующие типы норм:

реальные, отражающие реальное поведение, как оно должно проявляться в статистическом большинстве случаев;

должные, то есть стандарты поведения, определяющие, каким оно должно быть в действительности;

идеальные, то есть правила и стандарты ожидаемого поведения как идеала.

Социализация призвана обеспечить постоянный личностный рост, а результат социализации – положительное социальное обучение и образование. Однако она не всегда бывает успешной, более того, результат почти всегда имеет отклонение, выражающееся в отрицательном поведении. Спорт как социальный институт сглаживает и облегчает процесс отклоняющей социализации.

В целом процесс социализации через спорт приобретает особое значение и содержание, так как здесь выступает не только как фактор формирования межличностной компетентности, но и как обстоятельство, способствующее освоению и передаче общих культурных ценностей, оказывает влияние на приобретение высокого социального статуса. Таким образом, социализация личности является непрерывным процессом и наиболее интенсивно осуществляется посредством спорта. Социализация через спорт выражается главным образом в изменении отношения к окружающей социальной среде и формировании социальной компетентности личности, определяя модели поведения и влияя на конкретные базовые ценностные ориентации. Спорт как социокультурный фактор модельно воспроизводит альтернативу современной культуры, сохраняет и укрепляет сущностные механизмы социально-культурной жизни человека и формирует его как социально компетентную личность.

Спорт морально и этически развивает человека, приобщает к гуманистическим ценностям, всесторонне развивает личность и формирует определенный стиль жизни. Он является важным условием овладения человеком определенными социальными и физическими навыками, формируя мотивационную установку на социальную активность, развивая физические кондиции и главное – физическую активность. Все это формирует тип и норму поведения личности и приближает ее к «идеалу». Данные аспекты идентифицируют личность в обществе и облегчают процесс интеграции.

Спорт обладает также определенной спецификой в силу воспитательной и педагогической функций. Философский подход к различным вопросам спортивной деятельности имеет огромное значение для их систематизации и разработки общих концепций, применимых в любом виде спорта. Однако в XX в. такое обоснование зачастую рассматривается как «излишество», помеха на пути к быстрейшему внедрению в практику нового вида. Тем не менее плодотворность общего, философского подхода к физическому совершенствованию демонстрируют, например, боевые искусства [3, с. 25–37].

Как отмечает Н.Н. Визитей [4, с. 6], при анализе физической активности человека возникает проблема, нехарактерная для исследования других явлений. Дело в том, что исследователь не может игнорировать наличие связи

между предметом и собой. Предмет изучения задан как объективно (тело человека), так и субъективно (тело исследователя). Это явление представляет собой случай, когда полностью применима идея Гегеля об отсутствии «чисто внешнего», абсолютно объективного для индивида, обладающего сознанием [3, с. 25]. Действительно, в таких науках, как физика, можно в первом приближении абстрагироваться от связей между исследователем и объектом, однако при более детальном анализе оказывается, что сам процесс наблюдения, например, за частицами микромира вносит искажения в их поведение. Степень искажения поддается лишь грубой оценке с использованием методов теории вероятности.

В науках о человеке отрыв субъекта от объекта превращает получаемые данные в набор случайных параметров, ничего не говорящих о характеристике объекта как целого, поскольку тогда вместо человека будет рассматриваться лишь совокупность его функций. Согласно известному философскому парадоксу, по которому целое всегда больше суммы частей, следует рассматривать именно объект в целом. Для любого вида человеческой деятельности характерно наличие некоторой системы принципов. Очевидно, что спорт в качестве системы ценностных координат играет немаловажную роль в системе социализации личности.

Библиографический список

1. Бурдые, П. Структура, габитус, практика [Текст] / П. Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, вып. 2.
2. Bernhard, T. Maotre anciens [Текст] / T. Bernhard. – Paris, 1988.
3. Долин, А. А. Кэмпо – традиция воинских искусств [Текст] / А. А. Долин, Г. В. Попов. – М., 1992.
4. Визитей, Н. Н. Физическая культура личности [Текст] / Н. Н. Визитей. – Кишинев, 1989.
5. Гегель, Г. Наука логики [Текст] / Г. Гегель. – М., 1974.

Л.О. Хаджимба,

*соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ФАКТОРЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Одним из основных факторов стабильности общества и его развития является социальная адаптация молодежи. Перспективы общества во многом зависят от уровня социализации современной молодежи. В последние годы в российском обществе произошли глобальные изменения, которые при-

вели к росту общественных противоречий, что, в свою очередь, спровоцировало обострение многих социальных проблем, таких, как бедность, международные конфликты, безработица, рост преступности, распространение наркотиков и алкоголизация населения. Таким образом, в связи с социально-политическими и экономическими изменениями современного российского общества исследование проявлений девиантного поведения приобрело исключительную актуальность.

Особенно сильное влияние происходящие изменения оказывают на молодое поколение. Подростковый возраст характеризуется поиском жизненных ориентиров, склонностью к социальным экспериментам, неустойчивой психикой. Именно в этом возрасте происходит становление личности, поэтому различные формы девиантного поведения могут неблагоприятно сказаться на вхождении подростка в общественную жизнь.

Говоря о девиантном поведении в современных условиях, следует отметить, что в самой острой форме девиантность выступает как посягательство на социально-политические и нравственные устои общества. Наибольшую угрозу стабильности и безопасности российского общества и личности представляет сегодня рост и омоложение преступности, наркомании, алкоголизация молодежи, а также рост суицидов и распространение суицидальных настроений в молодежной среде. Социальное влияние преступности, распространение криминальной субкультуры, особенно в молодежной среде, создают предпосылки для воспроизводства закононепослушания, утверждения своеволия.

Большую роль в распространении криминальной субкультуры в современном российском обществе играют средства массовой информации. Современное развитие средств массовой информации, введение запрета на цензуру резко расширили информационное поле, оказывающее первостепенное воздействие на еще не сформированное сознание подрастающего поколения. Результаты исследований современных средств массовой информации, в первую очередь телевидения, показывают, что среди демонстрируемых художественных кинолент преобладают фильмы, насыщенные сценами убийств, агрессии, насилия. Передачи, транслируемые с экранов, отличаются крайне низким художественным уровнем, порождающим отчужденность и жестокость, прежде всего у молодежи. Эксперт по вопросам телевидения О. Ларсен подсчитал, что средний 18-летний американский подросток уже имеет на своем «счете» 1700 часов, проведенных перед телевизором, и 15 тысяч наблюдаемых актов убийств. Другие исследователи приводят такие цифры: 20 тысяч актов убийств и 100 тысяч сцен иного насилия. В свою очередь, сцены насилия выступают стимуляторами, запускающими определенные когнитивные процессы (вызывают агрессивные воспоминания, идеи), а агрессия на телеэкране служит своего рода примером моделирования реального поведения. Суть проблемы можно выразить словами одного американского политика: «Любое телевидение является образовательным. Вопрос лишь в том, чему оно учит» [1, с. 62].

То же самое можно сказать и о некоторых компьютерных играх, доступных подросткам. Психологи отмечают, что за последние пять лет почти в два раза увеличилось количество молодых людей, обращающихся за помощью к

психотерапевтам и в психиатрические клиники. У 40% из них появление проблем с психикой связано с чрезмерным увлечением компьютерными играми. Такая ситуация способствует прежде всего обесцениванию человеческой жизни в глазах молодого поколения, особенно если учесть тот факт, что современные подростки проводят у телеэкрана и за компьютером в среднем 4 часа в день. Результаты исследования А.В. Шумова свидетельствуют, что одним из факторов, приводящих к распространению среди несовершеннолетних наркотической зависимости, является посещение ими Интернет-кафе. По крайней мере, для молодежи, предпочитающей таким образом проводить свое свободное время, было характерно толерантное отношение к употреблению наркотических и психоактивных препаратов [2, с. 22].

Социологи отмечают ежегодное омоложение преступности в нашей стране, причем преступность среди несовершеннолетних становится все более жесткой и агрессивной. Если до середины 1980-х годов объектом внимания была молодежь 16–18 лет, то во второй половине 1990-х годов уже 14–15-летние подростки, а с начала нового столетия правоохранительные органы активно работают с лицами 8–10 лет [3, с. 27].

К быстрому и необратимому разрушению психики и организма человека ведет употребление наркотиков и токсических средств. С конца 80-х годов XX в. рост числа больных наркоманией и токсикоманией стал устойчивой тенденцией. По сравнению с 1990 г., число лиц, употребляющих наркотики и находящихся под наблюдением, в нашей стране увеличилось почти в 10 раз [4, с. 70]. На сегодняшний день почти каждый второй российский подросток в возрасте 12–15 лет пробовал наркотики. Причем сами подростки отмечают, что зачастую решающим фактором подобных экспериментов является фактор доступности. Социологические исследования свидетельствуют об очень широком распространении употребления наркотиков в детской и молодежной среде. Высока информированность подростков и молодежи о наркотических средствах. В ходе опросов молодыми людьми названы более ста наименований наркотических средств, которые они знают лично либо слышали о них. Социологи и психологи утверждают, что плоды подобных опытов, полученные в период социализации, сохраняются на протяжении всей жизни. Между тем следует учитывать, что в подростковом возрасте очень развито любопытство, и если его слишком сильно подавлять и все запрещать, то можно получить обратный эффект. Важно научить подростка удовлетворять свое любопытство безопасными способами. Здесь самую большую роль играет семья молодого человека, его ближайшее окружение.

Эта тенденция вызывает особую тревогу и обеспокоенность за будущее российского общества, которое оказалось в ситуации развития процесса деградации значительной части молодого населения.

Общеизвестна связь ВИЧ-инфекции с употреблением наркотиков. По данным Федерального центра по профилактике и борьбе со СПИДом, эпидемия ВИЧ-инфекции в России в настоящее время развивается самыми быстрыми темпами. Число зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции ежегодно удваивается начиная с 1996 г. [5, с. 26]. Быстрый рост ВИЧ-инфицированных в

течение последних шести лет связан с ростом потребителей наркотиков, которые составляют 94% среди ВИЧ-инфицированных.

Большую тревогу вызывает и такое проявление девиантного поведения среди несовершеннолетних, как суицид. По данным официальной статистики, число самоубийств в среде подростков и молодежи в России в последние десять лет возросло почти в три раза. В числе причин подобного явления называются неуверенность в завтрашнем дне, крах традиционных жизненных ценностей. Кроме того, некоторые исследователи отмечают появление и распространение в России своеобразной молодежной суицидальной субкультуры. Большую роль в этом процессе играют средства массовой информации и Интернет. Молодые люди, общаясь в глобальной сети и обсуждая вопросы добровольного ухода из жизни, убеждены, «... что добровольная смерть – удел людей сильных, творческих и независимых от социальных ловушек и цепей, что это есть высший акт проявления свободы воли человека» [6, с. 4]. Анализируя суицидальные случаи среди несовершеннолетних в Саратовской области, можно отметить, что суицидальные попытки совершаются несовершеннолетними в три раза чаще, чем собственно факты суицида. Психологи объясняют многие подобные случаи желанием подростка привлечь близких людей к своим проблемам. Было также отмечено, что наиболее многочисленны подобные факты среди учащихся общеобразовательных школ, среди детей из внешне благополучных семей, большинство подростков, совершивших суицидальную попытку или факт суицида, на тот момент находились в конфликте с родственниками.

Представления молодых людей о праве и морали в современном российском обществе не являются осознанными регуляторами поведения в силу целого ряда причин, в том числе и объективного характера. Многих современных подростков отличают такие черты, как эгоизм, отторжение усвоенных позитивных социальных ценностей либо их искажение при усвоении, импульсивное поведение, ориентированное на поиск удовольствия [7, с. 218]. Некоторые исследователи связывают проявление отклонений в поведении современной молодежи, особенно это касается несовершеннолетних подростков, в первую очередь с кризисной социализацией.

Базовым институтом социализации является семья. В современной России данный институт, наряду с другими, претерпевает существенные изменения. Однако не все трансформации института семьи носят положительный характер. Многие из них приводят к росту безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, увеличению количества фактов жестокого обращения с детьми, росту социального сиротства. Научно доказано, что дети в большинстве случаев воспроизводят стиль и образ жизни своих родителей. Самые первые нормы и правила социальной жизни усваиваются именно в семье. Поэтому семья может стать как фактором, подталкивающим к употреблению наркотиков, так и, наоборот, фактором оберегающим. В некоторых случаях сами родители могут спровоцировать детей на употребления наркотиков.

К.Г. Юнг утверждал, что, как правило, жизнь, которую не удалось прожить родителям, они стараются передать «по наследству» детям, вынуждая их вступить на путь, который должен компенсировать неисполненные желания роди-

телей, то есть родители в какой-то степени пытаются создать идеального ребенка для себя [8, с. 186]. У детей же это часто вызывает обратную реакцию, поэтому и получается, что сверхморальные родители имеют зачастую аморальных детей, безответственный и праздный отец имеет обремененного честолюбием сына и т.д. Наихудшие последствия, по мнению Юнга, приносит «искусственная бессознательность» родителей. Примером тому может служить мать, которая, чтобы не нарушить видимость благополучного брака, искусственным путем, бессознательно поддерживает себя тем, что привязывает к себе сына – в определенной степени в качестве замены своему мужу. Это приводит к формированию симбиотической связи между матерью и сыном, что в конечном счете может являться одной из причин формирования наркозависимости. Для ребенка наркотик – мощный аргумент в избавлении от постоянной зависимости от родителей, приобретении внутренней свободы в борьбе за самостоятельность.

Большое влияние на данную ситуацию оказывает и система образования, в которой также появились новые проблемы, не существовавшие ранее. Например, тенденция коммерциализации сферы образования ограничивает доступность профессиональных знаний для многих молодых людей. Да и современные общеобразовательные школы зачастую сбрасывают с себя воспитательную функцию, перекладывая всю ответственность за воспитание подростка на семью.

Досуговая сфера сегодня также становится фактором социального неравенства. Современные молодые люди воспринимают досуг как одну из основных сфер жизнедеятельности, где можно продемонстрировать свои способности, потребности и возможности их реализации, обрести физическую и духовную свободу, раскрепощенность. Из возможности интересно, модно организовать свой отдых в современном обществе складывается сегодня общая удовлетворенность молодежи собственной жизнью. В Советском Союзе организацией досуга подрастающего поколения, направленного на патриотическое воспитание здорового, честного и трудолюбивого гражданина, занимались пионерские и комсомольские организации. Дома пионеров предлагали доступный и разнообразный ассортимент кружков и секций, позволяющий удовлетворить интересы и увлечения молодых людей.

В современной России основой ценностных ориентаций, духовного мира подрастающего поколения постепенно становится стремительное развитие информационных технологий и электронных средств массовой информации, которые расширяют возможности молодежного досуга. Данные изменения идут параллельно с падением уровня жизни большинства и ростом благосостояния отдельных слоев молодых людей, то есть к формированию досугового неравенства в молодежной среде. Некоторые виды досуговой активности становятся недоступными широким молодежным группам (Интернет-кафе, клубы сноубордистов, картинг-клубы и скейт-парки, где в большом изобилии представлены видеоигры, бары, рестораны, дискотеки). Подобная ситуация приводит к росту девиантного поведения среди несовершеннолетних. Исследования социологов свидетельствуют о прямой зависимости между частотой посещения

массовых молодежных «тусовок» и употреблением алкогольной и наркотической продукции: 50% постоянных посетителей дискотек принимают алкоголь, 18% иногда «балуются» наркотиками; тогда как среди читателей библиотек таких только 9%; пробовали наркотики 14% посетителей библиотек и 29% любителей дискотечных развлечений [9, с. 266].

Таким образом, с одной стороны, демократическое общество предоставило широкие возможности для самореализации личности, а с другой – отдельные социальные институты перестали справляться с задачей воспитания подрастающего поколения и превратились в факторы риска, способствующие распространению в молодежной среде наркомании, алкоголизма, сексуальной дезориентации, других форм асоциального поведения. В воздействии на молодое поколение основных институтов социализации наблюдается рассогласованность, что затрудняет процесс усвоения подростками норм и ценностей современного общества.

Библиографический список

1. Дроздов, А. Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена [Текст] / А. Ю. Дроздов // Социологические исследования. – 2001. – № 8.
2. Шумов, А. В. Роль занятий спортом в контексте современной молодежной субкультуры и профилактике девиантного поведения у молодежи [Текст] / А. В. Шумов. – Саратов, 2004.
3. Преступность в России начала XXI века и реагирование на нее [Текст]. – М., 2004.
4. Щербакова, Е. М. Нарконашествие в России : о чем говорит статистика [Текст] / Е. М. Щербакова // Социс. – 2004. – № 1.
5. Покровский, В. В. ВИЧ-инфекция [Текст] / В. В. Покровский, Н. Н. Ладная, Е. В. Соколова [и др.] // Информационный бюллетень. – 2002. – № 22.
6. Созонова, А. Суицид в молодежной среде как феномен субкультуры или темная мода // <http://hpsy.ru/public/x2255.htm/>
7. Сулейманова, С. Т. Семья как фактор, обуславливающий развитие девиантного поведения у несовершеннолетних [Текст] / С. Т. Сулейманова // Актуальные проблемы политики и права : сб. науч. тр. – Пенза, 2005. – Вып. 8.
8. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени [Текст] / К. Г. Юнг; пер. с нем. – М., 1993.
9. Иванов, В. М. Человек. Культура. Город [Текст] / В. М. Иванов, В. К. Сергеев. – М., 2002.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.А. Сапожникова,

*преподаватель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обязательным условием успеха стратегических преобразований в Российской Федерации является выработка государственно-правовой политики в области обеспечения национальной безопасности. Приоритетами в государственно-правовой политике по обеспечению национальной безопасности России должны быть юридически закрепленные, научно аргументированные, наиболее значимые и определенные стратегическими задачами внутренней и внешней политики государства направления деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Поскольку в основе вызовов и угроз национальной безопасности, как правило, лежит некий конфликт социально-политических интересов, то фактически именно федеральным органам государственной власти Российской Федерации принадлежит определяющая роль в разработке государственной политики по обеспечению национальной безопасности, и прежде всего правовыми средствами. Актуальность современных проблем национальной безопасности обусловила попытки выяснить причины этого явления и определить систему государственно-правовых мер по их обеспечению.

В настоящее время основные положения в области национальной безопасности закреплены в ряде официальных документов, таких, как Концепция национальной безопасности [1], Закон РФ «О безопасности» [2] и другие нормативно-правовые акты, анализ которых показывает, что на данный момент не выработана единая система и стратегия по обеспечению национальной безопасности России.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации является

декларативным документом, определяющим основные направления обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства. В ней дается краткий анализ текущей и прогнозируемой внешней и внутренней ситуации, определяются национальные интересы и стратегические цели России, угрозы национальным интересам и безопасности государства, а также основные направления деятельности всех органов государственной власти и структур гражданского общества по реализации национальных интересов, достижению стратегических целей и нейтрализации угроз. В самом тексте Концепции подчеркивается, что полномочия органов и сил обеспечения национальной безопасности России, их состав, принципы и порядок действий определяются соответствующими законодательными актами Российской Федерации.

Включение в название Концепции национальной безопасности Российской Федерации категории «национальный» представляется оправданным по ряду обстоятельств.

Во-первых, ее содержание базируется не столько на традиционном понимании термина «нация» как этнической, языковой общности людей, сколько на уже общепринятом в мировой практике подходе, рассматривающем нацию как политико-государственную общность [3, с. 16]. При таком понимании наиболее логичной выглядит совокупность основных объектов национальной безопасности: личность – общество – государство.

Во-вторых, использование термина «национальная безопасность» акцентирует внимание на ключевой категории, защищенность которой обеспечивается, – национальном интересе. Национальный интерес – это уже не просто жизненно важные интересы личности, общества, государства, а их интегрированное выражение [4, с. 19]. В данном случае подчеркивается взаимозависимость и взаимообусловленность благополучия с точки зрения безопасности каждого из элементов триады «человек, общество, государство».

В-третьих, предлагаемый вариант названия Концепции несет в себе и позитивную социально-психологическую нагрузку [5, с. 50]. Такая трактовка названия, наряду с обозначением исключительной важности проблемы, способствует формированию понимания того, что национальная безопасность возникает как результат объединенных усилий всех сегментов общества (от специализированных органов государственной власти до отдельного гражданина) по преодолению разноплановых угроз.

Известно, что Концепция по длительности является среднесрочным документом, и поэтому по истечении определенного срока должна стать основанием для разработки соответствующих государственных планов и программ, направленных на улучшение ситуации в политической, экономической, социальной и других сферах жизнедеятельности. Указанная Концепция была утверждена более шести лет назад. Свою роль она, безусловно, сыграла. При этом следует иметь в виду, что за это время многое изменилось как в мире, так и у нас в стране.

Вопросы национальной безопасности в XXI в. приобрели особую остроту для большинства государств мира, поскольку современные угрозы и вызовы носят транснациональный, глобальный характер. В таком взаимосвязанном,

взаимозависимом мире строить и обеспечивать безопасность в одной отдельно взятой стране без учета всей совокупности факторов практически невозможно.

Исходя из изложенного, логично было бы обратить внимание на следующее положение Концепции: «Национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции, в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции РФ и законодательства Российской Федерации общественными организациями». Необходимость участия общественности в вопросах формирования государственной политики не только провозглашается в важнейших государственных документах, как, например, Концепция национальной безопасности, но и подтверждается мероприятиями и инициативами, организуемыми самими общественными и негосударственными исследовательскими организациями.

Общественные организации могут быть чрезвычайно полезны при выявлении мнения различных групп населения о наиболее острых проблемах в области безопасности в тех регионах, где они работают. Цель проведения собственных исследований и опросов общественного мнения – получить честные мнения людей. Учет результатов таких исследований позволит принимать во внимание точку зрения различных социальных групп и жителей различных регионов России, сосредоточить усилия на решении наиболее актуальных проблем, в том числе в области развития гражданского образования, организации информационных мероприятий, осуществления аналитических наработок программы, совершенствования отношений с органами региональной и федеральной власти.

На наш взгляд, такое предложение, касающееся механизма общественного участия в процессе выработки приоритетов и путей реализации приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности, заслуживает внимания. Ведь безопасность государства в целом достижима только тогда, когда каждый гражданин этого государства находится в безопасности в социальном, экономическом, информационном отношении. Граждане, являясь частью государства, также вносят свой вклад в поддержание безопасности государства (не нарушают закон, объединяясь в общественные организации для законного отстаивания своих интересов, проявляя гражданскую ответственность и активную гражданскую позицию и т.д.).

Следует обратить внимание и на такую категорию, как «новые вызовы безопасности», которые, в сожалению, в большинстве случаев сводятся только к борьбе с терроризмом и военному строительству. Иногда к этим вызовам также причисляют и борьбу с наркотрафиком и трафиком людей, что, безусловно, расширяет поле «новых угроз», но все равно является несправедливым ограничением всего комплекса «новых вызовов безопасности».

Сергей Миронов, Председатель Совета Федерации, признал, что для сокращения преступности необходим комплексный подход, который бы включал повышение благосостояния населения, создание рабочих мест и работу с безпризорниками [6, с. 12]. Таким же образом и подход к решению «новых вызовов безопасности», должен иметь комплексный характер.

Помимо этого, при формировании государственно-правовой политики по

обеспечению национальной безопасности не следует забывать о проблемах законодательного обеспечения национальной безопасности, несмотря на то что данные вопросы могут быть разрешены лишь в течение длительного времени и только при целенаправленных усилиях всех государственных органов и общественных объединений.

В настоящее время создана необходимая правовая база для обеспечения национальной безопасности страны. Внесены поправки и изменения в более чем 60 федеральных конституционных и федеральных законов, регулирующих правоотношения, связанные с вопросами национальной безопасности. Наиболее значительным изменениям подверглись федеральные законы «О гражданстве Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О Государственной границе Российской Федерации», «О воинской обязанности и военной службе», «О федеральной службе безопасности», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «О государственной тайне», «Об охране окружающей среды» и многие другие [7–14].

Ратифицированы международные акты, регулирующие участие России в обеспечении международной и региональной безопасности: Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов, Хартия Шанхайской организации сотрудничества, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Принципиально важным стало завершение разработки основ законодательной государственной политики в области борьбы с терроризмом, обеспечивающей единство стратегии и действий всех ветвей государственной власти, вовлечение в борьбу с преступностью всего потенциала гражданского общества. Существенным событием стало принятие Федерального закона «О противодействии терроризму» [15], который устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом [16].

Принятие этих актов не сняло, однако, большинство правовых проблем в регулировании вопросов национальной безопасности в Российской Федерации. Действующие законодательные акты в этой области, как правило, концептуально касаются частных угроз и отдельных аспектов национальной безопасности: международной, экономической, экологической, демографической, ядерной, продовольственной; безопасности или защиты свидетелей и других. Подготовлены проекты: новой Концепции национальной безопасности; федеральных законов «О национальной безопасности», «О Совете Безопасности», «О продовольственной безопасности», «О военной реформе», «О борьбе с коррупцией» и ряд других, но они так и не были вынесены на обсуждение или вообще сняты с рассмотрения Государственной Думой.

Следствием этих и других нерешенных на законодательном уровне проблем является отсутствие четкой координации в деятельности органов испол-

нительной власти, что порождает несогласованность действий органов различной ведомственной принадлежности, дублирование функций.

Законодательным порядком должны быть реализованы положения Концепции национальной безопасности и в других сферах деятельности государства. При этом очень важно, чтобы федеральные законы в каждой сфере национальной безопасности были поддержаны сбалансированными и финансируемыми федеральными программами. Они могли бы формироваться сроком на 5–10 лет, ежегодно корректироваться с учетом возможностей федерального бюджета и возникающих новых задач национальной безопасности. Все эти программы, в количестве, соответствующем числу принятых в Концепции сфер национальной безопасности, в обязательном порядке следовало бы утверждать законами, а их исполнение должно быть подотчетным Федеральному Собранию.

За последние десять лет наше государство прошло трудный путь формирования принципиально новых государственных, политических, общественных, экономических институтов, на основе новой Конституции РФ создано федеральное и региональное законодательство. Дальнейшая работа по его совершенствованию и развитию потребует применения системного подхода и согласованности действий всех субъектов права законодательной инициативы.

В настоящее время в Российской Федерации сложился механизм обеспечения национальной безопасности в виде действующего законодательства. Однако до сих пор не выработаны соответствующие механизмы государственно-правового регулирования, обеспечивающие использование системного подхода к решению задач развития России, поскольку президентские, федеральные, региональные и межгосударственные программы, как правило, не имеют общей системной концептуальной основы, не анализируются в едином центре. Отсутствие комплексного решения вопросов нормативно-правового, организационного, научного, методического и экспертного обеспечения деятельности органов и сил национальной безопасности мешает созданию и функционированию механизма обеспечения национальной безопасности России.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. от 10 января 2000 г.) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1997. – № 52. – Ст. 5909.
2. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (в ред. от 25 июля 2006 г.) «О безопасности» [Текст] // Российская газета. – 1992. – 6 мая.
3. Белов, П. Концептуально-критериальный базис системы национальной безопасности России [Текст] / П. Белов // Обозреватель. – 2005. – № 8.
4. Хабриева, Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России [Текст] / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2005. – № 12.
5. Явчуновская, Р. Геополитические угрозы и вызовы национальной безопасности России [Текст] / Р. Явчуновская // Власть. – 2004. – № 2.
6. Миронов, С. Идти во главе процесса [Текст] / С. Миронов // Российская Федерация сегодня. – 2003. – № 3.
7. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 18 июля 2006 г.) «О гражданстве Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 27 июля.

-
8. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 10 января 2007 г.) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [Текст] // Российская газета. – 2007. – 20 янв.
 9. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (в ред. от 30 декабря 2006 г.) «О Государственной границе Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 31 дек.
 10. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 6 января 2007 г.) «О воинской обязанности и военной службе» [Текст] // Российская газета. – 2007. – 10 янв.
 11. Федеральный закон от 3 апреля 1995 № 40-ФЗ (в ред. от 27 июля 2006 г.) «О федеральной службе безопасности» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
 12. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 5 января 2006 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 11 янв.
 13. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. от 22 августа 2004 г.) «О государственной тайне» [Текст] // Российская газета. – 2005. – 31 дек.
 14. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2006 г.) «Об оружии» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 31 дек.
 15. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 27 июля 2006 г.) «О противодействии терроризму» [Текст] // Российская газета. – 2006. – 29 июля.
 16. *Кимлацкий, О. А.* Современный уровень и проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / О. А. Кимлацкий // Актуальные проблемы национальной безопасности России: аналитическое управление / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – М., 2004.

А.П. Панов,

*аспирант Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СИСТЕМО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Проблеме юридических обязанностей в литературе традиционно уделялось значительно меньшее внимание, чем субъективным правам и свободам, именно это предопределило их гораздо более слабую научную проработанность. Между тем значительная роль обязанностей в поддержании правопорядка, обеспечении законности, достижении устойчивого функционирования социума несомненна. Тем самым обуславливается необходимость проведения дальнейших исследований в области юридических (в том числе конституционных) обязанностей.

В данной статье затрагивается лишь один аспект очерченной проблемы – восполнение пробела в исследовании конституционных обязанностей граждан Российской Федерации. Такое исследование, на наш взгляд, должно быть в

первую очередь направлено на выявление, описание и анализ механизма функционирования конституционных обязанностей граждан Российской Федерации как некоего целостного объекта. Указанный объект является объектом сложным, а если выразиться точнее – представляет собой систему (ибо не каждый сложный объект есть система). В силу этого представляется целесообразным исследовать этот объект именно как систему.

Системное исследование конституционных обязанностей граждан Российской Федерации позволит оценить степень эффективности осуществления ими своих основных функций, выявить причины недостаточной эффективности функционирования объекта (если таковая имеется), а также определить пути повышения указанной эффективности. В данной статье попытаемся наметить основные направления, на которые стоит обратить внимание при анализе системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации на примере предлагаемой модели названной системы.

Для начала уточним, что же следует понимать под системой. Литература, посвященная системным исследованиям, дает более шести десятков определений понятия «система». Единого, общепризнанного понятия системы наукой пока не выработано. Такое положение стало следствием того, что авторы определений понятия «система», как правило, не стремились дать действительно общее определение, а выводили то понятие, которое в большей степени отвечало задачам их конкретных исследований [1, с. 119].

Исходя из сложившейся ситуации, можно предложить следующее определение: *система* – это упорядоченная совокупность элементов, характеризующаяся функциональной целостностью, наличием внутренних и внешних связей, а также единством цели. Указанное определение, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает обозначенной цели системного исследования такого правового феномена, как конституционные обязанности граждан Российской Федерации.

Определившись с тем, что представляет собой система конституционных обязанностей граждан Российской Федерации, можно приступать к ее анализу. При этом следует учесть, что для изучения любой системы необходимо ее упростить с удержанием основных свойств, то есть построить модель системы [2, с. 167]. Особо подчеркнем, что необходимо различать саму систему, как некую идею, и ее теоретическую модель, которая делает систему доступной для исследования. В свою очередь, построение модели системы предполагает выделение некоторого семейства сопутствующих определений, что будет сделано по ходу текста.

Построению модели и дальнейшему анализу системы должно предшествовать определение основных функций системы, в соответствии с которыми и производится установление ее структуры [2, с. 179]. Это важный момент, так как функции системы могут быть осуществлены при различных ее структурах, и перед исследователем при построении теоретической модели системы стоит задача выбора структуры, наиболее благоприятствующей эффективной реализации указанных функций.

По нашему мнению, основной функцией системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации является участие в процессе дости-

жения и поддержания устойчивого правопорядка, внесение своего «вклада» в урегулирование наиболее важных общественных отношений. В соответствии с приведенным утверждением выявляем структуру системы. Для этого сначала определим само понятие структуры.

Анализ литературы, посвященной системной проблематике, позволяет сделать вывод, что под *структурой* понимается упорядоченная совокупность функциональных элементов системы и сеть связей (отношений) между этими элементами. Фактически, структуру системы можно определить как совокупность компонентов и внутренних связей системы. Именно наличием внутренних связей между компонентами *структура* системы отличается от *состава* системы.

В свою очередь компоненты системы (т.е. ее состав) можно подразделить на подсистемы и элементы системы.

Подсистемы – это компоненты системы, сами являющиеся системами более низкого порядка по отношению к исследуемой системе.

Предлагаемая нами примерная модель системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации состоит из двух подсистем и составляющих их элементов. Первая подсистема: конституционные обязанности, возлагаемые на всех граждан РФ. Вторая подсистема: конституционные обязанности, возлагаемые на отдельные категории граждан Российской Федерации.

Каждая из этих подсистем сама является системой более низкого порядка по отношению к исследуемой системе конституционных обязанностей граждан Российской Федерации. Это частный случай проявления *иерархической* системной концепции, согласно которой любая система любой сложности обязательно входит в систему более высокого уровня (надсистему), а каждый из ее компонентов может рассматриваться также в качестве системы (подсистемы) [2, с. 173].

В свою очередь, структура указанных подсистем представляет собой определенную совокупность компонентов (которыми в данном случае выступают элементы изучаемой системы) и сеть связей между этими компонентами.

Элемент – предел возможного в данной задаче членения объекта; минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции в рамках системы [3, с. 251].

Важно особо подчеркнуть, что элемент выступает далее не делимым компонентом системы только тогда, когда дальнейшее его членение приведет к потере смысла, то есть выведет исследователя в другую систему, за рамки поставленной задачи.

В предлагаемой модели системы элементом выступает конкретная, «одионочная» конституционная обязанность гражданина Российской Федерации. Нет необходимости в дальнейшем членении такого элемента на компоненты в силу того, что он является минимальной единицей, выполняющей определенную функцию (участие в правовом регулировании общественного отношения) в рамках системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации.

Таким образом, элементами первой подсистемы являются: обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы; обязанность заботиться о сохранении

исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры; обязанность сохранять природу и окружающую среду; обязанность платить законно установленные налоги и сборы и т.д.

Элементами второй подсистемы выступают: обязанность заботиться о детях и осуществлять их воспитание; обязанность детей, достигших 18 лет, заботиться о нетрудоспособных родителях; обязанность родителей или лиц, их замещающих, обеспечить получение детьми основного общего образования; обязанность защищать Отечество и т.д.

В совокупности элементы первой и второй подсистем представляют собой элементы исследуемой системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации. Как можно заметить, часть компонентов подсистем совпадает с обязанностями граждан Российской Федерации, закрепленными в действующей Конституции РФ, однако составы подсистем ими не исчерпываются. Это связано с тем, что элементный состав системы обязанностей граждан Российской Федерации, нашедший закрепление в Основном Законе, не является, по нашему убеждению, необходимым и достаточным для обеспечения реализации стоящих перед ней задач.

Кроме того, даже те обязанности, которые нашли свое место в тексте Конституции РФ, расположены там хаотично, таким образом, что их приходится специально «искать». Можно предположить, что законодатель совершил ошибку, не учтя системный характер массива обязанностей граждан Российской Федерации, что и проявилось в виде значительного снижения эффективности функционирования системы.

В сложившейся ситуации дополнение подсистем недостающими элементами и отражение компонентной составляющей структуры предлагаемой модели системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации в тексте Конституции РФ могло бы, по нашему убеждению, значительно повысить эффективность функционирования системы в целом.

При выявлении структуры системы необходимо обращать внимание не только на многокомпонентный состав системы, но еще и на наличие существенных связей (отношений) между компонентами, которые (связи) обеспечивают функционирование системы и ее основных свойств.

Не останавливаясь на этом вопросе подробно, отметим, что система связана со своими подсистемами (в нашей модели: конституционные обязанности, возлагаемые на всех граждан Российской Федерации; конституционные обязанности, возлагаемые на отдельные категории граждан Российской Федерации), а подсистемы связаны между собой и с входящими в их состав элементами (т.е. «одинокими» конституционными обязанностями).

Особо подчеркнем, что при системном исследовании конституционных обязанностей граждан Российской Федерации, важно установить, выявить эти существенные связи (отношения), поскольку указанные связи (называемые еще внутренними связями системы) закономерно и с необходимостью обуславливают интегративные свойства системы [4, с. 62], то есть такие свойства, которые отсутствуют у ее элементов в отдельности (например, свойство правоориентирования, правоспитания).

Таким образом, в случае если из состава системы «выпадают» определенные компоненты, то исчезают и некоторые связи (отношения), что приводит к ослаблению интегративных свойств системы либо полному их исчезновению. В последнем случае система просто перестает быть системой и выполнять свои основные функции. Поэтому при построении модели системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации необходимо учесть все те компоненты (со связями между ними), которые в полной мере обеспечивают эффективное функционирование системы и ее свойств.

Исследование системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации не исчерпывается, однако, только лишь анализом ее структуры, необходимо выявление ее связей (отношений) с *внешней средой* и отслеживание параметров состояния системы при ее взаимодействии с этой средой. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Система конституционных обязанностей граждан Российской Федерации является определенным образом организованной, обособленной частью массива юридических обязанностей вообще. Обладая качеством целостности и относительной автономности, она в то же время неизбежно взаимодействует с внешней средой, в окружении которой она функционирует. Возникает закономерный вопрос: что следует понимать под внешней средой системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации?

Внешней средой по отношению к указанной системе, по нашему мнению, выступает широкий спектр общественных отношений во всем их многообразии. Исходя из этого, можно утверждать, что система конституционных обязанностей граждан Российской Федерации, с одной стороны, постоянно испытывает влияние среды, а с другой – сама оказывает на среду некоторое влияние.

Так, появление определенного рода общественных отношений, требующих правового урегулирования, может вызывать необходимость изменения структуры системы для обеспечения ее эффективного функционирования в новых условиях среды. В то же время и сама система постоянно участвует в урегулировании уже существующих общественных отношений, то есть оказывает собственное активное влияние на среду. Выявление связей (отношений) системы и внешней среды позволит определить состояние системы на текущий момент, а также (с определенной степенью условности) прогнозировать ее развитие в будущем.

Таковы основные направления, которым необходимо уделить особое внимание при исследовании системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации. Теоретическая и практическая значимость подобного исследования состоит в том, что оно позволит, во-первых, глубже проникнуть в суть такого правового явления, как конституционная обязанность гражданина Российской Федерации, установить значение и роль каждой такой обязанности в обеспечении достижения целей системы в целом; во-вторых, выявить механизм функционирования системы конституционных обязанностей граждан Российской Федерации; в-третьих, оценить эффективность функционирования системы на современном этапе и выработать пути повышения указанной эффективности.

Библиографический список

1. Уемов, А. И. Системный подход и общая теория систем [Текст] / А. И. Уемов. – М., 1978.
2. Миротин, Л. Б. Системный анализ в логистике [Текст] : учебник / Л. Б. Миротин, Ы. Э. Ташбаев. – М., 2004.
3. Блауберг, И. В. Проблема целостности и системный подход [Текст] / И. В. Блауберг. – М., 1997.
4. Жариков, О. Н. Системный подход к управлению [Текст] : учеб. пособие для вузов / О. Н. Жариков, В. И. Королевская, С. Н. Хохлов; под ред. В. А. Персианова. – М., 2001.

В.С. Украинцева,

*соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА АЛЬТЕРНАТИВНУЮ ГРАЖДАНСКУЮ СЛУЖБУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России право на альтернативную гражданскую службу (АГС) закреплено в ч. 3 ст. 59 Конституции РФ, которая гласит: «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой».

Такое широкое понимание права на альтернативную гражданскую службу, закрепленное в Основном Законе, отвечает духу современности, потребностям российских призывников, нуждам общества. Сегодня все государства мира призваны уважать не только коллективные права общин верующих, но в первую очередь личную волю каждого, не допускать ситуации, когда какие-либо обязанности могут быть возложены на человека вопреки его совести, мировоззрению. В настоящее время многими молодыми россиянами, не желающими становиться в ряды военнослужащих, движет не вероисповедание и даже не пацифистские взгляды, а собственное отношение к роли армии в современной российской государственности, к тому, что в армии происходит, к принудительному военному призыву.

С 2002 г., после принятия Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» [1], количество лиц, выбравших ее, с каждым годом значительно уменьшается. Так, до 2002 г. желающих пройти альтернативную службу было около двух тысяч человек. В 2004 г. АГС выбрало 400 человек, в 2005 – всего 257, в 2006 г. из 319 поданных заявлений удовлетворено 275. В 2007 г. такое желание изъявил только 101 человек [2].

Срок альтернативной гражданской службы согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. «Об альтернативной гражданской службе» в 1,75 раза превышает срок военной службы по призыву и составляет 42 месяца, для граждан, имеющих высшее образование, – 21 месяц, что является самым продолжительным сроком в Европе и СНГ. Столь длительный срок, по нашему мнению, фактически является наказанием за убеждения. По Резолюции Европейского парламента от 13 октября 1989 г. гражданская служба не может быть продолжительнее военной более чем в полтора раза.

Согласно Федеральному закону от 6 июля 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву» [3] с 2007 г. альтернативная гражданская служба составляет 31,5 месяца для гражданских организаций и 27 месяцев – для организаций военного подчинения. С 2008 г., когда срок военной службы по призыву будет уменьшен до одного года, альтернативная гражданская служба – независимо от места службы и образования альтернативнослужащего – будет длиться 21 месяц. Тем не менее коэффициент превышения срока военной службы по призыву 1,75 сохраняется. Однако в связи с этими новациями можно ожидать всплеска интереса призывников к альтернативной гражданской службе.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона, альтернативная гражданская служба – особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Министерство труда и социального развития Российской Федерации разрабатывает и утверждает перечни видов работ, профессий, должностей, на которых могут быть заняты граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, и организаций, где предусматривается ее прохождение. Среди рабочих профессий – санитары, водители, машинисты, слесари, электрогазосварщики, грузчики. Для лиц, имеющих соответствующее образование, предлагаются должности служащих: инженеры, механики, программисты. В списке организаций – больницы, дома престарелых, психоневрологические интернаты, заводы, строительные управления, сельскохозяйственные предприятия, гидрометеостанции. Обязательным условием является то, что это могут быть лишь вакантные рабочие места, обусловленные дефицитом трудовых ресурсов. Исходя из этого можно сделать вывод, что за работу в рамках альтернативной службы будут платить невысокую заработную плату. Согласно закону оплата труда гражданина, проходящего альтернативную гражданскую службу, производится организацией в соответствии с действующей в ней системой оплаты. Заработная плата младшего персонала, работников интернатных учреждений, социальных работников зачастую ниже прожиточного минимума.

Для прохождения альтернативной гражданской службы бронирование мест не допускается. Следовательно, это в основном малооплачиваемые или малопрестижные должности, предполагающие полную занятость и, как правило, тяжелый физический труд. Однако закон гласит, что «при определении вида работы, профессии, должности, на которых может быть занят гражданин, направляемый на альтернативную гражданскую службу, и места прохождения

альтернативной гражданской службы учитываются образование, специальность, квалификация, опыт предыдущей работы, состояние здоровья, семейное положение гражданина» (ч. 5 ст. 4) [1].

Как следует из той же статьи Закона, прохождение альтернативной службы возможно только в государственных организациях, то есть находящихся в ведении федеральных органов власти или органов власти субъектов РФ. В муниципальные и другие негосударственные организации граждане на альтернативную гражданскую службу направлены быть не могут. Однако в законе оговаривается, что служба в организациях, подведомственных местному самоуправлению, в принципе возможна, но должна быть дополнительно введена федеральным законом, которого пока нет. Тем самым законодатель, на уровне заявления о намерениях, признает целесообразность расширения круга организаций, в которых можно проходить альтернативную гражданскую службу.

Все проблемы и трудности, в том числе и финансовые, с которыми сталкиваются альтернативнослужащие, могли бы быть разрешены, если бы существовало право выбора подходящего места службы из утвержденного перечня. Тем не менее ни закон, ни принятое в соответствии с ним Положение о порядке прохождения альтернативной гражданской службы [4] не предусматривают учета мнения гражданина при определении места службы.

У граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, есть ряд преимуществ перед теми, кто призван на военную службу. Во-первых, время прохождения АГС входит в трудовой стаж. Альтернативнослужащий пользуется всеми льготами, предусмотренными Трудовым кодексом РФ, а это дает ему право на восьмичасовой рабочий день с полноценными выходными. Он имеет право на ежегодный оплачиваемый отпуск. Немаловажно, что во время прохождения альтернативной службы разрешается учиться на вечерних и заочных отделениях вузов.

Вместе с тем во время прохождения альтернативной гражданской службы запрещено работать по совместительству, занимать руководящие должности, заниматься предпринимательской деятельностью. Нельзя также участвовать в забастовках, покидать населенный пункт без разрешения работодателя. В случае, если альтернативнослужащий нарушает эти правила, его могут привлечь к ответственности, вплоть до уголовной. Например, самовольное оставление населенного пункта, где он проходит альтернативную гражданскую службу, может рассматриваться как уклонение от прохождения данной службы. В соответствии со статьей 328 Уголовного кодекса РФ на него может быть наложен штраф, а максимальной санкцией за это преступление является арест сроком до полугода.

Еще одним минусом альтернативной гражданской службы является преимущественно экстерриториальный принцип распределения альтернативнослужащих, то есть за пределами их постоянного проживания. Применение экстерриториального принципа, с одной стороны, приводит к невозможности направления на альтернативную гражданскую службу в социальные организации, не имеющие общежитий, с другой стороны – порождает целый спектр проблем, связанных с размещением и социально-бытовым обеспечением иногородних граждан. Но согласно п. 2 ст. 4 Закона допускается исключение «при

невозможности направления граждан для прохождения альтернативной гражданской службы за пределы территорий субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно проживают, граждане в соответствии с решением специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти могут быть направлены для прохождения альтернативной гражданской службы в организации, находящиеся на территориях субъектов Российской Федерации, в которых они постоянно проживают». Официальные власти под невозможностью понимают следующее: ряд семейных обстоятельств, отсутствие жилья на предприятиях. Однако данный факт вызывает недовольство Министерства обороны Российской Федерации, считающего экстерриториальность средством уменьшения количества желающих проходить альтернативную гражданскую службу. По нашему мнению, экстерриториальный принцип прохождения АГС лишает альтернативную службу не только социальной направленности, но и экономической эффективности. Отмена этого правила насуточно необходима, поскольку экономически выгодно оставление альтернативнослужащего в месте его постоянного проживания, где он не утрачивает свои социальные связи за 3,5 года, не изолируется от привычной среды, в которой ему будет легче адаптироваться после окончания службы.

Противоречит Конституции РФ и ограничивает право осуществления выбора вида службы обязанность гражданина подать заявление о замене военной службы альтернативной еще в несовершеннолетнем возрасте – в 17 лет, за шесть месяцев до наступления времени призыва. При этом молодой человек, юридически являющийся недееспособным, должен обосновать свою позицию сначала в заявлении, а затем на призывной комиссии в ходе квазисудебной процедуры, которую он должен пройти также до достижения совершеннолетия. Согласно ст. 60 Конституции РФ гражданин может самостоятельно осуществлять свои права и обязанности в полном объеме с 18 лет. Этот жесткий порядок ограничивает свободу убеждений тех молодых людей, кто осознает свой выбор позднее, чем за шесть месяцев до призыва.

Кроме того, утвержденный законом порядок не соответствует Рекомендациям 1987 г. Комитета министров Совета Европы. Данными Рекомендациями определяется, что заявление должно быть подано в срок, достаточный для его рассмотрения до призыва, а также указывается, что законом может быть предусмотрена возможность заявления об отказе и в период прохождения военной службы, если соответствующие основания возникают в этот период. В пояснительной записке к Рекомендациям уточняется, что причиной отказа от несения военной службы признается конфликт с совестью, и, следовательно, установление точного срока подачи заявления противоречило бы самой природе этого права.

Российский закон не только не допускает возможности перехода с военной службы на альтернативную, но и вводит жесткий срок подачи заявления, лишаящий по формальным основаниям множество людей возможности заменить военную службу альтернативной.

Альтернативная гражданская служба, если, конечно, не превращать ее в наказание для «отказников», может и должна стать, как это демонстрирует опыт Германии, одним из важнейших направлений социальной работы в стра-

не. Будучи одним из способов привлечения человеческих ресурсов в социальную сферу, она призвана выполнять двойную функцию: с одной стороны – это помощь тем, кто не может обслуживать себя сам (больные, дети, инвалиды, пожилые), и с другой стороны – это моральная поддержка самих альтернативнослужащих.

К сожалению, пока еще сложно говорить о том, что данные функции обеспечиваются современным российским законодательством. Однако сам факт принятия Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» спустя десять лет после закрепления данного права в Конституции России уже свидетельствует об определенной победе общественности и самих призывников, отстаивающих свое право не нести службу с оружием в руках, если это противоречит их убеждениям.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. «Об альтернативной гражданской службе» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3030.
2. *Шавлохова, М.* Альтернативный гражданский срок [Текст] / М. Шавлохова // Газета. – 2006. – 13 дек.
3. Федеральный закон от 6 июля 2006 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с сокращением срока военной службы по призыву» // СЗ РФ. – 2006. – № 29. – Ст. 3122.
4. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2004 г. № 256 «Об утверждении Положения о порядке прохождения альтернативной гражданской службы» // СЗ РФ. – 2004. – № 23. – Ст. 2309.

О.В. Кузнецова,
*ст. преподаватель Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Термин «избирательное право» используется как название одного из субъективных прав российских граждан, являясь разновидностью политических прав. Такие права закрепляются за каждым гражданином и реализуются в соответствии с его индивидуальными политическими симпатиями и антипатиями на добровольной основе. Данное право – одна из основных составляющих более общего политического права граждан участвовать в управлении делами государства.

В теории субъективное право рассматривается как право участника правоотношений на определенное поведение или как вид и мера возможного пове-

дения. Разумеется, субъективное право не может осуществляться независимо от юридических норм. Реализуя свое субъективное право, участник правоотношений действует на основе и в рамках существующих правовых норм. Юридические нормы воплощаются в жизни через конкретные права (обязанности), обогащаются их качественно различным социальным содержанием. В то же время развитие фактических отношений влечет изменение потребностей, интересов, притязаний, что обуславливает формирование новых прав и обязанностей, требующих своего закрепления в объективном праве. Этим, например, обусловлено изменение избирательного законодательства перед новым циклом избирательных кампаний. При этом принимается во внимание практика прошедших выборов и изменившаяся политическая конъюнктура.

Одной из особенностей субъективного права является обеспеченность корреспондирующими юридическими обязанностями соблюдения этого права всеми гражданами, учреждениями, должностными лицами и государственными органами, а также обязанность выполнения соответствующих требований управомоченного, благодаря чему он может обратиться за защитой своего права к соответствующему государственному органу, осуществляющему юрисдикционную деятельность. Это вытекает из положений Конституции РФ, согласно которым в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (ч. 1 ст. 17); права и свободы являются непосредственно действующими, они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18); гарантируется государственная защита прав и свобод (ст. 45).

Субъективное избирательное право определяется как гарантированная государством возможность для гражданина избирать и быть избранным в различные государственные и местные органы. Такая возможность гарантируется, во-первых, возведением указанных прав в степень конституционных, во-вторых, признанием Россией частью своей правовой системы международных избирательных стандартов. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 3 Протокола № 1) устанавливает «позитивную обязанность» государств-участников проводить демократические выборы. Это означает, что «первостепенной обязанностью в указанной сфере является не воздержание от совершения действий, или невмешательство, как в случае с большинством гражданских и политических прав, а принятие государством позитивных мер, направленных на проведение демократических выборов» [1, с. 534], то есть гарантированная государством возможность. И хотя в тексте ст. 3 Протокола № 1 прямо не закреплены субъективные избирательные права, Европейский Суд по правам человека стал трактовать ее более широко: «Что же касается природы прав, закрепленных таким образом в статье 3, то подход Комиссии несколько изменился, и от понятия «институциональное» право на проведение свободных выборов... Комиссия перешла к понятию всеобщего избирательного права... а далее, постепенно – к понятию субъективных прав участия: «право голоса» и «право выдвигать свою кандидатуру при выборах органа законодательной власти»... Суд согласен с этой последней концепцией»

[1, с. 534]. Возможность реализации данного права гарантируется также предоставлением различных средств правовой защиты: от права обжалования в административном порядке через систему избирательных комиссий до судебной защиты нарушенных избирательных прав.

Исходя из упомянутых конституционных и международных установлений, различают активное (избирать) и пассивное (быть избранным) избирательное право. Однако, помимо перечисленных правомочий, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ст. 2) в понятие избирательных прав граждан включает также право участвовать в выдвижении кандидатов, список кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов, в других избирательных действиях [2]. Поэтому субъективное избирательное право представляется как комплексное право, состоящее из множества правомочий – избирательных прав, определяемых как гарантированные государством и принадлежащие гражданам конституционные и производные от них юридические возможности участвовать в управлении делами государства и решении вопросов местного значения посредством участия в выборах. В обобщенном виде – это гарантированное государством право граждан участвовать в выборах [3, с. 25].

Пассивное избирательное право – право граждан быть избранными в органы государственной власти и выборные органы местного самоуправления. В отличие от активного избирательного права оно реализуется прежде всего самим кандидатом при поддержке гораздо меньшего числа граждан, но по более сложной процедуре и может заканчиваться избранием кандидата. Пассивное избирательное право также состоит из множества правомочий, от успеха осуществления которых зависит реализация права быть избранным. К таким правомочиям относятся: право выдвижения кандидатуры в порядке самовыдвижения или избирательным объединением; право на предвыборную агитацию, на финансирование своей избирательной кампании; право назначения доверенных лиц и других представителей; право на наблюдение за ходом голосования, подсчетом голосов избирателей; право обжалования решений и действий избирательных комиссий.

Выборы немыслимы без реализации пассивного избирательного права гражданами России. Целью выборов является избрание депутатов или должностных лиц. При этом необходимым условием является соблюдение принципа альтернативности. Данный принцип предусматривает, в соответствии с п. 33 ст. 38 Федерального закона от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», что если ко дню голосования в одномандатном (многомандатном) избирательном округе число зарегистрированных кандидатов окажется меньше установленного числа депутатских мандатов или равным ему либо если в едином избирательном округе будет зарегистрирован только один кандидат, голосование в таком избирательном округе по решению соответствующей избирательной комиссии откладывается для дополнительного выдвижения кандидатов и осуществления последующих избирательных действий [2].

Избирательные действия проводятся как самим кандидатом, так и другими участниками избирательного процесса. Эти действия начинаются с выдвижения и регистрации гражданина в качестве кандидата и кончаются определением результатов выборов. Кандидат может быть избран только в том случае, если в его пользу будет направлено волеизъявление большинства проголосовавших избирателей и если это волеизъявление окажется подлинно свободным. Иными словами, в самом процессе реализации пассивного избирательного права участвует весьма большое количество людей, и без такого участия быть избранным невозможно. Отсюда следует, что конституционное право граждан быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления является коллективным.

В Конституции РФ народ объявляется единственным источником власти, которую он осуществляет, в частности, путем участия в выборах. Это могло бы свидетельствовать о естественном характере избирательных прав. Тем не менее пассивное избирательное право принято относить к позитивным правам, получающим реальное воплощение только благодаря государственной власти, принимающей соответствующие законы.

Избирательное законодательство – одно из самых нестабильных. Оно следует за развивающейся политической системой и отвечает ее требованиям. Меняется подход к содержанию пассивного избирательного права, вводятся все новые ограничения его осуществления. Такие ограничения касаются как сущности этого права, так и отдельных правомочий. Так, например, происходит с правом кандидатов на предвыборную агитацию, путем манипулирования понятием и правилами проведения агитации. Сначала принятый в 2002 г. в новой редакции Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» установил для кандидатов запрет на использование эфирного времени и печатной площади для проведения агитации за других кандидатов. При этом в неравное положение поставлены кандидаты, выдвинутые избирательным объединением, и кандидаты-самовыдвиженцы. Первые могут осуществлять агитацию за других кандидатов, выдвинутых этим же избирательным объединением, и, соответственно, пользоваться их поддержкой. Кроме того, избирательное объединение вправе агитировать в СМИ за любого выдвинутого им кандидата. Кандидат-самовыдвиженец лишен такой поддержки со стороны других кандидатов. Затем Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» [4] ввел запрет на агитацию в телевизионном эфире против кандидатов, списков кандидатов (п. 5.2 ст. 56).

Пассивное избирательное право имеет более сложный правовой режим и, в отличие от активного избирательного права, – более ограничительный характер. С одной стороны, желательно, чтобы право быть избранным, подобно праву избирать, было возможно более широким. Теоретически каждый избиратель должен обладать правом быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления. С другой стороны, поскольку цель выборов

заключается в том, чтобы избрать на выборную должность самых лучших представителей народа, способных управлять делами страны, региона, местными делами, постольку было бы разумно установить какой-то минимум требований к кандидату, который едва ли необходимо предъявлять обычному избирателю.

Законодательство Российской Федерации и ее субъектов, равно как и законодательство других государств, знает такие требования, или иначе – избирательные цензы. Это конституционные цензы: гражданства, возрастной (для кандидатов на выборах в федеральные органы государственной власти); свободы и дееспособности (ст. 32 Конституции РФ); оседлости для кандидата на должность Президента РФ (ст. 81 Конституции РФ). Остальные ограничения имеют законодательное закрепление: возрастной ценз для кандидатов в депутаты регионального и местного уровня, глав муниципальных образований; судимость за определенные виды преступлений; гражданство иностранного государства; несовместимость и неизбираемость. Следует отметить, что ограничения права на избрание не должны нарушать равноправие граждан в политической сфере; они должны диктоваться соображениями практического порядка, а отнюдь не политическими мотивами.

Вызывает одобрение ограничение пассивного избирательного права для граждан Российской Федерации, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких, особо тяжких преступлений, в том числе преступлений экстремистской направленности, и имеющих на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления (п. 3.2 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Справедливо также ограничение данного права для граждан Российской Федерации, имеющих гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства (п. 3.1 ст. 4 указанного Федерального закона). В совокупности с нормой, устанавливающей запрет на финансирование избирательной кампании кандидата за счет средств, поступающих от иностранных государств и организаций, а также иностранных граждан и юридических лиц (п. 6 ст. 58 указанного Федерального закона), указанное ограничение направлено на защиту государственного суверенитета России, недопустимость вмешательства во внутренние дела государства, посредством влияния на принятие важнейших государственных решений через законотворческий процесс и правоприменительную практику.

Несовместимость означает запрет на совмещение мандата депутата или выборного должностного лица в течение срока своих полномочий с занятием определенных должностей и выполнением определенных профессиональных обязанностей. Это ограничение исходит из принципа разделения властей и необходимости обеспечения наиболее эффективной деятельности выборных органов государственной власти и местного самоуправления. Неизбираемость связана со многими факторами, например лишением лица по решению суда права в течение определенного срока занимать государственные и (или) муниципальные должности. Не могут выдвигать свою кандидатуру лица, ушедшие в отставку, которая послужила основанием для назначения данных выбо-

ров. Кроме того, не могут участвовать в избирательной кампании члены избирательных комиссий, судьи Конституционного Суда РФ (п. 1 ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; ч. 3 ст. 11 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. (с послед. изм.) «О Конституционном Суде Российской Федерации») [5]. Анализ положений федеральных законов, регулирующих деятельность прокуратуры РФ и политических партий, позволяет сделать вывод, что прокурорские работники не могут участвовать в выборах в качестве кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Так, в соответствии с п. 4 ст. 4 Закона РФ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» прокурорские работники не могут являться членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности [6]. Такой деятельностью, согласно Федеральному закону «О политических партиях» (п. 4 ст. 3) признается выдвижение кандидатов на выборные должности [7]. Следовательно, прокурорские работники не могут участвовать в выдвижении кандидатов избирательным объединением, в том числе быть кандидатами на выборную должность.

Рассмотренные ограничения не являются абсолютными. При несовместимости возможность реализовать право на избрание появляется после освобождения от должности, несовместимой со статусом выборного лица, в случае победы на выборах. Неизбираемость либо носит временный характер (например, до истечения срока отбывания уголовного наказания или срока судимости), либо требует отставки от должности, статус которой не позволяет реализовать свое право гражданина быть избранным.

Реализация пассивного избирательного права в значительной степени зависит от вида избирательной системы. Представляется, что введение на выборах депутатов Государственной Думы пропорциональной избирательной системы ограничило данное право российских граждан [8]. Если для рядового члена внутрипартийная фильтрация является серьезным барьером, то о каких возможностях беспартийных граждан можно говорить?

Для включения в список кандидатов необходимо заручиться поддержкой не менее десяти членов регионального отделения партии, а далее выдержать конкурс на конференции регионального отделения политической партии и съезде партии. Реализация гражданами пассивного избирательного права становится в зависимости от их принадлежности к избирательным объединениям.

Смешанная избирательная система, применяемая на региональных и местных выборах, незначительно увеличивает возможности граждан на получение депутатского мандата. Во-первых, выбор пропорциональной или смешанной избирательной системы осуществляется по усмотрению законодателя субъекта РФ. Пропорциональная система выборов депутатов законодательного (представительного) органа установлена, например, в Санкт-Петербурге, Московской области и Республике Дагестан. Во-вторых, при закреплении смешанной избирательной системы не менее 50% депутатов должны избираться по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов, выдвинутые избирательными объединениями. Следова-

тельно, количество депутатов-одномандатников может быть менее 50%. Кроме того, кандидаты от партий и независимые кандидаты ставятся в крайне неравное положение. Последние имеют возможность зарегистрироваться только по одномандатному округу, а «партийцы» – как по одномандатному, так и в составе списка кандидатов, что увеличивает их возможность пройти в региональный парламент.

С точки зрения конституционного права очень важно сохранение оптимального баланса между широтой избирательных прав граждан и наличием разумных и обоснованных правовых барьеров, блокирующих доступ на выборные должности для определенных категорий лиц. При этом недопустимо ущемлять юридические запреты или условия избираемости, допускающие произвольное толкование.

Библиографический список

1. Европейский Суд по правам человека: избранные решения [Текст]. – М., 1987. – Т. 1.
2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 30 января 2007 г.) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253; 2007. – № 6. – Ст. 681.
3. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации [Текст] / под ред. А. А. Вешнякова. – М., 2003.
4. СЗ РФ. – 2006. – № 50. – Ст. 5303.
5. СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2007. – № 7. – Ст. 829.
6. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366; СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; Российская газета. – 2007. – 6 марта.
7. СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950; 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 37.
8. Федеральный закон от 18 мая 2005 г. (в ред. от 30 декабря 2006 г.) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919; 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 37.

Т.Г. Мышева,

*преподаватель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Одним из высших непосредственных выражений принадлежащей народу власти служат демократические, свободные и периодические выборы. Такая форма прямого волеизъявления граждан обеспечивается тем, что проведение выборов строго упорядочивается законодательством, которое в свою очередь базируется на Конституции РФ. Только «в рамках демократической

политической системы выборы обеспечивают конкурентный политический процесс, через который собственно и проявляет себя народный суверенитет, действительное народовластие и гражданское представительство интересов» [1, с. 47]. Право на участие в управлении делами государства граждане могут реализовать как непосредственно, так и через своих представителей. Оно является юридическим выражением суверенитета народа и формой осуществления им своей учредительной власти.

Всеобщее избирательное право означает признание без какой бы то ни было дискриминации и необоснованных ограничений за всеми гражданами, достигшими определенного возраста, права избирать (активное избирательное право) и права быть избранными (пассивное избирательное право). Конституция РФ и федеральное законодательство гарантируют эти права граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, предусматривая, что актами субъектов Федерации эти права и гарантии не могут быть изменены, ограничены, а могут быть только дополнены новыми гарантиями.

Традиционно в юридической науке принято различать избирательное право в объективном и субъективном смысле слова. Избирательное право в объективном смысле слова есть совокупность юридических норм, регулирующих фактические отношения по выборам представительных органов и должностных лиц. Данные нормы содержатся в Конституции РФ, конституциях и уставах субъектов Федерации, в различных избирательных законах. Субъективное избирательное право – это конституционное право граждан Российской Федерации избирать (активное право) Президента РФ, депутатов представительных органов государственной власти и органов местного самоуправления и право (возможность) быть избранным (пассивное право) на соответствующий пост или в органы государственной власти и местного самоуправления.

Действующий Основной Закон не связывает выборы с процедурой формирования какой-либо одной системы органов власти. По Конституции РФ 1993 г. выборы – универсальный институт народовластия, атрибутивно связанный с демократией, субъективное избирательное право (ст. 32) – универсальное правомочие, не связанное только с формированием какой-либо конкретной системы органов государственной власти или местного самоуправления. Таким образом, субъективное избирательное право является конкретным воплощением установленного Конституцией РФ права граждан России участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей [2, с. 6].

В Конституции РФ закреплено право граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти (в том числе на должность Президента РФ) и местного самоуправления, участвовать в референдуме, но в то же время в ст. 32, посвященной этому праву, не содержится указания на принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Данные принципы закреплены применительно к выборам Президента РФ в ст. 81 Конституции РФ.

В соответствии с действующей Конституцией РФ Президент РФ избирается гражданами России на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет, может избирать, а с возраста 35 лет – быть избранным Президентом России независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Не имеют права избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, или граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Участие граждан в выборах Президента является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на избирателей с целью принудить их к участию или неучастию в выборах, а также препятствовать свободному волеизъявлению.

В ч. 3 ст. 32 Конституции РФ 1993 г. определены две категории граждан, которые не могут участвовать в выборах: лица, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Недееспособным, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, признается гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значение своих действий или руководить ими. Признание недееспособным осуществляется лишь судом в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством. Лица же, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, сами лишили себя права участвовать в выборах и референдумах, преступив закон. Ограничение их избирательных прав не имеет ничего общего с существовавшим в СССР до 1959 г. лишением по суду права избирать и быть избранным как меры наказания.

Предусмотренное в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение не распространяется на лиц, хотя и содержащихся под стражей в следственных изоляторах или аналогичных местах (подозреваемых, обвиняемых, подсудимых), но в отношении которых суд еще не применил уголовное наказание в виде лишения свободы.

После отбытия судебного наказания гражданин вновь вправе осуществлять свои избирательные права. То же относится к лицу, ранее признававшемуся недееспособным, если основания к тому отпали и суд признал его дееспособным.

Кандидаты на должность Президента РФ могут быть выдвинуты политическими партиями, имеющими право в соответствии с действующим законодательством принимать участие в выборах Президента РФ на равных основаниях. В соответствии с Федеральным законом от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» [3], политическая партия является единственным видом общественного объединения, которое обладает правом выдвигать кандидатов на выборные должности в органы государственной власти. Согласно ст. 36 Закона политические партии, их региональные отделения вправе принимать участие в выборах, если официальное опубликование решения об их назначении состоялось после представления партиями в уполномоченные органы документов, подтверждающих государственную регистрацию их региональных отделений более чем в половине субъектов РФ. Каждая политическая партия

вправе выдвинуть только одного кандидата. При этом особо подчеркивается, что политическая партия не вправе выдвигать кандидатами граждан, являющихся членами других партий.

Указанное положение Федерального закона ничего не говорит о запрете выдвигать кандидатами граждан, не являющихся членами каких-либо партий, следовательно, это возможно. Однако в данном случае возникает вопрос о целесообразности таких действий, поскольку, выдвигая своего кандидата на должность Президента РФ, каждая партия преследует цель иметь своего представителя в лице высшего должностного лица государства, а лицо, не имеющее принадлежности к какой-либо партии такими обязательствами связано не будет.

Реализовать пассивное избирательное право на выборах Президента РФ при соответствии требованиям, указанным в действующем законодательстве, граждане Российской Федерации могут посредством самовыдвижения. Для этого требуется создать группу избирателей в количестве не менее пятисот граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом [4, ст. 34].

В Конституции РФ 1993 г. установлены дополнительные условия приобретения гражданами пассивного избирательного права: Президентом РФ может быть избран лишь гражданин Российской Федерации не моложе 35 лет, постоянно проживающий в России не менее 10 лет. В действующей Конституции РФ не содержится указание на верхний возрастной ценз. Это объясняется тем, что, как показывает опыт многих зарубежных стран, в весьма зрелом возрасте человек может сохранить достаточно высокий уровень здоровья, энергии, организаторских способностей и эффективно использовать свой большой политический опыт.

В Конституции России не выдвигаются требования того, чтобы кандидат в президенты был гражданином Российской Федерации по рождению. Понятие «постоянно проживающий» означает, что, во-первых, кандидат в президенты должен постоянно жить в России не менее указанного срока; во-вторых, этот срок должен быть непрерывным, то есть отрезки времени менее 10 лет не могут суммироваться. Требование постоянного проживания, разумеется, не исключает командировок и краткосрочных выездов в зарубежные государства [5, с. 423].

В.В. Лазарев указывает на юридическую проблему: неясно, какой момент считать окончанием минимально установленного срока проживания – день выдвижения гражданина кандидатом в президенты, регистрации кандидата, выборов президента (первого тура), вступления в должность вновь избранного президента или имеется в виду любой десятилетний отрезок жизни? Эта проблема пока не была актуальной, но вполне может стать таковой в будущем. Например, перед избирательной президентской кампанией 1996 г. в средствах массовой информации среди претендентов назывался А.И. Солженицын. Но писатель долгое время жил в изгнании и к моменту выборов десятилетний срок постоянного проживания был еще далек от окончания, хотя в СССР, куда входила и Россия, в общей сложности Солженицын прожил гораздо более 10 лет. По нашему мнению, исходя из смысла рассматриваемой конституционной нормы, из ее лексического анализа (здесь не случайны слова «постоянное проживание» и «избран»), а также основываясь на аналогии права, окончанием десятилетнего срока необходимо считать день проведения вы-

боров президента, назначенный в соответствии с Федеральным законом «О выборах Президента Российской Федерации» [6].

Гражданин Российской Федерации, проживающий или находящийся в период подготовки и проведения выборов Президента РФ за пределами территории России, обладает на выборах равными с иными российскими гражданами правами.

В Конституции РФ устанавливается, что Президентом РФ может быть избран гражданин России, однако ничего не говорится о возможности выдвижения на президентский пост кандидата с двойным гражданством, хотя в соответствии с Федеральным Законом «О выборах Президента Российской Федерации» до недавнего времени было возможно избрание Президентом РФ гражданина России, являющегося одновременно гражданином иностранного государства. По данной проблеме высказывал свое мнение С.Э. Жилинский, который считал указанное положение весьма спорным, поскольку у России и государства, в гражданстве которого состоит потенциальный президент, могут возникать серьезные разногласия, существовать прямо противоположные интересы. При таком стечении обстоятельств Президент РФ оказался бы в весьма сложной, двусмысленной ситуации и не всегда в полной мере мог бы защитить интересы Российской Федерации [7, с. 85]. Итогом споров стало принятие Федерального закона от 25 июля 2006 г. № 128-ФЗ, согласно которому «не имеет права быть избранным Президентом Российской Федерации гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства» [8, ст. 8].

Положение ст. 81 Конституции РФ не запрещает одному и тому же лицу избираться на пост Президента России неоднократно, но с перерывом – после пребывания на данном посту два срока подряд. О.Е. Кутафин и коллектив соавторов высказали мнение о том, что норма о невозможности занимать должность президента более двух сроков подряд направлена на воспрепятствование формированию несменяемого слоя управляющих, свободный доступ к власти свежих сил, политических лидеров нового поколения [9, с. 240]. В Конституции РФ не исключается возможность выдвинуть кандидатуру бывшего Президента России на эту должность на другой срок, кроме очередного – третьего подряд.

Президент, досрочно прекративший свои полномочия в связи с обстоятельствами, перечисленными в ч. 2 ст. 92 Конституции РФ, не может быть выдвинут кандидатом на выборах, назначенных в связи с данными обстоятельствами.

М.В. Баглай высказывает мнение, что скупые конституционные требования к кандидатам в Президенты РФ – признак демократического подхода к выборам главы государства, они способствуют расширению круга лиц, из которого может быть избран президент [10, с. 444]. Тем не менее в нормах Основного Закона присутствует недосказанность, имеющая своим последствием неясность и противоречия некоторых положений федерального законодательства о выборах Президента РФ.

Библиографический список

1. Веденеев, Ю. А. Развитие избирательной системы Российской Федерации: проблемы правовой институционализации [Текст] / Ю. А. Веденеев // Журнал российского права. – 2005. – № 6.
2. Панкратов, В. Основы избирательного права и Основной Закон страны (опыт сдержанной критики Конституции Российской Федерации) [Текст] / В. Панкратов // Российская юстиция. – 2003. – № 12.
3. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп. от 12 июля 2006 г.) «О политических партиях» [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 29. – Ст. 2950; 2006. – № 29. – Ст. 3124.
4. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (с изм. и доп. от 25 июля 2006 г.) «О выборах Президента Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171; 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3427.
5. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В. Д. Карповича. – М., 2002.
6. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. В. В. Лазарев // СПС «Гарант». – 2003.
7. Жилинский, С. Э. Наш Президент. Как он правит и как его избирают [Текст] / С. Э. Жилинский. – М., 2004.
8. Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения требований к замещению государственных и муниципальных должностей» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3427.
9. Постатейный научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под рук. О. Е. Куцафина. – М., 2003.
10. Баглай, М. В. Конституционное право [Текст] : учебник / М. В. Баглай. – М., 2005.

М.В. Кудрина,

аспирант Астраханского государственного университета

МЕСТО ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящее время в Российской Федерации существует множество средств, направленных на защиту прав граждан. Вместе с тем, к сожалению, права граждан нарушаются, а представленные способы их защиты недостаточно эффективны, в силу того что не акцентированы исключительно на защите прав человека и гражданина. Ухудшение состояния прав человека, проблема злоупотребления правом со стороны властных субъектов правоотношений требуют совершенствования старых и создания новых механизмов, направленных на реализацию прогрессивных идей в сфере обеспечения прав граждан, в частности на установление деловых и конструктивных отношений граждан с органами власти и администрацией. Государство обязано создать все необходимые для этого условия.

Новацией в этом направлении государственной деятельности стало учреждение института Уполномоченного по правам человека. Он призван осуществлять контроль над деятельностью чиновников, основанный не на традиционной для России защите «государственного интереса», а, напротив, на защите прав человека [1, с. 5–15]. Данный правовой институт показал свою высокую эффективность во многих зарубежных странах (омбудсмен, народный защитник, публичный защитник, посредник). Заимствование его Россией под именем «Уполномоченный по правам человека», по образному замечанию Н.Ю. Хамаевой, открыло новую главу в отношениях между государством и гражданином, между лицами, наделенными властью, и управляемыми.

В государственно-правовом смысле под омбудсменом понимается «достойное доверия независимое лицо, уполномоченное парламентом на охрану прав отдельных граждан и осуществляющее опосредованный парламентский контроль в форме обширного надзора за всеми государственными должностями, но без права изменения принятых ими решений» [2, с. 408]. По определению авторов юридической энциклопедии, «омбудсмен (швед. Ombudsman – представитель чьих-либо интересов) – специально избираемое (назначаемое) должностное лицо для контроля за соблюдением прав человека разного рода административными органами, а в некоторых странах – также частными лицами и объединениями» [3, с. 639].

Институт Уполномоченного по правам человека в механизме государственно-правового регулирования занимает самостоятельное обособленное место, что связано с особенностями его правового статуса, полномочиями и компетенцией. Во многом добиться стабильности и упрочнения позиций должности Уполномоченного по правам человека в системе других государственных служащих стало возможным ввиду происходящих в нашей стране процессов становления новой российской государственности и формирования гражданского общества.

Характеризуя место института Уполномоченного по правам человека в механизме государственно-правового регулирования, важно отметить его непосредственную связь и близость с обществом. Являясь по природе своей частью государственного аппарата, омбудсмен может рассматриваться и как правовой институт гражданского общества. С таких позиций Уполномоченный по правам человека – ответ гражданского общества на повышение государственного влияния, сопровождающееся ослаблением норм общественной и управленческой морали. Он позволяет смягчить глубинные противоречия между государством и социальной средой, легитимирует с правовой точки зрения власть исполнительных органов, а также гарантирует ответственность администрации за свои действия перед обществом.

Как социальный институт гражданского общества омбудсмен восстанавливает «баланс сил государства и общества в области защиты гражданских прав и свобод» [4, с. 20]. При этом он выступает за гуманизацию и справедливость отношений государственной власти, с одной стороны, и народа – с другой. Обладая специфическим правовым статусом и определенным кругом полномочий, он занимает обособленное место в системе государственных органов,

механизмах защиты прав человека в отсутствие каких-либо отношений подчинения как вертикального, так и горизонтального.

Уполномоченный по правам человека не является и не должен быть контролирующей и надзирающей инстанцией по каждому административному решению. Статус должностного лица гарантирует действующим уполномоченным по правам человека независимость от исполнительно-распорядительных структур.

Вопрос по поводу отнесения института Уполномоченного по правам человека к государственным органам или органам государственной власти до настоящего времени остается открытым. Большинство правоведов – М.В. Баглай, С.А. Авакьян – отождествляют понятия государственного органа и органа государственной власти. Некоторые – М.Б. Смолянский, М.В. Мархгейм, – напротив, указывают на их различие, состоящее в том, что органы государственной власти обладают государственно-властными полномочиями. По мнению А.Ю. Семеновой, институт Уполномоченного по правам человека не следует относить к органам государственной власти, так как его заключения носят рекомендательный характер [5]. Для государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих обязателен лишь письменный ответ о принятых мерах по рекомендациям Уполномоченного, содержащимся в его заключении, а также предоставление Уполномоченному затребованных материалов и информации. С данной точкой зрения можно не согласиться в связи с тем, что деятельность Уполномоченного осуществляется от имени государства. На наш взгляд, институт Уполномоченного по правам человека в равной степени соотносится с системой государственных органов и органов государственной власти.

Особенности института Уполномоченного по правам человека вполне соответствуют характеристикам, свойственным механизмам сдерживания производства органов государственной власти по отношению друг к другу и к гражданам государства (элементам системы сдерживания и противовесов в теории разделения властей). При этом ограничение органов государственной власти производится Уполномоченным через реализацию его функций и полномочий.

Как известно, механизм государственно-правового регулирования охватывает все ветви государственной власти – законодательную, исполнительную, судебную, которым соответствует система органов государственной власти. Институт Уполномоченного по правам человека не может быть отнесен ни к одной из ветвей власти, хотя по своей юридической природе и функциям тесно связан со всеми из них. В то же время в юридической литературе в зависимости от характера и порядка назначения (избрания) на должность условно выделяют парламентского Уполномоченного по правам человека, подотчетного парламенту; исполнительного Уполномоченного по правам человека, подотчетного правительству и президенту; независимого Уполномоченного по правам человека.

Государственный орган «Уполномоченный по правам человека» находится в постоянном взаимодействии с различными органами государственной власти – законодательными, судебными, исполнительными – по вопросам защиты прав человека. Например, по окончании календарного года Уполномоченный по

правам человека в Российской Федерации и действующие уполномоченные по правам человека в субъектах РФ направляют доклады о своей деятельности во множество инстанций – органы государственной власти (органы местного самоуправления), в представительные органы власти, в судебные органы, в прокуратуру. Это является формой отчетности о проделанной работе и ее итогах, уведомлением о состоянии прав человека в России и в регионах, предложением путей решения выявленных проблем.

Институт Уполномоченного по правам человека находится «вне политики». Политическая нейтральность и отсутствие зависимости данного правового института от каких-либо политических сил способствуют повышению его роли и значимости в области защиты прав человека. Он подчинен только закону, его место в механизме государственно-правового регулирования находится «вне политики». Законодательство субъектов РФ в большинстве случаев соответствует этому правилу.

Институт Уполномоченного по правам человека напрямую соотносится с развитием механизма государственно-правового регулирования несудебной защиты прав человека. В последнее время в нашей стране им также уделяется повышенное внимание. Система несудебных государственных учреждений защиты прав человека состоит из следующих звеньев: институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ, прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ и иные министерства и ведомства Российской Федерации, неправительственные правозащитные организации.

В отличие от многих перечисленных структур, как посредник между гражданами и государственными органами, должностное лицо – Уполномоченный по правам человека не имеет права изменять решения административных органов. Будучи институтом несудебной защиты прав и свобод человека, совместно с другими ее составляющими он призван дополнить существующий судебный механизм и способствовать комплексному решению проблемы государства по защите прав граждан.

Место института Уполномоченного по правам человека в системе государственных органов predeterminedено поставленными перед ним задачами. Смысл существования института Уполномоченного по правам человека заключается «в создании независимого и необременительного для бюджета органа, который не связан с правоохранительной системой корпоративными и иными интересами, а поэтому может стать посредником в споре. Не подменяя конституционные органы, в установленной законом процессуальной форме он должен иметь право обратиться в вышестоящий орган (или к вышестоящему должностному лицу), который должен рассмотреть обращение, согласиться с ним или его отклонить» [6, с. 134–135].

В механизме государственно-правового регулирования, при осуществлении своей деятельности Уполномоченный не пересматривает компетенции других государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод, не дублирует иные средства правовой защиты, составляющие механизм защиты прав человека. Его работа может быть успешной при

условии эффективности использования всех апробированных методов и средств рассмотрения жалоб.

Ценность данного правового института заключается в том, что он доступен людям: не связан ведомственными интересами, независим, настроен только на защиту прав и свобод человека. По мнению А. Хиль-Роблеса, «омбудсмен прежде всего означает защиту администрируемого перед лицом администрации в любом из ее проявлений и независимо от круга ее компетенции, то есть институционализацию еще одного инструмента защиты человека в обществе от бесконтрольного властвования» [7, с. 281].

Право выбора того или иного механизма защиты своих прав в подлинно демократическом обществе всегда остается за гражданином. Никто не должен обладать монополией на истину, быть вне контроля общества. Институт Уполномоченного по правам человека предоставляет ему этот выбор.

Почему граждане обращаются к Уполномоченному по правам человека в субъекте РФ, который лишь дополнил существующие механизмы защиты прав и свобод человека? С целью выяснить это в 2003 г. по инициативе Уполномоченного по правам человека в Саратовской области было проведено анкетирование 364 граждан, пришедших к нему на прием. Оказалось, что большинство опрошенных – 44,7% – обратились к нему по совету своих близких и знакомых; 29,9% сделали это потому, что ранее уже обращались к Уполномоченному по правам человека в Саратовской области и он помог им. На решение 17,3% опрошенных обратиться за помощью к институту Уполномоченного по правам человека повлияли публикации в печатных и электронных СМИ о деятельности Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ [8].

Функционирование такого механизма контроля за соблюдением прав и свобод человека на практике оказывается весьма эффективным, так как правовое положение института Уполномоченного по правам человека в государственном механизме таково, что он находится не так далеко от власти, чтобы не понимать принимаемых ею порой непопулярных решений и в то же время достаточно далеко от нее, чтобы не быть связанным ее интересами.

На основе приведенного комплексного анализа места и роли института Уполномоченного по правам человека в механизме государственно-правового регулирования, можно сделать вывод о существовании независимой модели российского омбудсмана.

Библиографический список

1. *Оболонский, А. В.* Реформа российской государственной службы: концепция и стратегия [Текст] / А. В. Оболонский // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 3.
2. *Бойцова, В. В.* Служба защиты прав человека и гражданина: мировой опыт [Текст] / В. В. Бойцова. – М., 1996.
3. *Российская юридическая энциклопедия* [Текст]. – М., 2000.
4. *Бойцова, Л. В.* Настоящее и будущее российского омбудсмана [Текст] / Л. В. Бойцова, В. В. Бойцова // *Юридический мир* : ежемесячный общеправовой журнал. – 2003. – № 3.
5. *Семенова, А. Ю.* Уполномоченный по правам человека в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Семенова. – Тюмень, 2006.

6. Селоков, А. Соотношение российских и европейских стандартов защиты прав и свобод человека [Текст] / А. Селоков // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1.

7. Хиль-Роблес, А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмена) [Текст] / А. Хиль-Роблес. – М., 1997.

8. Ландо, А. С. Доклад Уполномоченного по правам человека в Саратовской области о деятельности по защите прав граждан в 2003 году [Текст] / А. Ландо // <http://saratov.gov.ru/government/departments/ombudsman/>

В.В. Кузнецова,

*ст. преподаватель Саратовского государственного
социально-экономического университета*

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов, а также содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности – таковы основные задачи арбитражных судов в Российской Федерации, как установлено Федеральным конституционным законом «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [1].

Вопрос о законной силе и обоснованности судебного решения не относится к числу имеющих исключительно процессуальное значение, поскольку состоявшееся судебное решение способно оказать непосредственное воздействие на возникновение, изменение и прекращение самых различных материальных правоотношений с непосредственным применением судебной практики. Практика арбитражного судопроизводства показывает, что многие стороны деятельности арбитражного суда по вынесению судебного решения могут быть усовершенствованы на основе отечественного исторического опыта.

В силу того что арбитражный процесс – сравнительно молодое явление, а законодательство имеет пробелы, суд в большинстве случаев рассмотрения применяет судебную практику, хотя значение судебной практики при вынесении решения неоднозначно. В связи с этим необходимы исследования, которые могли бы стать основой для применения единой концепции норм Арбитражного процессуального кодекса РФ [2].

Аргументируя свою правовую позицию, юристы часто ссылаются на положения судебной практики. Наличие по рассматриваемому судебному делу определенной арбитражной практики во многом предопределяет позицию судьи при вынесении судебного решения. Практически во всех электронных правовых базах данных присутствует практика Высшего Арбитражного Суда Рос-

сийской Федерации (ВАС РФ) и окружных судов. Обсуждение различных вопросов судебной практики занимает значительное место и в юридических научных журналах. Нельзя не заметить того влияния на сферу правового регулирования имущественного оборота, которое оказали содержащиеся в постановлениях пленумов Верховного Суда и ВАС РФ выводы по практике применения ответственности за исполнение денежных обязательств, уменьшения размера неустойки, недействительности сделок (возможность предъявления исков о признании ничтожной сделки недействительной) и т.д.

Таким образом, в современном арбитражном процессе возникла острая необходимость в изучении такого многогранного правового явления, каковым выступает судебная практика. Появилась потребность оценить роль судебной практики в современной российской правовой системе, выработать критерии и параметры ее динамики, рассмотреть позиции ученых, исследовавших данное правовое явление.

Ученые и ранее высказывали мнение относительно общего значения судебной практики, отмечая правотворческую роль судов. Так, например, Н.В. Федоренко и З.С. Лусегинова считают, что «судебная практика в обобщенном виде в ряде случаев свидетельствует о необходимости формирования неких правил, предлагающих толкование правовой нормы, обязательное для применения судом, чем обеспечивается единообразный подход к разрешению тех или иных правовых процедурных ситуаций» [3, с. 95].

Законодателем установлены строгие требования к порядку и законности принятия судебного решения, его форме и содержанию. Разбирательство дела в арбитражном суде первой инстанции заканчивается принятием решения по правилам, закрепленным в ч. 1 ст. 167 АПК РФ. Некоторые из новых положений, которые касаются возможности официального применения судебной практики при принятии арбитражным судом решений, закреплены в ст. 13 и 170 Кодекса. В соответствии с ч. 4 ст. 170 АПК РФ в мотивировочной части решения арбитражного суда могут содержаться ссылки на постановления пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики. Действительно, арбитражные суды всех инстанций уже давно активно используют в обоснование своих выводов, содержащихся в судебных актах, постановления пленумов ВАС РФ по вопросам применения законов.

В связи с тем что возрастает роль судебной практики как результата судебной деятельности высших судов, исследование механизма ее влияния на совершенствование правового регулирования экономической деятельности становится актуальной проблемой, имеющей теоретическое и практическое значение для российского современного права, для теории правовых средств. Кроме того, актуальность исследования подобного механизма определяется и таким значимым фактором, как отсутствие серьезных монографических работ, посвященных судебной практике и ее роли в правовом регулировании [4].

Уже давно отмечено, что правоприменительный процесс, осуществляемый арбитражными судами, иногда порождает ситуации, не укладывающиеся в рамки норм, установленных и закрепленных в обычных источниках права [5, с. 31–45]. Практика арбитражных судов и законодательство в сфере предпри-

нимательской деятельности, будучи неразрывно связаны, оказывают постоянное воздействие друг на друга. С одной стороны, законодательство служит основой для формирования устойчивой практики арбитражных судов при решении споров, с другой – ВАС РФ дает в пределах своей компетенции разъяснения по применению тех или иных положений законодательства. Вместе с тем судебная практика, как справедливо указывает С.А. Иванов, остается источником права до тех пор, пока законодатель либо подтвердит ее, «приняв аналогичную норму, либо изменит, либо вообще отвергнет, ибо приоритет принадлежит законодателю» [6, с. 27].

Существуют случаи, когда законодатель в полном объеме воспринимает сформулированное судебной практикой правило, частично воспринимает либо вносит коррективы в норму закона, которая уже закреплена в подкорректированном виде, и не воспринимает судебное правило при последующем изменении законодательства.

В любом случае судебная практика и зафиксированные в процессе толкования оказывают положительное влияние на правовое регулирование, поскольку позволяют законодателю использовать оптимальный вариант при формулировании нормы закона, что способствует совершенствованию законодательства. Если законодатель по каким-либо причинам не внес соответствующих изменений и дополнений, правоприменительные органы в своей деятельности руководствуются сформулированными сложившейся судебной практикой правилами, что способствует совершенствованию правоприменительного процесса.

Рассмотрение судебной практики как источника права объясняется в первую очередь общей тенденцией возрастания роли прецедентов в судебных системах романо-германской правовой семьи, интеграцией российской правовой системы в общеевропейское правовое пространство, востребованностью в таком качестве судебной практики в современной судебной системе России, необходимостью поиска наиболее совершенного механизма правового регулирования. Судебная практика вообще и арбитражных судов в частности, считает В.Ф. Яковлев, совершенно определенно является в настоящее время источником гражданского права. При применении нового гражданского законодательства в России стала очевидной необходимость оперативно отвечать на те вопросы, которые практика ставила очень остро, а законодатель не успевал отвечать на них.

По мнению Председателя ВАС РФ, появление прецедента в нашей правовой системе обусловлено важными факторами. Первый фактор – значительное отставание законодательства от молниеносных экономических преобразований. Второй фактор – резко возросшая роль права в период преобразований. Если раньше наша экономика управлялась индивидуальными актами, плановыми актами, то после разрушения системы индивидуального планового регулирования остался один регулятор – право.

«У нас были и имеются, – отмечает В.Ф. Яковлев, – правовые основания для того, чтобы в практике правоположения вырабатывали и дополняли то, что создает закон, и служили бы составной частью того, что вообще называется правовой системой. Во-первых, мы всегда допускали и признавали необходимость судебного толкования (систематического, исторического). В этом смыс-

ле большое значение имеет толкование распространительное или ограничительное. Мы никогда не могли отказаться и не отказываемся от аналогии закона, аналогии права. Аналогия права – это формирование судом правоположений, основанных на принципах права в тех случаях, когда нет прямых норм или даже сходных институтов, которые регулировали бы данные институты» [4].

Прецедент как устойчивое и общепризнанное правоположение, созданное судами, сегодня в российской системе существует и работает, причем эти правоположения формулируются не только высшими судами, они создаются судебной системой в целом. Дела рассматриваются по первой инстанции, внизу, именно там возникает необходимость в выработке этих правоположений. И только после того, как эти правоположения «прошли обкатку» в высших судах, после того, как они становятся общеизвестными, общепризнанными и ими начинают руководствоваться, хотя, строго говоря, они не являются обязательными, вот тогда только выработанные судебной практикой правоположения действительно становятся прецедентом, начинают выполнять регулирующую роль. Совершенно ясно, что основными источниками таких прецедентов являются постановления пленумов.

Практика Верховного Суда СССР и РСФСР не могла официально рассматриваться в качестве источника права, ссылки на нее в судебных решениях были недопустимы, поскольку институт судебного прецедента не признавался. Вместе с тем, указывает В.М. Жуйков, она фактически всегда учитывалась нижестоящими судами как ориентир в вопросах применения и толкования права, устранения пробелов в нем путем применения аналогии закона или аналогии права [7, с. 34]. По мысли того же автора, устранение пробелов в праве путем применения аналогии закона или права – одна из важнейших функций судебной практики, которая и определяет особую роль практики в правовой системе государства.

Пробелы в праве всегда были, есть и будут, как бы законодатель ни хотел и ни умел принимать необходимые законы, ибо предусмотреть все отношения, нуждающиеся в законодательном регулировании, просто невозможно. В отдельные исторические периоды даже стабильное и хорошо разработанное законодательство начинает кардинально обновляться, что неминуемо приводит к значительному возрастанию количества пробелов, а иногда и к образованию правового вакуума в регулировании даже очень важных отношений. В такой ситуации роль судебной практики в целом и как источника права в частности значительно возрастает. Сегодня суды, восполняя пробелы и разрешая противоречия в законодательстве при выполнении своих обязанностей, просто вынуждены творить (создавать) право.

Под влиянием судебной практики не только достигается «улучшение» действующих норм законов, механизма их реализации, но и происходит совершенствование самого законодательства. Использование законодателем судебных правоположений при принятии новых законов свидетельствует об их непосредственном влиянии на совершенствование законодательства, поскольку в ряде случаев прослеживается именно трансформация судебных правоположений в нормы законов.

Оценивая роль судебной практики в современной правовой системе России, ее значение для реализации права на судебную защиту, влияние и на институт подведомственности юридических дел, В.М. Жуйков сформулировал следующие выводы:

судебная практика – это составная часть российской правовой системы, играющая в ней важную активную роль;

судебная практика, закрепленная в некоторых постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, является источником права;

судебная практика, выраженная в официально опубликованных постановлениях Верховного Суда РФ по конкретным делам (определениях судебных коллегий, постановлениях Президиума), фактически также является зачастую источником права и учитывается высшими судебными инстанциями при разрешении дел;

следует официально признать судебную практику Верховного Суда РФ по конкретным делам источником права, придав его решениям, имеющим принципиально важное значение, силу прецедента и допустив право российских судов ссылаться на них в своих решениях [7].

Очевидно, указанные положения вполне можно отнести и к области арбитражного права и процесса. Рассматриваемая проблема присуща не только российской правовой системе, она отражает тенденции, характерные для континентальной системы права в целом.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12 июля 2006 г.) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2005 г.) [Текст] // СЗ РФ. 2002. – № 30. – Ст. 3012.

3. Федоренко, Н. В. Некоторые аспекты правоприменения в арбитражном процессе [Текст] / Н. В. Федоренко, З. С. Лусегенова // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 6.

4. Яковлев, В. Ф. Судебная практика и ее роль в правовом регулировании предпринимательской деятельности [Текст] / В. Ф. Яковлев // Правовая система «Гарант».

5. Калмыков, Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм [Текст] / Ю. Х. Калмыков. – Саратов, 1976.

6. Иванов, С. А. Судебные постановления как источник трудового права [Текст] / С. А. Иванов // Судебная практика как источник права. – М., 1997.

7. Жуйков, В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц [Текст] / В. М. Жуйков. – М., 1997.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

Н.А. Нестеренко,

*ст. преподаватель Поволжской академии
государственной службы им. П.А. Столыпина*

ТРУДОВОЙ КАПИТАЛ В СИСТЕМЕ НОВЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ

В современных экономических условиях развития России использование трудовых ресурсов связано в основном с качеством человеческого капитала. На это влияет как демографическая ситуация, сложившаяся сегодня не только в Российском государстве, но и во всем мире, так и современные требования, предъявляемые к использованию качественной рабочей силы. Никакие новейшие технологии не могут заменить работника на конкретном рабочем месте. Поэтому ключевым моментом управления является активизация работы по подбору, правильной расстановке и подготовке кадров, призванных стать наиболее эффективными компонентами всей системы управления персоналом.

Современные работники, носители рабочей силы, стремятся уже не к выживанию любой ценой, а к высокому качеству трудовой жизни. Работодателям приходится задумываться о создании позитивного образа своего предприятия, привлекательных условий для взаимодействия с этими работниками. Никто в настоящее время уже не сомневается в том, что люди являются ключевой ценностью любой организации и источником ее конкурентного преимущества.

В современных условиях усиления влияния человека на процесс производства на первое место выходит социальный фактор развития компаний. Вне желания руководителей этих компаний существуют законы, по которым живет и развивается организация. Поэтому только качественный анализ роли и места человека, его способностей и возможностей в сфере производства создает предпосылки для вывода организаций России на конкурентоспособный уровень.

На протяжении уже десятков лет уделяется пристальное внимание влиянию роли человеческого капитала на обеспечение эффективного функционирования всей мировой экономической системы управления, ее интенсивного развития и повышения качественного уровня производственных процессов.

В настоящее время наиболее сложными и наименее разработанными, как с теоретических, так и с практических позиций, являются проблемы развития трудового потенциала и формирования высококвалифицированного кадрового потенциала на отечественных предприятиях. Уделяя внимание совершенствованию управления трудовым потенциалом в отечественной экономике, необходимо в первую очередь осуществлять непрерывное развитие и накопление человеческого капитала, а также наиболее полно и эффективнее использовать рабочую силу. В современных российских рыночных условиях человеческий фактор, трудовой потенциал имеют ключевое значение для подъема экономики страны.

За время проведения рыночных реформ у нас в стране накоплен определенный опыт эффективного использования трудового потенциала и подготовки работников всех уровней к труду в новых условиях хозяйствования, которые способствуют профессиональному росту потенциала кадров. Но существует множество проблем в решении вопросов обеспечения предприятий квалифицированными работниками различных категорий.

Проблеме управления трудовым потенциалом, которая тесно связана с развитием человеческого капитала, полной занятости трудовых ресурсов, эффективному использованию рабочей силы уделяли и уделяют большое внимание многие ведущие российские ученые (Б.М. Генкин, А.П. Егоршин, П.В. Журавлев, А.Я. Кибанов, Ю.Г. Одегов и др.) и зарубежные исследователи (Г. Беккер, А. Маршалл и др.).

Актуальность данной темы исследования обусловлена высокой степенью теоретической и практической значимости, наравне с человеческим капиталом, нового понятия – «трудовой капитал». В настоящее время существует необходимость перехода от отдельных мероприятий по повышению профессиональной компетентности работников к необходимости формирования и использования механизмов трудового капитала предприятий в экономике современной России. Труд и капитал воспринимаются как исходные экономические ресурсы в процессе производства материальных благ и оказания рыночных услуг.

На современном уровне исследования проблем управления персоналом организации профессором М.И. Бухалковым введена в научный оборот новая экономическая категория «трудовой капитал» [1, с. 4]. Его исследования доказывают, что в экономическом значении любое производство представляет собой процесс использования рабочей силы, техники, технологий в сочетании с природными ресурсами. Иными словами, труд и капитал являются первоначальными факторами любого процесса производства. К категории «труд» относится большое число видов деятельности людей, когда используются их умственные и физические способности в процессе производства товаров и услуг. Понятие «капитал» означает все произведенные человеком средства производства и

предметы труда. Любой капитал является материальной основой производства товаров и услуг. Значительную часть капитала составляют знания и организация. Знания позволяют человеку подчинять себе окружающую действительность, при этом удовлетворяя свои потребности. Организация же должна способствовать возможности применения этих знаний. Классик рыночной экономики А. Маршалл в фундаментальном труде «Принципы экономической науки» обращает внимание на то, что труд – это любая носящая экономический характер работа руками или головой. Труд считается экономическим, если при помощи его можно получить какой-либо полезный результат, помимо непосредственного удовлетворения. Капитал – «это основное ядро богатства, рассматриваемое как фактор производства, а не как непосредственный источник удовлетворения потребностей» [2, с. 208]. Таким образом, А. Маршалл утверждает, что природа и человек являются двумя факторами производства, но при этом человек является центром производства и потребления. Отсюда и взаимосвязь между трудом и капиталом, обеспечивающая полную занятость ресурсов и полный объем производства. Следовательно, «эффективность отечественного производства возможна при возрастании роли человеческого фактора и совершенствовании организации трудовой и производственной деятельности всех категорий персонала» [1, с. 11].

В современных экономических условиях России необходимо обеспечить каждого работника такой работой, которую он, благодаря своим способностям и навыкам, способен хорошо выполнять. При этом требуется оснастить его современными техническими средствами и другими рабочими приспособлениями. А это значит, что для продуктивной деятельности всех работников должен быть сделан правильный выбор (как самим работником, так и его работодателем) сферы деятельности, где он качественно сможет применить свой труд и капитал, получить наибольшую выгоду, которая будет способствовать дальнейшему развитию работника.

Всякий труд, в экономическом понимании, подразумевает получение результата деятельности. Самым сложным является выяснение, какой результат труда человека способен удовлетворить его потребности. В экономической науке существуют материальные и нематериальные блага. Материальные блага – это то, из чего возможно извлечь выгоду в настоящее или будущее время; нематериальные – это личные качества и способности человека, то есть те способности и навыки, которые служат человеку в производственной деятельности. Например, профессиональные способности человека служат источником получения богатства и их можно измерить.

Рассматривая капитал с социальной точки зрения, следует обратить внимание на то, что человеческий потенциал сам по себе является запасом на будущее, результатом определенных человеческих усилий, существенных в плане их использования больше в будущем, чем в настоящем. Человеческий капитал включает в себя способности и личное богатство человека. М.И. Бухалков впервые представил классификацию человеческого капитала по следующим признакам:

по источникам своего происхождения – врожденный, приобретенный, наследственный, олигархический, криминальный и др.;

по формам выражения – внешний, вещественный, материальный, внутренний, интеллектуальный, социальный;

по экономическому назначению – производственный, потребительский, инвестиционный, ростовщический, закладной, страховой;

по видам собственности – частный, коллективный, корпоративный, смешанный;

по срокам применения и времени действия – овеществленный, использованный, текущий, будущий, отложенный;

по числу носителей или владельцев – личный, семейный, групповой, общественный [1, с. 16].

Работодателям следует особо учитывать, что работник продает свой труд, оставаясь собственником самого себя. Рабочая сила – это товар, имеющий определенную цену. Экономический рост организации может происходить за счет увеличения количества рабочей силы, но при этом производительность остается низкой. Вкладывая финансовые средства в развитие работника, работодатели сегодня возвращают лишь малую долю от затраченных на него средств. Тем не менее от квалификации, уровня образования во многом зависит и развитие трудового потенциала работника. Профессиональная ценность работника постоянно изменяется: она может устаревать или возрастать в связи со старением, утратой интереса к работе или приобретением новых знаний и производственного опыта, повышающего ценность работника.

Учитывая то, что в современных экономических условиях развития российских предприятий необходимо исследовать, в какой мере труд и капитал создают прибыль, которая в дальнейшем распределяется между работодателем и работником, следует признать, наравне с человеческим капиталом, понятие «трудовой капитал». М.И. Бухалков дает следующее определение: «Под трудовым капиталом предлагается понимать максимальный результат труда, трудовую отдачу капитала в форме материальных благ, получаемых отдельным человеком, группой работников, целым предприятием или всей национальной экономикой при полном использовании имеющихся экономических ресурсов, в качестве которых используются труд и капитал» [1, с. 21].

На наш взгляд, следует согласиться с мнением профессора М.И. Бухалкова о равнозначности экономических категорий «трудовой потенциал» и «человеческий капитал». Введение в научный оборот новой экономической категории «трудовой капитал» способствует более тщательному изучению и внедрению на российских предприятиях теоретических положений и методических рекомендаций для обоснованности необходимой цены труда и соответствующей стоимости рабочей силы – в зависимости от квалификации работника, сложности, затрат и результатов труда. Поэтому требуется дальнейшее исследование уровня человеческого потенциала и возможности его эффективного использования в процессе производительной трудовой деятельности с целью развития организации и удовлетворения материальных и духовных потребностей работников.

Без сомнения, счастливые работники ведут предприятия к успеху намного чаще, чем недовольные своей работой, начальством и жизнью вообще. Они

способны ускорять производственные процессы, склонны к творческим решениям. Тем самым «счастливая», успешная компания – это почти всегда та организация, где счастливы сотрудники.

При всем разнообразии людей и мнений все-таки можно выделить несколько общих моментов, без которых счастье в принципе невозможно [3, с. 81]: счастливый человек получает удовольствие от всего (или от большинства того), что делает в жизни; он имеет возможность развивать способности, таланты, воплощать идеи и задумки; настроен добросердечно по отношению к людям, склонен к общению с ними; расположен к обществу.

Какой же должна быть организация, чтобы в нее вписались необходимые предпосылки человеческого счастья? Какими должны быть сотрудники и руководители в «счастливых» компаниях?

В первую очередь, несомненно, важна организационная структура. Подавляющее большинство современных организаций устроено по принципу иерархии. В них многие работники работают просто потому, что нужно где-то зарабатывать на жизнь. Основная задача и важнейший результат работы в такой системе – добыть сумму денег на обеспечение жизни. В этом случае работник делает лишь то, что ему прикажут. Отсюда потеря интереса к труду, желание максимально снизить усилия при сохранении той же оплаты, масса других уловок неисполнения на высоком профессиональном уровне заданий.

Действующий в настоящий момент механизм оплаты труда не способен полностью раскрыть трудовой потенциал работников. Ценность каждого работника должна определяться по результатам труда и адекватно отражаться на размерах его оплаты. Только в этом случае можно рассчитывать на соответствующую отдачу способностей и навыков работника. На современном этапе развития рыночной экономики России задача заключается в том, чтобы придать трудовому ресурсу такие качества, которые позволили бы реализации его в полной мере.

Конкуренция, глобализация и постоянные изменения показывают, что бюрократическая организационная культура становится действительно неконкурентоспособной. Отрадно то, что старые иерархические формы управления в организациях сегодня постепенно исчезают, уступая место проектным коллективам. Умение видеть дальше и влиять на поведение других – это способность принципиально иного типа работника.

Естественно, чем активнее, интенсивнее, энергичнее труд, тем быстрее возрастает и капитал. Но, к сожалению, в настоящее время на практике в российских компаниях эта теория не применяется. Поэтому необходимо приложить немалые усилия в научных исследованиях и практических применениях, чтобы имеющийся в настоящее время трудовой потенциал превратить в трудовой капитал. В российских организациях существует слабое стимулирование людей с высоким уровнем знаний, имеющих отличную профессиональную подготовку и способных трудиться с большой отдачей. На сегодняшний день еще «не сформировалась такая социально-экономическая среда, в которой ценят и уважают квалифицированных работников, материально вознаграждают за компетентность и творческое отношение к труду» [4, с. 33].

Библиографический список

1. Бухалков, М. И. Управление персоналом: развитие трудового потенциала [Текст] : учеб. пособие / М. И. Бухалков. – М., 2005.
2. Маршалл, А. Принципы экономической науки [Текст] : в 3 т. / А. Маршалл; пер. с англ. – М., 1993.
3. Мамлеева, Р. Р. Свободные организации : прихоть или необходимость? [Текст] / Р. Р. Мамлеева // Менеджмент в России и за рубежом. – 2005. – № 6.
4. Белкин, В. И. Рабочая сила не продается, а арендуется [Текст] / В. И. Белкин // Человек и труд. – 2007. – № 1.

И.Н. Пашенко,

*аспирант Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Мотивация занимает ведущее место в структуре личности и является одним из основных понятий, которые используются для объяснения движущих сил поведения, деятельности. Однако невозможно исследовать мотивацию индивида в отрыве от социальной реальности жизни. В социологической науке, ориентированной на определенную познавательную перспективу, используются соответствующие методы для изучения мотивации человеческих действий. Подход социолога к проблеме мотивации – это взгляд со стороны общества, нацеленный на включенность людей в социальные процессы, где их индивидуальные свойства либо несущественны, либо сами рассматриваются с точки зрения того, в какой мере они содержат общесоциальные черты.

Мотивационную структуру личности образуют мотивационные переменные: мотив, потребность, цель, интерес. Мотив, в отличие от мотивации, – это то, что принадлежит самому субъекту поведения, побуждает его деятельность, то, ради чего она совершается. Мотивация же не ограничивается только побуждением, а мыслится и как процесс выбора между различными возможными действиями, и как процесс, регулирующий, направляющий действие индивида на достижение специфических для данного мотива целевых состояний, поддерживающих эту направленность.

Взгляды на сущность мотива достаточно разноречивы. Так, в психологии мотив понимается как побуждение, потребность, цель, намерение, свойство личности, состояние. Точка зрения на мотив как побуждение, потребность очень распространена, однако такое понимание слишком узко. Е.П. Ильин предлагает рассматривать мотив в качестве сложного психологического интег-

рального образования, которое побуждает человека к осознанным действиям и поступкам и служит для них основанием [1, с. 46].

Поведение и деятельность человека побуждается обычно несколькими мотивами, одни из которых являются основными, ведущими, а другие – подчиненными, иногда выполняющими лишь функцию дополнительной стимуляции. Мотивы могут находиться в разных отношениях между собой. Они способны усиливать или ослаблять друг друга, вступать во взаимные противоречия и в противоречия с существующими возможностями реализации действия. Далеко не всегда реальные мотивы осознаются человеком. Иначе говоря, при подготовке и выполнении действий часто мотивы обнаруживают себя лишь после того, как соответствующее действие уже совершено.

Мотив как предмет удовлетворения потребности анализировал в своей теории А.Н. Леонтьев [2]. Он рассматривал мотив не в качестве переживания потребности, а как ее предмет, то есть то, на что направлена деятельность. Предмет побуждает человека к активности потому, что имеет для него определенный смысл. Тем не менее принятие предмета удовлетворения потребности за весь мотив является достаточно односторонним и не дает полностью объяснить основания деятельности человека. Мотив как потребность обладает побудительной силой, но не имеет направленности. Мотив как предмет удовлетворения потребности, наоборот, показывает направленность, но не объясняет ее причину. Мотив как основание объясняет и причины, и смысл действия, но лишен побуждающей функции. Наиболее приемлемым, по нашему мнению, является подход М.Ш. Магомет-Эминова, который считает, что мотив представляет собой многомерное функциональное образование, определяющее выбор направленности поведения [3].

Понятие цели также имеет мотивационное значение, потому что организованная деятельность направлена на достижение определенной цели. Цель можно рассматривать как осознанный образ ожидаемого результата, на достижение которого направлено действие человека. При этом цель должна быть не только осознана, но и принята человеком.

При описании мотивации индивида М.Ю. Горбуновой используются такие категории, как действие, деятельность, поведение, активность [4, с. 11].

Активность представляет собой всеобщую характеристику живых существ, их собственную динамику как источник преобразования или поддержания ими жизненно важных связей с окружающим миром. Х. Хекхаузен отмечает, что активность человека включает в себя не только разного рода действия и сообщения, но и переживания – психическую активность в виде восприятий, мыслей, чувств и представлений, даже если она и не производит каких-либо непосредственных изменений во внешнем мире [5, с. 12].

Активность индивида, считает М.Ю. Горбунова, непосредственно проявляется в его поведении. В отношении конкретного человека поведение есть совокупность движений, актов и действий, которые может наблюдать другой человек и которые ограничиваются и регулируются не только биологическими потребностями, но и социальной средой. Представляя собой прежде всего существо общественное, человек в своем поведении, даже если оно и не носит

целенаправленный характер, поступает в соответствии с социальной средой, процедурами и образцами, которых следует придерживаться.

Другой формой проявления активности человека является деятельность. Под деятельностью понимается специфическая форма отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающаяся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания [4, с. 14]. Изменяя окружающий мир, человек тем самым изменяет условия своего существования. Трансформация реальности, в свою очередь, изменяет условия и направление деятельности человека. В деятельности человек создает предметы материальной и духовной культуры, преобразует свои способности, создает то, что без его активности не существовало бы в природе. Активность предшествует деятельности во времени и сопровождает ее в течение всего процесса осуществления.

Деятельность отличается не только от активности, но и от поведения. Однако провести четкое различие между ними достаточно трудно, полагает М.Ю. Горбунова. Главное отличие, по ее мнению, состоит в том, что поведение не всегда целенаправленно, не всегда предполагает создание некоторого продукта, носит зачастую пассивный характер; деятельность же всегда целенаправленна, активна, нацелена на создание некоего конечного продукта. Единицей поведения и деятельности индивида является действие. Мотивацию можно определить как процесс побуждения человеческих действий, и наше видение этого процесса в существенной степени определяется тем, из какого базового представления о человеке мы исходим. Разные взгляды на человека неизбежно задают и разное понимание причинности его действий, иначе говоря, разное понимание человеческой мотивации. Е.Ю. Патяева выделяет два таких базовых представления: причинная (детерминистская) парадигма и парадигма свободы воли (или парадигма самоопределения) [6, с. 290–291].

Суть первой из них состоит в том, что человеческое поведение есть процесс очень сложный, но, по существу, ничем не отличающийся от процессов, изучаемых естественными науками. Соответственно, у каждого действия есть своя причина – нечто, что побуждает человека действовать определенным образом. В качестве таких причин могут выступать присущие человеку потребности и «мотивы-диспозиции» (типа мотива достижения или мотива власти), ситуативные стимулы (разного рода вознаграждения или наказания), установки и представления человека (например, представления о должном поведении или оценка вероятности успеха), разного рода мотивационные механизмы (уровень притязаний, когнитивный диссонанс, тенденция к завершению действия и т.д.), прошлые эмоции и переживания (например, детские эмоциональные травмы). Общим для всех моделей мотивации, строящихся на базе причинной парадигмы, является понимание человеческого действия как следствия какой-либо причины или определенного комплекса причин и явное или неявное убеждение в том, что если мы будем знать все эти причины, то сможем однозначно предсказывать действия человека и успешно влиять на них.

Вторая парадигма исходит из представления о человеке как существе, способном осознавать свои побуждения и свободном самостоятельно определять свои действия и нести за них ответственность. Это не означает отрицания

потребностей, мотивов, ситуативных мотивационных механизмов и других детерминант поведения. По сути, парадигма свободы воли предполагает два «измерения» мотивационных процессов: «горизонтальное», связанное с потребностями, установками, мотивационными механизмами и прочими детерминантами поведения, и «вертикальное», связанное с осознанием своих мотивов, столкновением разных позиций во внешнем или внутреннем диалоге, осознанным и осмысленным принятием решения и выбором поступка, с самоопределением и ответственностью. Свобода воли (в отличие от произвола) предполагает именно самоопределение человека, то есть проведение им самим границ для своих действий.

Объяснение действий человека с точки зрения социальных структур и институтов принадлежит структурализму. Структурализм стремится открыть лежащие в основании осмысленной и значимой деятельности более глубокие смыслы. Истоки структуралистских объяснений человеческих действий прослеживаются в трудах Эмиля Дюркгейма. Его подход характеризуется прежде всего четким отделением объекта исследования от изучающего его субъекта, анализ поведения производится с точки зрения социальных фактов, их влияния на действия и предпочтения личности. Он утверждал, что истинное объяснение поведения человека обеспечивают именно социальные факты, а не настроения и чувства индивидов. Социальным фактом – по Дюркгейму – является всякий способ действий, распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время собственное существование, независимо от индивидуальных проявлений [7, с. 39]. Так, социолог, желая правильно описать и объяснить человеческое поведение, должен оставить в стороне человеческую душу, намерения и личностный смысл, о которых может рассказать только сам индивид. Анализируя поведение человека, он должен обратиться к изучению явлений, которые можно наблюдать со стороны и которые будут казаться разным наблюдателям одинаковыми.

От классических трудов М. Вебера берет начало социологический анализ мотивации, связанный с классификацией социального действия. В своих исследованиях М. Вебер опирался на идею, что важные детерминанты макроисторического процесса необходимо искать в микросфере человеческих мотиваций, отношений и ценностей. Действием М. Вебер считал человеческое поведение только в том случае, если действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл. Социальным же называется такое действие, которое по предполагаемому действующими лицами смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на них [8, с. 603]. Действие, о котором человек не задумывается, не является социальным действием. Объяснить человеческое действие – значит понять его, уловить смысл, которым действующий субъект наделяет его; при этом необходимо учитывать культурные ценности, нормы и правила, придающие человеческим действиям определенную форму.

Многомерность мотивации конкретного социального действия рассматривается, начиная с Т. Парсонса, в системе основных ориентаций, характеризующихся возможностью альтернативного выбора. Парсонс исходил из того, что общество есть мотивированная совместная деятельность людей и состоит оно

из индивидов как физических организмов, которые действуют в определенной среде [9]. Социальное действие выступает как начало социальной жизни, и, вскрыв его механизм, исследователь получает ключ к исследованию любого социального явления.

В общей системе действия Т. Парсонс выделял четыре подсистемы: социальную, культурную, личностную и биологическую (поведенческий организм) [10, с. 15]. Три последние подсистемы общей системы действия рассматриваются по отношению к социальной подсистеме как компоненты ее окружающей среды. Различие этих подсистем у Парсонса носит функциональный характер. Социальной системе предписывается интегративная функция, которая проявляется в координации составляющих ее индивидов. За культурной подсистемой закрепляется функция сохранения и воспроизводства образца. Личностной подсистеме отводится исполнение функции целедостижения. Поведенческий же организм трактуется как адаптивная подсистема, сосредоточение основных возможностей человека, на которые опираются остальные системы. Таким образом, предложенная Т. Парсонсом система действия представляет собой попытку построения мотивационной модели, объединяющей внутренние и внешние детерминанты.

В связи с этим некоторые ведущие современные социологи полагают, что в социальных науках на смену множеству парадигм должна прийти многомерная модель объяснения, позволяющая описывать социальное действие как одновременно детерминированное коллективными нормами и инструментальное по отношению к индивидуальным целям.

Исследования обнаруживают устойчивую связь между мотивацией труда и успехом компании. С усложнением задач в высокотехнологичном мире и с повышением значения нематериальных активов (репутации компании на рынке, ее стабильности и пр.) для развития и процветания компании связь между мотивацией и успехом будет становиться все крепче.

В 1960-х годах специалист по психологии труда Виктор Врум утверждал, что мотивацию можно свести к следующему уравнению: мотивация равна силе предпочтения какого-либо действия, умноженной на ожидание того, что это действие будет успешным [11, с. 16]. Согласно психологической теории, известной как «теория цели», лучше всего люди работают, когда перед ними стоит задача трудная, но выполнимая. Эти наблюдения подтверждаются практикой предприятий и исследованиями, но теория явно не полна, потому что жизнь намного богаче, чем цели и ожидания. Следовало бы еще учесть понятия смысла и культуры, без которых невозможен ответ на вопрос, который открыто или подсознательно задают себе все работающие: «Для чего я это делаю?»

Множество подходов к анализу мотивации обозначили многогранность, неоднозначность этого явления. Было бы неправильно рассматривать развитие мотивации работников как эволюционное. Термин «эволюция» означает непрерывное совершенствование определенных аспектов для лучшего удовлетворения тех или иных потребностей; можно сказать, что в поисках смысла и мотивации человеческого труда было столько же шагов назад, сколько и вперед.

Таким образом, познание закономерностей поведения человека теснейшим

образом связано с раскрытием его мотивационных тенденций. Проблема мотивации включает в себя не только выяснение первоначальных побудительных сил человеческой активности, не только рассмотрение некоторой идеальной предваряющей модели целенаправленных действий, возникающей в сознании личности как субъекта этих действий, но и всех тех факторов, которые направляют, регулируют, поддерживают эти действия или, наоборот, изменяют их исходную направленность. Невозможно исследовать мотивацию в отрыве от социальной реальности жизни. Иными словами, нельзя понять социальное поведение индивида без соотнесения его с мотивами действия, а чтобы понять динамику мотивов, необходимо обратное соотнесение их с актуальной социальной ситуацией.

Библиографический список

1. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб., 2000.
2. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьева. – М., 1982.
3. Магомед-Эминов, М. Ш. Системно-динамическая модель мотивации [Текст] / М. Ш. Магомед-Эминов, И. А. Васильев // Мотивация и контроль за действием. – М., 1991.
4. Горбунова, М. Ю. Социокультурная мотивация в структуре социальной работы [Текст] / М. Ю. Горбунова. – Саратов, 2004.
5. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность [Текст] / Х. Хекхаузен; пер. с нем.; под ред. Б. М. Величковского. – М., 1986. – Т. 1.
6. Патяева, Е. Ю. Мотивация учения: заданное, стихийное и самоопределяемое учения [Текст] / Е. Ю. Патяева // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. – М., 2002.
7. Дюркгейм, Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм. – М., 1995.
8. Вебер, М. Избр. произв. [Текст] / М. Вебер. – М., 1990.
9. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем [Текст] / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. – М., 1994.
10. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М., 1997.
11. Уайтли, Ф. Мотивация [Текст] / Ф. Уайтли; пер. с англ. – М., 2003.

М.А. Еремеев,

*аспирант Саратовского государственного
социально-экономического университета*

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Социально-экономические процессы в организации нуждаются в управлении и регулировании, осуществляемых в соответствии с социально признанными стандартами методом оценки (мнение, суждение о качестве, достоинстве, значении кого-либо, чего-либо). Ключ к пониманию многоас-

пектности в данной дефиниции кроется в сущности самой оценочной деятельности как таковой, ее основа – субъективизм, следовательно, множественность (по определению). Оценка есть универсальное свойство субъекта, благодаря которому он из всего многообразия окружающего мира выбирает объекты, являющиеся для него ценностно-значимыми, необходимыми для существования. Достигнуть объективности результатов оценки персонала можно лишь при условии, что критерии, по которым проводится оценка, также объективны.

Традиционно выделяются идеальный и фактический критерии. Определение и четкое формулирование организационных целей дает идеальные критерии. Фактические показатели степени приближения к идеальным целям отчасти заменяют их и называются фактическими критериями. К ним относятся производственные показатели, прогулы и невыходы на работу, несчастные случаи, оценки эффективности работы и установки персонала. Целью специалистов, занимающихся разработкой критериев, является достижение совпадения идеальных и фактических критериев. Основные проблемы, с которыми сталкиваются указанные специалисты, следующие: объединение информации о разных аспектах эффективности работы; определение изменяемости критериев с течением времени; обнаружение контаминации критерия и разработка связанных с ней действий. Кроме того, необходимо выбрать более значимый критерий для оценки и решить эту проблему с помощью методов соционического менеджмента.

Для разрешения этих проблем требуется ответить на вопрос, как именно будут использоваться критерии. В случае если речь идет о повышении в должности лучшего работника группы, важен интегральный критерий оценки его работы, поведения. Однако если мы хотим обучать сотрудников или консультировать их по вопросам, связанным с их производственной деятельностью, наиболее полезен набор критериев. При этом интегральный критерий не может быть использован и в тех случаях, когда прекрасное исполнение каких-то одних обязанностей не компенсирует недостатков в исполнении других. Есть ряд способов оценки надежности критериев, и выбор наиболее приемлемого определяется как самим измеряемым параметром, так и целью, для которой предназначен данный критерий.

Наиболее благоприятна ситуация, когда результаты двух оценок одной и той же группы совпадают. Такое совпадение называется стабильностью, или воспроизводимостью. Иногда существует несколько разных показателей какого-либо одного параметра критерия, при этом они должны давать идентичные результаты. В этом случае присутствует внутренняя стабильность оценок надежности. Высокая внутренняя стабильность желательна только тогда, когда необходимо убедиться в том, что разные показатели отражают один и тот же аспект деятельности.

Реальное измерение любого критерия (или сбор информации для этого) должно быть доступным для всех подразделений организации, причем необходимо, чтобы такой критерий члены организации считали приемлемым оценочным показателем. Большинство организаций склонны оценивать вклад своих

сотрудников в денежном исчислении. Это создает определенные трудности при измерении сложных критериев, особенно когда речь идет об управленческом и инженерном труде. В сфере обслуживания важно, удовлетворены ли работой персонала организации клиенты или покупатели и возвращаются ли они за новыми услугами или покупками. На практике при сборе подобной информации нередко возникают существенные трудности. Однако, если критерий признан релевантным, стоит приложить усилия, чтобы преодолеть проблемы целесообразности (практичности) его использования.

Различительная способность является важной характеристикой критериев при отборе персонала, но она может не иметь никакого значения, когда речь идет об оценке эффективности всей организации или одного из ее подразделений. Для практических целей во многих случаях гораздо интереснее знать, как работают группы людей, то есть эффективна ли деятельность персонала вообще.

Всякое «экономическое поведение» имеет место в материальном контексте, а экономика, в свою очередь, является результатом экономического поведения многих людей.

Еще одной проблемой является необходимость изменения критерия оценки, например, когда человека принимают на должность с перспективой продвижения по службе. При условии, что элементом отборочных процедур являются критерии, разработанные исключительно для новичков, решения, принятые на основе этих процедур, будут полезны для прогнозирования лишь начальных достижений работников. Однако, работая, люди совершенствуют профессиональные навыки, и понимание стадий их развития позволяет четко обозначить стандарты, в соответствии с которыми следует оценивать их на разных этапах функционирования организации [1, с. 208].

Стандарты, в соответствии с которыми оцениваются руководители, с течением времени изменяются. Критерием оценки успехов человека, только начавшего постигать основы менеджмента, может стать сама его пригодность к продвижению по службе, однако спустя какое-то время они будут преимущественно связаны с достижением им конкретных результатов в качестве руководителя. Пригодность к продвижению по служебной лестнице оценивается на основании таких качеств, как желание учиться, умение брать на себя ответственность и других.

В современной науке существует множество моделей экономического поведения: обоснованного действия; принятия решения; экономического человека; и актуальная экономическая модель социального поведения. Для объективной оценки эффективности работы организации следует на основе выбранных критериев, учитывая все их особенности и проблемы, проанализировать все модели экономического поведения персонала организации.

С научной точки зрения интересна идея применения для оценки экономического поведения сотрудников организации, а также процессов управления персоналом методов соционического менеджмента. Понять образ мыслей и мотивы поведения человека – значит сделать шаг к организации его труда гуманным, экономическим и рациональным путем, помочь ему самореализо-

ваться. Каждый человек стремится реализовать себя, успех – это реализованные цели [2, с. 152].

Поскольку цели у людей разные, главная задача управленца, менеджера – организовать работу так, чтобы личные цели человека совпадали с целями той организации, где он работает. Такое совпадение в итоге приводит к успеху и работника, и его коллектива в целом. Искусство постановки целей – это искусство управления. Без них нет контроля за ходом и результатом процесса производства, затухает творчество, и правит бюрократия.

Менеджер нового типа должен уметь находить «узкие места» на рынке товаров и услуг, ликвидировать дефицит и способствовать тем самым прогрессу своей фирмы. В зависимости от конкретной задачи (постановка новой цели, сбор идей и предложений, внедрение идей в производство, поиск партнеров и заказчиков, реклама и т.д.) подбор коллектива проводится с учетом конкретных психофизических качеств отдельных людей. В настоящее время многие западные предприятия и организации ведут профессиональный отбор, учитывая базисные психологические признаки, открытые К.Г. Юнгом [3, с. 88]. Это позволяет создать эффективно работающие звенья и коллективы для решения конкретных профессиональных задач.

Характерной чертой соционализа является наличие эффективно разработанного теоретического аппарата. Примечательно, что этот аппарат может быть использован при рассмотрении таких проблем, как психология общества, психология масс, культурные и исторические процессы. Соционика может применяться и в семье, и в коллективе, в управлении собой, в создании психологического климата, при комплектовании рабочих групп.

Изучение соционикой типологии и взаимодействия различных типов не подразумевает отмену индивидуальных особенностей личности. Личность отдельного человека лежит внутри соционического типа, но соционическая классификация позволяет уже говорить о мотивации, ценностях, общем направлении поведения человека, в том числе и экономическом.

Соционика раскрывает возможности человека, позволяет правильно оценивать его сильные и слабые стороны, а следовательно, верно выбирать области применения сил, талантов, навыков, правильно строить отношения с другими людьми.

Знание основ соционического менеджмента как теории интертипных отношений позволяет целенаправленно формировать наиболее устойчивые коллективы с оптимальным социально-психологическим климатом и высокой работоспособностью [4, с. 101].

Соционика находит применение в следующих областях менеджмента персонала:

1. *Подбор кадров.* Руководитель стремится обеспечить сохранность костяка фирмы – ее стержневых типов. В случае если на ключевых постах окажутся люди, не принадлежащие к стержневым типам данной организации, то скоро начнется болезненный процесс ломки старых связей и укоренение новых приоритетов. Кадровая служба должна контролировать типологический состав ключевых звеньев, чтобы не прервалась коммуникативная преемственность

организации. Соционика позволяет тиражировать коммуникативный опыт; зная структуру типов подразделения, можно создать сколько угодно коллективов по оправдавшему себя образцу. Соционика принесет несомненную пользу и в деле создания резерва кадров на выдвижение, позволяя не только обоснованно отобрать обладающего инициативностью и организаторскими способностями работника, но и указать для него оптимальное место в организации.

2. *Постановка задач и контроль их выполнения.* Для каждой специальности или должности характерны свои особенности, в связи с этим осуществляется выбор задач, которые целесообразно ставить перед работником определенного психологического типа. Например, задачи роста поручают экстраверту, а не интроверту. Задачи генерации идей на перспективу лучше решит интуитивный тип, а не сенсорный и т.д. Соционика будет надежным инструментом в руках тех руководителей, которые применяют метод комитетов – групп мозгового штурма или мониторинга узловых проблем организации. Комитеты создаются под определенную задачу и заседают регулярно. На их заседания приходят работники необходимых установок из любых структурных подразделений фирмы. Это элемент прогрессивной матричной структуры управления.

3. *Работа с клиентами и партнерами.* Зрелые фирмы проводят регулярное обучение персонала, в программу которого необходимо включить основы практической соционики. Подготовленные на современном уровне работники в первую очередь должны знать такие ее разделы, как конфликтология (типичные стили поведения людей в конфликтных ситуациях) и методика индивидуального подхода, которая учит правильно общаться с клиентом, начиная от подстройки и заканчивая воздействием на нужные психические функции. В настоящее время актуальна проблема выбора надежных деловых партнеров, например, поставщиков, и чтобы не допустить ошибки, менеджер должен знать характерные сценарии поведения разных типов людей, а также их внутреннюю мотивацию, стандартные коммуникативные маски.

4. *Сплочение коллектива.* Сплоченный коллектив, как уже говорилось, держится не на конкуренции, а на кооперации между его сотрудниками. Коммуникативные процессы согласования можно ускорить, если периодически проводить с работниками тренинги делового общения. Отладка кооперативных связей полезна как внутри подразделений, так и между ними. Правильное распределение неформальных ролей устраняет борьбу за власть и предотвращает расколы. Так создается благоприятная психологическая атмосфера, на которую уповают как на главный фактор успеха организации сторонники доктрины «человеческих отношений».

Всякий раз, когда требуется принять какое-либо решение, касающееся конкретного работника (стоит ли направлять его на учебу, повышать в должности, увеличивать зарплату или увольнять), важнейшую роль начинает играть критерий и методы его оценки. Рассмотренный в работе соционический метод, учитывая все особенности отдельной личности, помогает объединить их в типы, что делает процедуру оценки экономического поведения персонала организации, во-первых, проще, во-вторых, объективнее.

Библиографический список

1. Шнайдер, Б. Персонал для организации: научный подход к поиску, отбору, оценке и удержанию сотрудников [Текст] / Б. Шнайдер, Н. Шмит; пер. с англ. под ред. Н. В. Гришиной, М. Б. Курбатовой. – СПб., 2004.
2. Устинова, В. А. Информационные системы менеджмента. Основные аналитические технологии в поддержке принятия решений [Текст] / В. А. Устинова. – М., 2000.
3. Иванов, Ю. В. Соционический подбор руководителей [Текст] / Ю. В. Иванов // Служба кадров и персонал. – 2004. – № 2. – С. 88–92.
4. Белокопытов, Ю. Н. Исследование личности менеджера: многоуровневый подход [Текст] / Ю. Н. Белокопытов // ЭКО. – 2003. – № 2. – С. 98–110.

А.В. Фроловичев,

преподаватель Вольского высшего военного института тыла

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРТИСИПАТИВНОГО СТИЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Современный этап реформирования российского общества предполагает не только демократизацию управленческих отношений на уровнях общества в целом, отдельного региона, муниципального образования, отдельной организации, но и трансформацию стиля управленческого взаимодействия. Речь идет о реформировании централизованной модели социального управления на разных уровнях хозяйствования. Управление все в большей степени реализуется не только через единую вертикаль власти, при преимущественном использовании совокупности методов административного принуждения объекта управления, но и в рамках горизонтального взаимодействия субъекта и объекта управления. Создаются условия признания относительной самостоятельности управляемого объекта и его управленческой активности. Последнее предполагает перераспределение полномочий различных уровней управленческой власти, передачу среднему менеджменту, рядовым сотрудникам организации, общественным объединениям, профсоюзным структурам ряда важнейших управленческих функций.

В процессе социально-экономических и управленческих реформ организация не только была в центре всякой социально-экономической деятельности, но и представляла собой границы, внутри которых работало большинство населения России. В рамках отдельной организации работникам были гарантированы непрерывный карьерный рост, средства к существованию, условия для удовлетворения их профессиональных трудовых потребностей. Несмотря на то что для многих людей ситуация не изменилась, прежней определенности уже нет. В настоящее время организации начинают динамично трансформироваться, наблюдается рост разнообразия в размерах и формах, становление новых,

«нестандартных» подходов к формированию стиля управленческого взаимодействия сотрудников организации.

Социальные организации сокращают направления своей деятельности, становятся менее крупными и менее стабильными, динамично развиваются на основе качественного преобразования социальных, материальных, технологических факторов. Актуализируются такие тенденции, как сокращение штатов работников, повышение качества человеческого капитала, обновление структуры организации, разделение персонала по уровню накопленного интеллектуально-образовательного человеческого капитала на основную и второстепенную рабочую силу. Растет число самостоятельных работников, трудящихся неполный рабочий день по контракту (на условиях частичной занятости). Постепенно распространяются субподряд и временные контракты, сокращается состав постоянно работающих «штатных сотрудников». Важнейшим фактором конкурентных преимуществ становится гибкость, инновационная мобильность работников, способность их самостоятельно участвовать в трудовом инновационном процессе.

В связи с этим П. Друкер справедливо предсказывает, что через двадцать лет в типичной организации останется вдвое меньше уровней управления и втрое меньше менеджеров по сравнению с сегодняшним днем. Структура такой организации, стоящие перед ней проблемы управления и иные задачи будут мало походить на то, что типично для современной компании. Организации в перспективе станут больше напоминать, по словам Друкера, «больницу, университет или симфонический оркестр. Потому что, подобно им, типичная бизнес-единица будет основываться на знаниях и в основном состоять из специалистов, которые направляют и контролируют свою работу через упорядоченную связь с коллегами, клиентами и главным офисом. Поэтому компания станет тем, что я называю информационно емкой организацией» [1].

В современных условиях формируется новая демократическая модель управления организацией с соответствующей трансформацией стиля управления персоналом. Согласно сложившейся практике модель управления разрабатывается исходя из стиля и культурных предпочтений формальных лидеров организации. Эффективная модель управления может быть взята из уже ранее внедрившихся. При этом система управленческого взаимодействия должна соответствовать модели, которая при определенных условиях трудового раскрепощения имеет максимальные социально-экономические результаты.

Исходя из данных теоретических предпосылок, можно сделать вывод о том, что конструирование новой демократической модели управления организацией предполагает поэтапный процесс демократизации управленческих отношений, обеспечивающий переход от преимущественно административного к преимущественно партисипативному стилю управления организацией. «Можно выбрать базовую модель управления, которая в максимальной мере отвечает предъявляемым требованиям, исключить из нее нежелательные элементы, разработать и встроить в нее новые элементы, которые отвечают специфическим особенностям управляемого объекта и условиям его функционирования. Можно создать и запустить принципиально новую модель, опирающуюся на совер-

шенно новую парадигму, способную уловить едва наметившиеся изменения во внешней среде, которым суждено стать доминантными в будущем» [2, с. 3].

На практике данный процесс активно осуществляется. Еще десять лет назад американские менеджеры совсем не стремились использовать концепцию партиципативного лидерства. В новых условиях благодаря поддержке организации «Объединение работников автомобильной промышленности» менеджеры ведущих компаний, таких, как «Форд», «Дженерал моторс», «Крайслер», изменили свое отношение к этой концепции, и в последние годы на предприятиях успешно внедряются программы оптимизации моделей управления, вовлечения работников в процесс управления. Для организаций нового типа стало характерным использование автономных рабочих бригад (work teams). «Концепция бригад также широко распространена в других отраслях, таких, как электроника, электрооборудование, космическая, пищевая, бумажная промышленность, и даже в сфере финансовых услуг» [3, с. 46]. Построение новой демократической модели управления предполагает применение автономных самоуправляемых трудовых коллективов, определяет необходимость радикального отказа от старых методов административных управления, устранение многих трудовых ограничений, которые связывали инициативу не только управляющих, но и инженерно-технических работников, рядовых сотрудников организации.

Несложно заметить, что современная организация предполагает постоянную трансформацию взаимодействия руководителя с коллективом, совершенствование стиля управленческого взаимодействия работников. Проявляется необходимость отказа от авторитарных регуляторов управленческой деятельности. Руководитель в новых условиях не может концентрировать всю полноту власти в своих руках, брать на себя всю ответственность за результаты трудовой деятельности, осуществлять конечный контроль управленческой и трудовой деятельности. Необходим отказ от авторитарного стиля управления, преобладания единоличных способов управления, преимущественного применения административного управленческого воздействия на подчиненных. Деятельность управляющих не может осуществляться без партнерского взаимодействия с подчиненными, решения должны все в большей степени приниматься коллегиально, требуется постоянный поиск консенсуса с подчиненными. Категоричность, приказная форма, частое обращение к санкциям руководителя в новых условиях не могут быть эффективными.

Данные положения подкрепляются выводами различных эмпирических исследований в России. Так, в результате проведенного социологического исследования методом структурированного интервью персонала предприятия «Шахтострой» (г. Саратов) была выяснена взаимосвязь между формированием новой инновационной модели управления и демократическими трансформациями стиля управления персоналом. Социологическое исследование проводилось группой социологов в 1999 и 2004 гг. по аналогичной методике (выборочное формализованное интервьюирование).

В 1999 г. на вопрос: «Как Вы оцениваете управление персоналом на предприятии?» – большинство информантов (88%) ответили: «Неудовлетворительно». На вопрос: «Хотели бы Вы сменить место работы, перейдя в другую

организацию?» – большинство информантов (52%) ответили: «Да». Вариант «нет» выбрали только 26%; остальные затруднились с ответом. На вопрос об удовлетворенности работой в целом большинство (74%) информантов ответили отрицательно. Положительно ответили только 18%. Отношение к жесткому распорядку и режиму работы на предприятии большинства информантов (86%) отрицательное. Положительное – только у 6%. На вопрос: «Влияете ли Вы на принятие управленческих решений?» – большинство респондентов (74%) дали отрицательный ответ. Вариант «да» выбрали только 12% (все они оказались работниками управленческого персонала предприятия); остальные затруднились с ответом. Подавляющее большинство респондентов оценивают стиль управления как авторитарный и неэффективный [4, с. 77–80].

В 2004 г. в результате внедрения на предприятии новой инновационной модели управления трансформируется стиль управленческого взаимодействия работников данного предприятия. Работники исследуемого предприятия положительно оценивают демократические преобразования в системе управления персоналом. Так, на вопрос о видении, миссии, цели организации 42% опрошенных по предприятию дали четкий, отражающий реальную ситуацию ответ. Оценивая управление персоналом на предприятии, 62% информантов определили его как удовлетворительное, 28% охарактеризовали его уровень отметкой «хорошо». На вопрос: «Хотели бы Вы сменить место работы, перейдя в другую организацию?» – отрицательно ответили 70% информантов; положительно – только 18% опрошенных. Удовлетворены работой в целом по предприятию 54% информантов; не удовлетворены только 28%; остальные затруднились с ответом. На вопрос: «Влияете ли Вы на принятие управленческих решений?» – большинство информантов (58%) ответили: «Да». Ответ «нет» дали только 30% опрошенных.

По мере становления новой инновационной модели управления трансформируется стиль управления: преимущественно авторитарный стиль управленческого взаимодействия преобразовывается в преимущественно партисипативный. В процессе опроса выявлено, что работники положительно оценивают трансформацию стиля управления, они его характеризуют как демократический, отмечают повышение эффективности управленческой деятельности. Респонденты удовлетворены ростом заработной платы, при этом считают, что объем работы и уровень ответственности существенно выросли на предприятии. Подавляющее большинство респондентов однозначно поддерживают трансформации стиля управленческого взаимодействия на предприятии.

Исследование показывает, что творческая инновационная деятельность работников несовместима с деятельностью авторитарных лидеров. Несложно заметить, что в современных условиях неэффективна деятельность авторитарных лидеров, авторитарный стиль управления не поддерживается персоналом современной организации. Авторитарных лидеров негативно воспринимают творческие работники. В то же время в определенных условиях в организациях имеется положительный опыт деятельности авторитарных лидеров. Авторитарное лидерство хорошо воспринимается служащими, не имеющими опыта творческой инновационной деятельности, у которых нет четкого круга обязан-

ностей или соответствующего образования, что не позволяет им работать самостоятельно.

Таким образом, становление инновационной формы организации требует отказаться от централизованной модели управления, избегать жестких административных методов управления, не допускать пресечения инициативы или поприцания обсуждения работниками принимаемых решений. Особую актуальность приобретает создание инновационной демократической модели управления организацией, которая предполагает развитие партисипатизма в управлении, формирование партисипативного стиля управления персоналом организации.

Демократическая модель управления организацией предусматривает расширение управленческих полномочий отдельных коллективов и личностей. Она предполагает относительную самостоятельность управляемого объекта и возможность его управленческой активности в расширенных формах. «Демократической системе управления также присуща вертикаль управленческой власти, но идущая как сверху вниз, так и наоборот – снизу вверх. Это предполагает контроль нижестоящих структур и отдельных представителей над центральными управленческими структурами. Субъект управления здесь функционирует в системе взаимодействия и партнерства с управляемым объектом. Управление складывается из процессов объективизации субъекта и субъективизации объекта, регулируемых демократическими принципами» [5, с. 30].

Демократическая модель управления организацией проявляется в наделении отдельных подразделений социальной системы управления широким кругом управленческих полномочий, разделении управленческой власти, участия персонала организации в обсуждении и частично в принятии управленческих решений. Можно констатировать, что внедрение демократической модели управления организацией формирует объективные предпосылки перехода к преимущественно партисипативному стилю управления персоналом. Последний, в свою очередь, определяет сочетание научных принципов руководства с максимальным использованием инициативы и творчества подчиненных, оптимальной передачей управленческих полномочий и функций, привлечением к управлению членов трудового коллектива.

Партисипативный стиль управления персоналом предполагает партисипативность в отношениях начальника и подчиненного, развитие сотрудничества, партнерства и товарищеских отношений руководителя и подчиненного. Данный стиль формируется постепенно. Первая фаза формирования партисипативного стиля связана со становлением простых способов демократического управленческого взаимодействия. Управление персоналом осуществляется с учетом мнения членов организации при решении ее основных проблем. В рамках данной фазы отсутствует прямолинейное административное навязывание руководителем своей воли. Здесь развиваются формы управленческой активности персонала, мотивируются управленческие действия работников через развитие социальных потребностей высшего порядка.

Вторая фаза формирования характеризуется развитием сложных методов демократического управленческого взаимодействия, становлением и совершенствованием привлечения исполнителей к реализации собственно управленчес-

ких функций. В рамках второй фазы проявляется соучастие работников в решении основных управленческих задач, связанных с определением стратегических и тактических целей, разработкой планов, проектов, программ организации, формированием и реализацией конкретных управленческих действий, осуществлением персоналом управленческого контроля и самоконтроля.

Партисипативный стиль управления персоналом определяет предпочтение руководителя к методам убеждения и стимулирования инновационного творчества работника. В новых условиях руководитель к административным санкциям прибегает только в том случае, когда иные демократические методы не приводят к необходимому результату. В рамках данного стиля активно применяются нематериальные факторы стимулирования инновационной деятельности, образовательного развития и саморазвития профессионального капитала сотрудников. Важнейшим результатом управленческой деятельности в рамках партисипативного стиля является развитие умений самоуправления, самоактуализации трудовых коллективов, достижение эффективного самоконтроля работников, повышение качества трудовой деятельности, инновационного творческого мышления, оригинальность решений и инновационных предложений.

Библиографический список

1. Друкер, П. Рождение новой организации. Управление знаниями [Текст] / П. Друкер; пер. с англ. – М., 2006.
2. Барышников, Ю. Н. Модели управления [Текст] / Ю. Н. Барышников. – М., 2004.
3. Прикладная социология и менеджмент : хрестоматия / сост. и науч. ред. А. И. Кравченко. – М., 1998.
4. Баландина, Т. М. Социальные технологии управления организационной культурой [Текст] / Т. М. Баландина. – Саратов, 2005.
5. Быченко, Т. Демократический стиль управления организацией [Текст] / Т. Быченко. – Саратов, 2003.

Н.А. Ерохина,

*преподаватель Саратовского государственного
социально-экономического университета*

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ПЕРСОНАЛА В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

В научных источниках не существует общепринятой трактовки понятия «системы управления организацией». Большинство авторов настаивают на том, что данная категория сложна и имеет различные формы и параметры проявления [1, с. 4]. На междисциплинарном уровне исследователи ак-

центрируют внимание на том, что система управления имеет форму сложноорганизованного упорядоченного целого, включающего отдельные взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты. Различие взглядов ученых не исключает общих принципов, на которых строятся данные парадигмы. Так, Е. Бабосов, Т. Баландина, Ю. Быченко при анализе системы социального управления обращают внимание на общую методологию познания данного феномена. Подчеркивается, что в контексте системного подхода проявляются сущностные особенности управленческих отношений. «Во-первых, «воздействие» субъекта управления на объект из одностороннего явления превращается в их «взаимодействие», что, бесспорно, более соответствует диалектике социальных систем. Во-вторых, введение в определение управления категории «достижения социально значимых результатов» ориентирует практику управления на четкое понимание социальной миссии каждой системы управления (от трудовой организации до общества в целом), повышает возможности для объективной оценки качества труда всех занятых этим видом деятельности на всех этапах системы управления» [2, с. 10]. Система управления характеризуется, прежде всего, используемыми инструментами управленческой власти и включает социальные властные механизмы организации в целом и ее отдельных подразделений [3, с. 55].

Данные социологи рассматривают систему управления через призму механизмов власти, обеспечивающих легитимность управленческого господства. При этом акцент делается на социально-управленческих отношениях, характеризующих различные типы систем управления: легальный, традиционный, харизматический. Различным типом социальных систем присущи определенные управленческие отношения: служебные, технические, специализированные, информационные, иерархические.

В то же время Л. фон Берталанфи, Д. Кац, Р. Канн, В. Янчевский при анализе системного управления организации акцентируют внимание на системном социальном объекте управления. Данные авторы рассматривают систему управления через призму системных управленческих отношений, характеризующих стиль трудового взаимодействия работников организации. Они подчеркивают, что системное социальное управление предполагает понимание объекта управления в виде системного социального целого. При этом определяется ряд характеристик организаций как открытых социальных систем: ввод энергии и вещества из внешней среды; преобразование ресурсов на входе в систему; выход, обеспечивающий поступление произведенного продукта (услуги) в окружающую среду; циклы событий (продукт на выходе обеспечивает поступление новых ресурсов на вход, и начинается новый цикл); запрашивание из среды больше энергии и других ресурсов, чем преобразуется на выходе [4, с. 36].

Т. Парсонс, Н. Смелсер, А. Этциони в рамках системы управления исследуют прежде всего системный способ организации элементов социального управленческого действия с точки зрения устойчивости упорядоченного изменения моделей взаимодействия множества индивидуальных социальных субъектов и объектов организации. Здесь система управления рассматривается как

социальная организационная система, определяющая способ устройства элементов социального действия, изменения моделей взаимодействия работников организации. Т. Парсонс подчеркивает, что, «поскольку существует бесконечное разнообразие степеней стабильности и структурной интегрированности этих моделей взаимодействия, их статичности, а также включенности в процессы структурного развития или изменения, то для того, чтобы осуществить данный тип теоретического исследования, необходимо сконструировать схему, пригодную для эксплицитного анализа структуры таких систем. Эта схема должна обеспечить нам основные точки отсчета для анализа мотивационных процессов» [5, с. 96]. При этом важнейшим параметром системы управления организацией является показатель уровня участия акторов в нормированных отношениях управленческого взаимодействия системы.

Дж. Томсон, Дж. Чайлд, К. Негойце, Ф. Каст, Дж. Розенцвейг в контексте системы управления рассматривают ситуационные основы проявления управления, принципы «синтетических» теорий управления. Система управления определяется как система, характеризующая принципы, методы, цели, задачи и процессы реализации управления. Она состоит из управляющих и управляемых, то есть из управляющего субъекта и объекта управления [6]. Подчеркивается, что всякая система управления проявляется в конечном итоге в социально-управленческих отношениях, а также определяет состав элементов подсистем управления организацией. Выделяются следующие подсистемы: управленческих принципов, целей, задач, методов; человеческих ресурсов; техники и физического капитала; управления. В связи с тем, что управление – специфическая функция, она реализуется определенными элементами системы. Система подразделяется на управляющую и управляемую подсистемы. В системах не может быть бесцельных процессов, следовательно, если есть цель деятельности, должно быть управление достижением этой цели и сама деятельность по ее достижению [7].

Можно представить синтезирующий социологический подход на феномен системы управления организацией. Система управления организацией – это прежде всего система социально-управленческих отношений, складывающихся между управляющими и подчиненными по поводу разработки и достижения целей организации. Всякая система управления организацией предполагает наличие системного объекта, субъекта, системных принципов, целей, задач и методов процессной реализации управления. Система управления организацией представляется в виде взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных систем, при этом развитие всякого социального объекта, субъекта, системных принципов, целей, задач и методов социального управленческого взаимодействия рассматривается как результат развития социально-управленческих отношений организации.

Таким образом, система управления организацией как социологическая категория имеет следующие сущностные черты:

1. Имеет форму множеств упорядоченных социальных, управленческих, технологических, технических элементарных компонентов, обладающих совокупной целостностью и единством внутреннего и внешнего проявления. Ха-

рактируется комплексом взаимосвязанных и взаимозависимых целей, задач, принципов и методов управления персоналом организации. Принципы, цели, задачи и методы выступают как свод основных законов системного управления социальными объектами разного рода.

2. Обладает специфическим механизмом власти, обеспечивающим легитимность управленческого воздействия управляющих на подчиненных. Процесс системного управления представляет собой реализацию подсистемных элементов стратегического и оперативного управления персоналом организации, разработку и осуществление различных управленческих планов, проектов, программ, конкретных управленческих решений. Все подсистемные социальные компоненты субъекта и объекта управления организацией представляют собой элементы социального механизма управления организацией.

3. Внешне проявляется в комплексе социально управленческих отношений, в рамках которых разрабатываются и реализуются взаимосвязанные и взаимозависимые социальные цели, принципы, задачи и методы управления персоналом.

4. Имеет стройный состав подсистем: управленческих принципов, целей, методов и задач; человеческих ресурсов; техники и физического капитала; технологий управления. Проявляется в системном способе организации элементов социального управленческого действия с точки зрения устойчивости упорядоченного изменения моделей коллективных социальных субъектов и объектов организации.

В современных условиях, исходя из критерия эффективности, можно выделить четыре основных типа системы управления организацией. (Каждая модель имеет различные характеристики подсистемы оценки персонала):

1. Интегрированная системная модель управления, характеризующаяся «интегрированной функцией управления», трудовые проблемы персонала решаются в рамках общего управления организацией общими линейными менеджерами; внутреннее разделение управленческого труда отсутствует или допускается в незначительной степени; отсутствует профессиональная оценка персонала, а также внутренние специалисты по оценке и управлению персоналом.

2. Модель системного управления организацией с «делегированными функциями»: регулярно выполняемые рутинные задачи, связанные с управлением персоналом, выделены и переданы в руки технических специалистов, имеющих низкий социально профессиональный статус; окончательное право принимать решения по управлению персоналом остается за общими и линейными менеджерами; присутствует формальная система профессиональной оценки персонала в форме несистематических аттестаций (данная оценка осуществляется линейными менеджерами под руководством топ-менеджера организации).

3. Модель системного управления организацией на основе реализации полученных «консультаций и поддержки»: регулярно выполняемые рутинные задачи, связанные управлением персоналом, выделены и переданы в руки специалистов, имеющих высокий статус в организации; присутствует формальная

система профессиональной оценки персонала в форме ежегодных аттестаций (окончательное право принимать решение по аттестации остается за операционным и высшим составом менеджмента).

4. Модель системного управления организацией на основе реализации полученных «внешних и внутренних рекомендаций»: деятельность менеджеров направлена на оптимизацию управленческих решений; управляющие принимают решения и действуют в вопросах управления персоналом наилучшим из возможных способов, используя доступные для них информационные ресурсы и экспертные знания; существует мобильная система профессиональной оценки персонала в форме постоянно действующих комплексных систем на постоянной основе (окончательное право принимать решение по социальной оценке предоставляется независимым социологам, внутренним и внешним консультантам).

Модель системного управления организацией на основе реализации полученных внешних и внутренних рекомендаций наиболее эффективна в условиях роста динамики изменения внешней и внутренней среды организации. Данная система управления направлена на постоянное самосовершенствование, динамичное развитие управленческих отношений как в стратегической, долгосрочной, так и в ближайшей перспективе. В рамках данной модели оптимизация системы управления организацией рассматривается как процесс поиска и достижения оптимального состояния социальной системы управления. Процесс совершенствования направлен на осуществление внедрения обновленной элементной и функциональной структуры управления организацией, а также обновления социально-управленческих отношений, стиля трудового взаимодействия работников, определяющих рост эффективности, качества, надежности и устойчивости системы управления организацией. В рамках данной модели оптимальная система управления – это система, которая при минимальных затратах организации приводит к максимальным социально-экономическим результатам.

Таким образом, оптимизация системы управления организации – процесс, направленный на формирование устойчивой эффективной социальной модели управления в текущий и прогнозируемый периоды функционирования организации. Он определяет создание эффективных управленческих и деловых отношений, усиление демократизации и партнерского сотрудничества в решении проблем поиска новых форм трудового взаимодействия. Оптимизация системы управления организацией определяет процессы поиска и достижения наиболее благоприятных условий, дающих возможность достижения наилучших управленческих и трудовых результатов при имеющихся социальных, экономических и технологических ресурсах в организации.

Оптимизация управления имеет социальное, управленческое, технологическое, экономическое проявление. Социальная оценка персонала в условиях оптимизации должна осуществляться в рамках каждого этапа ее реализации и разрабатываться на новых методологических принципах: регулярности, комплексности, систематичности, профессиональной компетентности.

На первом этапе оптимизации системы управления выявляется общая ха-

рактеристика организации, собирается информация по внешней среде, осуществляется предварительная оценка персонала, выявляются тенденции развития человеческих ресурсов в контексте региональной и общественной социальной динамики.

На втором этапе определяются направления планируемых изменений в управленческой системе, формируется замысел, цель и задачи проектирования новой системы управления организации, формулируются варианты проектов оптимизации управления. На данном этапе осуществляется первичная комплексная социальная оценка персонала по следующим параметрам: физической способности к труду; образовательному профессиональному потенциалу; социально управленческим отношениям.

На третьем этапе выбирается наиболее эффективный проект оптимизации системы управления, осуществляется его внедрение, разрабатывается социальный прогноз и социальный проект развития персонала организации.

Четвертый этап – общая оценка результатов внедрения, коррекция проекта оптимизации системы управления, вторичная комплексная социальная оценка персонала. Выявляются направления планируемых изменений в проект оптимизации системы управления организации.

Функции социальной оценки персонала в условиях оптимизации выходят далеко за рамки выявления уровня соответствия квалификационных характеристик работников соответствующим требованиям к занимаемым ими должностям. Цель социальной оценки определяет стратегическое развитие кадрового потенциала различных подразделений организации, изменение уровня его использования в результате качественного обновления системы управления, трансформации потребности в составе кадров, необходимости в обучении и переобучении сотрудников. Все большее значение в процессе оптимизации приобретает исследование социально-трудовых отношений в организации, стиля трудовой деятельности работников, организационной культуры. Социальная оценка организации призвана диагностировать не только формальные социальные отношения, но и неформальные отношения в организации, так как они влияют и определяют развитие культуры управления, создают условия системного совершенствования организационной культуры в целом.

Библиографический список

1. *Быченко, Ю. Г.* Новые реалии менеджмента [Текст] / Ю. Г. Быченко // Системы в управлении / под ред. Ю. Г. Быченко. – Саратов, 2002.
2. Государственное управление: основы теории и организации [Текст] / под ред. В. А. Козбаненко. – М., 2000.
3. *Баландина, Т. М.* Социология управления [Текст] / Т. М. Баландина. – Саратов, 2005.
4. *Katz, D.* The social psychology of organization [Текст] / D. Katz, R. Kahn. – N.Y., 1966.
5. *Парсонс, Т.* О социальных системах [Текст] / Т. Парсонс. – М., 2002.
6. Теория управления [Текст]. – М., 1988. – Вып. 107.
7. *Негойце, К.* Применение теории систем к проблеме управления [Текст] / К. Негойце. – М., 1981.

О.А. Милючихина,

*преподаватель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ БРЕНД-КОММУНИКАЦИЯМИ

Развитие социально-экономических отношений объективно порождает ряд важных проблем, для решения которых требуются инновационные подходы. На современном этапе эти подходы могут быть связаны не только с научно-техническими разработками, благодаря которым создаются новые технологии или выводятся на рынок более совершенные товары, и не только с внедрением более эффективных способов экономии ресурсов и снижения других затрат предприятия, но и с разработкой и практическим применением инновационных подходов к управлению бизнесом. Инновационная управленческая стратегия, адаптированная к высокому ритму технико-технологических, экономических и социальных изменений в обществе, способна стать залогом обеспечения стабильности компании в долгосрочной перспективе, являясь одним из ключевых факторов успеха практически в любой сфере деятельности. Проблема разработки эффективной инновационной стратегии управления является актуальной и для сферы бренд-менеджмента, достаточно новой для нашей страны.

Термин «бренд», как правило, используется для обозначения специфического названия (торговой марки, фирменного наименования, знака отличия) любого товара или услуги, которое служит для идентификации конкретного рыночного продукта и обладает определенной ценностью (степенью значимости) как для производителя, так и для потребителя. Бренд – это нематериальный актив фирмы, способный при определенных условиях приносить производителю прибыль. И максимизация прибыли во многом зависит именно от применения инновационных стратегий управления.

Инновационное управление брендом должно строиться на трех основных принципах:

- новое понимание места и роли бренда в системе взаимоотношений между производителем и потребителем;
- разработка новых стратегий коммуникации;
- применение новых средств коммуникации.

На практике бренд чаще всего используется в качестве главной составляющей рекламной кампании, а продвижение любого товара построено на донесении до потребителей достоинств конкретного бренда по сравнению с конкурирующими. При этом бренд становится одним из главных носителей информации о товаре, которая доходит до потребителей. Новым для многих отечественных производителей стало то, что само название продукта способно, при

определенных условиях, выступать в качестве нематериального актива и приносить деньги. Этот факт вызвал бурный рост нового сегмента услуг – разработка фирменного наименования или «эффективных названий» товаров на заказ (нейминг).

Тем не менее востребованность новой услуги не всегда означает ее эффективность. Зачастую на практике разработка брендов сводилась к созданию названий, либо вызывающих ассоциации с самим продуктом, либо с уже известными марками. Часто новые названия создавались по принципу благозвучности и нестандартности. На практике такой подход оказался малоэффективным. Распространенной стала так называемая «стратегия тиражирования», когда один производитель выпускал на рынок целую группу марочных названий с расчетом на то, что хоть какое-нибудь из них окажется успешным. Коммуникационная стратегия продвижения марки часто менялась, а один и тот же товар позиционировался в разные периоды своего продвижения для разных социальных групп, декларируя абсолютно разные ценности для потребителя. Чрезмерное количество марок на рынке и разброс стратегий их продвижения неизбежно создавали шумовой эффект, в условиях которого коммуникация становилась слишком навязчивой и не обеспечивала отдачи произведенных вложений.

Все это предопределило необходимость нового подхода к пониманию самой сущности бренда. Бренд необходимо было перестать трактовать как просто удачное рыночное название и начать рассматривать в контексте той социальной системы, в которой он функционирует, применяя «искусство системного мышления и творчески подходя к решению социальных проблем» [1, с. 25]. Новое понимание места и роли бренда в социальной среде базируется на положениях системного подхода, основы методологии которого были заложены А.А. Богдановым [2].

Структурно бренд может быть представлен следующим образом. Он состоит из ядра – основного системообразующего элемента – и двух уровней элементов. Ядро системы – это понятие, отражающее структурную и функциональную особенности определенной части системы и представляющее собой ее обязательный атрибут. В качестве ядра бренда выступает его идентичность, то есть та специфическая особенность, которая обеспечивает бренду стабильность во времени и на основании которой потребитель может выделить бренд из массы других товаров.

Главным в понимании идентичности бренда является тот факт, что именно эта составляющая обеспечивает его стабильность, сохраняемость основных качеств во времени и способность отличаться от массы схожих товаров. Идентичность служит своего рода объединяющим началом для всех остальных элементов бренда. Эти элементы можно разделить на две группы:

- составные части бренда (итоги деятельности компании и результаты реализации креативных решений, направленных на создание и продвижение бренда);

- характеристики бренда (выгоды, которые потребитель ищет в товаре).

К первой относятся сам товар, название бренда, логотип, фирменные знаки, цветовая гамма и особенности написания, слоган и девиз компании, музы-

ка и голос, с которыми ассоциируется бренд, упаковка товара и его внешний вид, физические характеристики, рекламные сюжеты и персонажи, с помощью которых продвигается бренд, а также репутация самой компании, сложившаяся в результате ее деятельности на рынке.

Ко второй принадлежит набор свойств товаров, выпускаемых под данным брендом и делающих его более привлекательным в глазах потребителя по сравнению с обычными товарами и / или другими брендами. Другими словами, это совокупность качеств, присущих или приписываемых продуктам, которые удовлетворяют покупателя настолько, что он готов предпочесть продукт массе других.

Таким образом, название (торговая марка) – это только элемент (причем не самый главный) в определенной структуре, которая представляет собой порядок взаимосвязей между составными частями бренда, его реальными и символическими характеристиками. Вектор этих взаимосвязей направлен на взаимодействие с ядром, то есть на формирование и обеспечение стабильности идентичности бренда.

В контексте управления бренд – это инструмент, посредством которого компания с большей или меньшей степенью успешности влияет на сознание и поведение потенциальных клиентов и стимулирует продажи своего товара, а управление брендом – это прежде всего управление коммуникационными потоками, а именно спланированная и грамотная подача информации о продукте. Новый способ движения информации и положен в основу инновационной стратегии управления брендом.

Традиционно для осуществления бренд-менеджмента компания создает бренд, наделяя его теми информационными характеристиками, которые, на взгляд субъектов, занятых в управлении, способны привлечь к нему внимание потребителей, а затем – стимулировать покупку предлагаемого товара. Далее бренд выступает как элемент коммуникационной стратегии, направленной на потребителя. Реализация этой стратегии вызывает изменения в сознании и/или поведении потребителей. При этом успех стратегии управления брендом означает запланированные изменения, то есть принятие решения о покупке, а провал, напротив – неприятие товара потребителем. Следовательно, коммуникация производителя с потребителем носит нисходящий характер (от производителя к потребителю), а управление брендом превращается в воздействие на потребителя, осуществляемое через бренд. Система управления делится соответственно на две подсистемы: управляющая система (менеджеры и маркетологи компании, продвигающей бренд) и управляемая (потребители), причем воздействие первой подсистемы на вторую доминирует.

Однако в последнее время традиционный алгоритм бренд-менеджмента нередко дает сбои. К примеру, технологически не уступая конкурентам, телекоммуникационный гигант Nokia в течение трех последних лет не может добиться роста объема продаж на быстрорастущем рынке мобильных телефонов. Unilever принимает решение о ликвидации 800 своих брендов. Серьезные убытки терпят такие известные бренды, как Versace, Gucci, Valentino. На российском рынке серьезные проблемы возникли у таких брендов-лидеров, как «Вимм Билль Данн» и «Балтика», продажи которых неизменно снижаются

с 2003 г. при перманентном росте потребления соответствующих групп товаров, а в прошлом известный зонтичный бренд «Довгань» практически не продвигается с 2000 г. (по данным официальных сайтов компаний). Это связано с тем, что в настоящее время у потребителей выработан своего рода «иммунитет против брендов» (термин консалтинговой группы Radar Communications), когда ни одно из декларируемых преимуществ бренда по сравнению с другими товарами более не воспринимается как аргумент, способный повлиять на принятие решения о покупке, а коммуникация, целью которой является продвижение бренда, воспринимается потребителем исключительно как раздражающий фактор и в результате отторгается. Этот процесс приводит к падению положительного имиджа продукта и ставит под сомнение репутацию компании-производителя. Выходом из создавшейся ситуации способно стать применение инновационных подходов к управлению брендами.

Одним из вариантов формирования инновационной стратегии управления брендом является разработка так называемых «восходящих стратегий» (в противоположность нисходящим). Их сущность заключается в необходимости отойти от принципа доминирующего воздействия управляющей подсистемы на управляемую. В традиционном понимании бренд выступает как инструмент, катализирующий изменения в управляемой системе, стимулирующий изменения в поведении и мышлении потребителей.

В отличие от традиционного инновационный подход рассматривает триаду «производитель – бренд – потребитель» в качестве системы взаимодействующих и взаимовлияющих элементов. С позиции системного подхода [2; 3] любое изменение каждого из элементов неизбежно провоцирует изменения в системе в целом. Следовательно, любое изменение потребительских вкусов, предпочтений, стиля жизни, интересов и прочего будет провоцировать изменения самой стратегии продвижения бренда. Соответственно в процессе управления брендом должны создаваться условия для как можно более активного влияния потребителей на продвигаемый бренд.

На практике этот принцип реализуется в привлечении клиентов к созданию и совершенствованию продукта компании. Не просто изучается в процессе социологических исследований и учитывается при создании бренда мнение потребителей, но потребитель непосредственно и интерактивно влияет на процесс создания товара, донося до производителя свое мнение относительно того, каким он (товар) должен быть.

Например, компания IBM – один из лидеров инновационного бренд-менеджмента – уже несколько лет (с 2002 г.) проводит акцию, направленную на привлечение наиболее активных компьютерных пользователей к участию в разработке новой продукции своей компании. Руководством компании применяется так называемая «стратегия по требованию», налаживающая прочные взаимоотношения с пользователями. Данная стратегия направлена на адаптацию различного оборудования самими пользователями под решение наиболее типичных и актуальных для них задач. В результате потребитель получает на выходе именно тот продукт, который отвечает его индивидуальным потребностям, и потому особенно удобен для него и близок его интересам. К 2004 г.

компания IBM пришла к единой «командной стратегии» по привлечению ключевых клиентов к совместной разработке технологических решений, способных оптимально удовлетворить их потребности. При этом в основе бренда компании IBM лежат три главных принципа: «прочные отношения с потребительской аудиторией, инновации, доверие» [4, с. 17].

Опираясь на инновационный опыт мировых лидеров, подобные стратегии используют и крупнейшие отечественные рекламодатели. Например, компания ЗАО «Соник Дуо» (торговая марка «Мегафон») в 2006 г. выдвинула принцип «Управляй своим тарифом», когда каждый абонент может в любой момент самостоятельно добавлять наиболее необходимые ему опции к базовому тарифу, непосредственно регулируя свои отношения с оператором. Примечательно, что еще пять лет назад связи между абонентом и оператором носили односторонний характер, когда стимулирование изменений в тарифе было полностью подчинено последнему и единственным выбором для клиента была возможность смены оператора. Именно борьба за клиентов, с легкостью переходящих к конкурентам, и стала решающим фактором, предопределившим необходимость применения инновационных восходящих стратегий в сфере сотовой связи.

Восходящие стратегии достаточно успешно используются в сфере телевидения и шоу-бизнеса. Примером их могут считаться распространенные SMS-или интернет-голосования, используемые для отслеживания реакции телезрителей на различные телевизионные проекты («Последний герой», «Фабрика звезд», «Звезды на льду», «Цирк со звездами» и пр.), а также появившиеся на отдельных каналах интерактивные сериалы, когда зритель может сам влиять на развитие сюжета.

Применение восходящих стратегий на региональном рынке распространено пока недостаточно, проводимые акции носят в основном стандартный характер. Тем не менее отдельные случаи применения восходящих стратегий все-таки имеются. В Саратовской области примером использования восходящей стратегии может считаться акция телекоммуникационной компании «Оверта», предложившей своим пользователям придумать название новой интернет-карты. Результатом стало появление карты COM.CHAT.KA, предоставляющей пользователям значительные бонусы в зависимости от времени выхода в Интернет.

Очевидно, что лидерами использования инновационных стратегий в управлении брендами становятся в основном компании, работающие в высокотехнологичных сферах бизнеса (IT-сервисы, интерактивное телевидение, телекоммуникации, интернет-технологии). Следовательно, при построении восходящей стратегии взаимодействия с клиентами, закономерным является применение новых средств коммуникаций, которые в отличие от традиционных способны обеспечить интерактивность этого взаимодействия.

Ведущее место среди подобных коммуникаций занимает Интернет. Любой пользователь может быть вовлечен в процесс построения восходящей стратегии с производителем продукта, оставив свое мнение о той или иной компании или продукте на форуме, в чате или в виртуальных дневниках. Таким образом, Интернет становится эффективным средством взаимодействия потребителя с производителем в режиме реального времени.

Библиографический список

1. *О'Коннор, Дж.* Искусство системного мышления: необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем [Текст] / Дж. О'Коннор, И. Макдермотт. – М., 2006.
2. *Богданов, А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука [Текст] / А. А. Богданов. – М., 2003.
3. *Берталанфи, Л.,-фон.* Общая теория систем: критический обзор [Текст] / Л. фон Берталанфи // Исследования по общей теории систем. – Л., 1987.
4. *Уинзор, Дж.* По ту сторону бренда [Текст] / Дж. Уинзор. – Ростов н/Д, 2005.

Е.Н. Григорьева,
*ассистент Саратовского государственного
технического университета*

ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ВЕЩЕВОГО РЫНКА ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ

В современной России трансформация социальных, политических и экономических сфер жизни приводит к изменению трудовых отношений практически во всех профессиональных областях. Одной из них является такой сектор занятости, как рынок под открытым небом. Рынок в любом обществе представляет собой социальный институт, который координирует отношения в обществе и влияет на отнесение человека к той или иной ступени социальной иерархии и социальной группы через предписание определенных, порой стереотипных утверждений, статус которых со временем также трансформируется от недоброжелательного к толерантному, выделяя торговцев в определенную социальную группу. Можно констатировать, что процесс институционализации еще не завершен, хотя социальные практики сегодня достаточно регулярны и долговременны, но, пока они слабо регламентированы, правила игры трансформируются с учетом ситуации.

Уличная торговля в России играет большую роль как в социальной, так и в экономической сфере. Переход к организованному бизнесу осуществляется постепенно, воспроизводясь в новых формах, начиная от торговли, носящей запретный торговый характер, до современных открытых узаконенных и регулируемых государством отношений. Проблема функционирования рынка существует в несопоставимости двух оппозиционных форм – формы контроля и формы защиты, регулируя которые вполне возможно вывести торговлю на более высокий институциональный уровень. Названные формы возникают вследствие дисбаланса между управлением в системе рынка и восприятием и исполнением правил, что включает в себя систему и отношение к власти, борьбу за ресурсы и отстаивание профессиональных прав.

Власть в системе вещевого рынка. Происходящие изменения в сфере торговли постепенно трансформируют систему отношений между продавцом и покупателем, с одной стороны, и законодательным сектором – с другой. Это актуализирует потребность в анализе ключевых факторов, связанных с процессом институализации торговли, что позволит осмыслить процесс институциональных изменений и функционирования торговли. Процесс институализации проходит по определенным стадиям, затрагивая такие аспекты функционирования, как взаимодействие с различными инстанциями (зачисление на работу, отстаивание прав, оплата налогов), взаимоотношения в сообществе (формальное и неформальное общение, причины коммуникации, взаимопомощь и поддержка), регулирование правил (официальные и неофициальные, пути и источники их регулирования), знания о правах, объединение усилий в защите прав (несправедливое отношение, профсоюзы, ущемления прав).

В социальной системе вещевого рынка под открытым небом немаловажным фактором остается аспект власти, которую можно охарактеризовать как формальную, с одной стороны, и неформальную – с другой. К первой относятся практики администрации, налоговой инстанции, связанные с необходимостью исполнения обязанностей, например, своевременной оплаты аренды, налогов, уборки территории. Неформальный же сектор власти представляет собой то, что остается за гранью предписанных правил, – способ налаживания отношений продавцов с администрацией (например, покупка администрации вещей по оптовым ценам не только для себя, но и для своих многочисленных знакомых).

Более высокопоставленный сектор системы рынка, налоговая инстанция, порой делает невозможным исполнение правил, предписанных законом. Это связано с тем, что элементы осуществления деятельности пока являются слабо проработанными законодательством, например, это касается требования сертификации товара.

Индивидуальная и коллективная системы защиты прав. В условиях вещевого рынка под открытым небом систему защиты прав торговцев на данном этапе развития можно охарактеризовать как индивидуальную, так как отстаивание прав осуществляется самостоятельно каждым актором исходя из собственных потребностей. Это касается таких вопросов, как конфликты с покупателями и администрацией.

В ходе проведенного опроса ни один из респондентов не смог ответить даже на вопрос о существовании профсоюзов, объясняя это тем, что пользы от обращения не будет. Часто торговцы обсуждают в кругу своих коллег несправедливое отношение к ним со стороны администрации, нарушение прав другими торговцами, но объединение людей для решения ряда вопросов можно наблюдать лишь в качестве исключений.

Причина отсутствия практики объединения – недостаток позитивного опыта, жизненных примеров удачного решения ситуаций. Частный предприниматель желает улучшения плодотворности своей деятельности, вышестоящие же органы, в свою очередь, не могут обеспечить решения некоторых вопросов.

Дуглас Норт утверждает, что «главная функция институтов состоит в реше-

нии проблем кооперации между людьми» [1, с. 15], однако кооперацию в данном секторе пока можно наблюдать лишь с целью снижения риска («я как все, я торгую на нужном месте на законных основаниях»), но не в решении проблем. Приложенные усилия для решения вопроса уступают место породившим их изменениям, что влечет за собой неудовлетворенность и, следовательно, отказ от дальнейших действий. В процессе осуществления деятельности возникает необходимость в решении ряда вопросов, касающихся взаимопомощи и взаимоподдержки, адаптации, осмысления прав и их защиты. Такая практика, как защита прав, своих и общественных, является слабоинституализированной на изучаемом уровне. Профсоюзы, которые должны выполнять функцию интеграции в отстаивании прав, пока не входят в набор поведенческих практик участников рынка.

Д. Норт пишет об институциональных изменениях, которые «ведут к образованию организаций, структурирующих взаимодействие в обществе, а также о роли формальных и неформальных правил в процессе трансформаций» [1, с. 23]. По его мнению, существенное различие между формальными и неформальными правилами состоит в том, что первые можно легко изменить, издав закон или другой документ, регулирующий правила. Неформальные же представляют собой набор традиций, обычаев, то есть это некие константные практики поведения, привычки, которыми люди руководствуются в повседневной жизни. Сегодня институт рынка представляет собой набор преимущественно неформальных ограничений, что тормозит процесс институционализации.

Формальные властные отношения предписывают определенные неформальные стратегии действия со стороны администрации, которые порождают неформальные способы реакции на них, то есть, для того чтобы не вступать в конфликт, частные предприниматели соглашаются на определенные уступки, например на продажу вещей по оптовым ценам сотрудникам администрации и их знакомым. Эти ресурсы являются вспомогательными для поддержания доброжелательных отношений, а значит, для сохранения главной ценности – арендуемого места.

Управление ресурсами и их ценность в системе вещевого рынка. В современном обществе торговля во многом носит оттенки утраченного прошлого, воспроизводясь в новых правилах поведения, формализации социальных отношений. Люди стремятся обойти эти рамки, создавая новые грани повседневности. «В практике современного российского общества формирование гражданского общества означает институциональное оформление новых социальных структур, которые должны обеспечивать демократические и рыночные процессы» [2, с. 94]. С течением времени, с приспособлением населения к современной постреформистской ситуации происходит изменение формальной оболочки практически всех сфер социальной жизни, в том числе и сферы вещевого рынка под открытым небом.

Говоря о системе рынка, обратимся к теории структурализма и понятию социального пространства П. Бурдьё. В качестве основных принципов построения социального пространства выступают различные виды власти или капиталов. Капитал может быть не только материальным, но и культурным, облада-

нием ресурсами отношений, помогающими в осуществлении деятельности [3, с. 65]. Это власть над определенными механизмами осуществления деятельности, такими, как договоренность в оказании услуг по упрощению деятельности в налоговой инстанции или тесные отношения с работниками администрации на рынке. Это структурированное пространство социальных позиций, определяющее свойства поля в целом. Каждая категория интересов содержит в себе индифферентность к другим интересам, к другим инвестициям капитала, которые будут оцениваться в ином поле как лишенные смысла [3, с. 17]. Таким образом, дело продавца является полем более низкого статуса по отношению к институту рынка в целом, имеющим собственную логику поведения, правила, специфические закономерности, в котором акторы пытаются заставить функционировать его в своих интересах.

В 2000 г. торговые места на рынке найти было сложнее, так как на них был высокий спрос. В изучаемой среде участники борются за право обладания определенным набором благ и ресурсов. В структуре рынка главной ценностью выступает торговое место, которого можно легко лишиться, выйдя за рамки регламентированного поведения. Кроме того, немаловажным фактом выступает положение места в пространственной структуре локального сообщества, а значит, и борьба, конкуренция за престижные места. Все это закреплено другим звеном цепи, иерархией и властью со стороны вышестоящих органов по отношению к предпринимателям. Сейчас все больше людей уходит работать в магазины, конкуренция за места снижается, однако цены остаются прежними. Привилегированными являются торговые павильоны и места «субаренды», за которые взимается оплата большего размера. Итак, среди изучаемого локального сообщества существует свое деление, своя социальная стратификация, которая порой не находит формального юридического отражения в учетных документах.

С помощью анализа отношений через призму системы власти и управления со стороны исполняющих обязательства можно раскрыть адаптационные механизмы, которые могут удовлетворять или не удовлетворять потребности участников событий, что влечет за собой способы уклонения или исполнения, в зависимости от предъявляемых требований. Жесткость поставленных правил определяет, могут ли смириться участники событий, будут избегать или исполнять их, а значит, для плодотворного сотрудничества законодательного сектора и частных предпринимателей наилучшим способом решения проблем выступает кооперация или хотя бы совместное обсуждение названного для разработки стратегий действия.

Библиографический список

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – М., 1997.
2. Орлова, Е. В. Предпринимательство в социально-экономическом пространстве современной России [Текст] / Е. В. Орлова, Р. Е. Миронова. – Саратов, 2002.
3. Бурдьё, П. Социология политики [Текст] / П. Бурдьё; пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М., 1993.

И.Б. Богатырев,

*аспирант Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ЦЕЛИ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специфика кадастровой оценки (как, впрочем, и сама необходимость такой оценки) обусловлена действующей системой налогообложения. Безусловно, основное назначение кадастровой оценки земельных участков – это определение налогооблагаемой базы земельного налога. Однако, на наш взгляд, не правомерно сводить функции кадастровой оценки только лишь до фискальной. Методика расчета кадастровой оценки земель поселения должна включать цель стимулирования рационального использования земельных ресурсов. Иными словами, цель кадастровой оценки должна быть шире фискальных задач. Так, например, Земельный кодекс РФ [1] в ст. 65 помимо фискальной цели кадастровой оценки содержит указание на предусмотренные законом «иные случаи» применения результатов такой оценки.

Систематический анализ действующего законодательства обнаруживает ряд ссылок на кадастровую стоимость земельного участка как в Земельном кодексе РФ, так и в других федеральных законах.

Прежде всего, п. 4 ст. 79 Земельного кодекса устанавливает, что особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, в том числе сельскохозяйственные угодья опытно-производственных подразделений научно-исследовательских организаций и учебно-опытных подразделений образовательных учреждений высшего профессионального образования, сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (городскому округу), могут быть в соответствии с законодательством субъектов РФ включены в перечень земель, использование которых для других целей не допускается.

Примечательно, что в первоначальной редакции данная статья содержала еще два пункта, в которых упоминалась кадастровая стоимость. В частности, п. 2 ст. 79 содержал правило, согласно которому для строительства промышленных объектов и иных несельскохозяйственных нужд предоставлялись земли, непригодные для ведения сельскохозяйственного производства, или сельскохозяйственные угодья из земель сельскохозяйственного назначения худшего качества по кадастровой стоимости. Пункт 3 устанавливал ограничения изъятия, в том числе путем выкупа, в целях предоставления для несельскохозяйственного использования сельскохозяйственных угодий, кадастровая стоимость которых превышает свой среднерайонный уровень. Указанные нормы утратили силу с 5 января 2005 г., что вряд ли целесообразно с позиции рационального использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения.

Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [2], регламентируя выкуп земельных участков лицами, которым данные участки принадлежат на праве постоянного (бессрочного) пользования или праве пожизненного наследуемого владения, также обращается к понятию кадастровой стоимости. В частности, п. 7 ст. 10 указанного Закона содержит указание, что такие сельскохозяйственные угодья приобретаются в собственность по цене, установленной законом субъекта РФ в размере не более 20% кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий.

Пункт 3 ст. 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» устанавливает следующее правило в отношении определения размера земельного участка, который выделяется в счет земельной доли. Размер земельного участка, выделяемого в счет земельной доли, определяется на основании данных, указанных в документах, удостоверяющих право на земельную долю. При этом участник долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения вправе выделить в счет своей земельной доли земельный участок, площадь которого больше или меньше площади, указанной в документах, удостоверяющих право на земельную долю, если увеличение или уменьшение площади образуемого земельного участка осуществляется в пределах кадастровой стоимости, установленной для сельскохозяйственных угодий, в границах которых образуется данный земельный участок.

Наконец, п. 5 ст. 13 указанного Закона устанавливает следующее правило в отношении невостребованных земельных долей: земельные доли, собственники которых не распоряжались ими в течение трех и более лет с момента приобретения прав на земельную долю (невостребованные земельные доли), подлежат выделению в земельный участок, в состав которого в первую очередь включаются неиспользуемые земельные участки и земельные участки худшего качества с их оценкой по кадастровой стоимости.

Во всех рассмотренных примерах есть одна общая черта: кадастровая стоимость в них выступает в качестве критерия сравнения, сопоставления различных земельных участков. В этом смысле возникает серьезная проблема, обусловленная применяемыми в настоящее время методиками кадастровой оценки земель в России. Проблема эта заключается в существующем механизме кластеризации объектов кадастровой оценки.

Методическими рекомендациями по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения, утвержденными приказом Министерства экономического развития и торговли РФ от 4 июля 2005 г. № 145 [3], вводится понятие земельно-оценочного района (зона внутри субъекта РФ) как части территории субъекта РФ, достаточно однородной по почвенно-климатическим и экономическим условиям сельскохозяйственного производства. При этом в соответствии с данными методическими рекомендациями определение удельных показателей кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий производится в границах административных районов, землевладений (землепользований). Определение кадастровой стоимости земельного участка в составе земель сельскохозяйственного назначения осуществляется путем умножения удельного показателя кадастровой стоимости земель сельскохозяйствен-

ного назначения, отнесенных к группе, соответствующей функциональному назначению земельного участка, на площадь земельного участка.

Проблема заключается в том, что оцениваемые земельные участки зачастую обладают большой площадью, что не позволяет получить в достаточной степени дифференцированные показатели кадастровой стоимости земель. Другими словами, данная методика дает изначально усредненный результат.

В качестве примера можно привести результаты государственной кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения по Саратовской области, утвержденные постановлением Правительства Саратовской области от 28 марта 2005 г. № 108-П [4]. Из приложения 9 к данному постановлению следует, что удельные показатели кадастровой стоимости определялись по земельным участкам конкретных сельскохозяйственных предприятий (СХПК, КФХ и т.п.) иногда огромной площади. Например, для земельного участка АО «Новостепное» удельный показатель кадастровой стоимости земель первой группы определялся по площади 13 662 га, а для СПК «Южный» – по площади 17 385 га. Более того, эти показатели кадастровой стоимости абсолютно одинаковы. Очевидно, что результаты подобной оценки невозможно использовать для целей, определенных в ст. 79 Земельного кодекса РФ и ст. 10 и 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Для реализации указанных норм необходим иной масштаб оценки.

Некоторыми исследователями предлагается использование результатов кадастровой оценки земель для реализации следующих задач:

- при установлении выкупной цены в случаях изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд;
- при установлении стоимостной базы земельного участка в случаях ипотечного кредитования физических и юридических лиц;
- для информационной поддержки рынка земли, фондового рынка ценных земельных бумаг;
- при установлении стартовой цены земельного участка в случаях его продажи на аукционах и конкурсах; для принятия эффективных градостроительных и инвестиционных решений;
- для эффективного управления земельными ресурсами города и городской недвижимостью в целом [5, с. 145–146].

Далеко не со всеми этими предложениями можно согласиться. В частности, порядок установления выкупной цены земельного участка при его выкупе для государственных или муниципальных нужд регулируется гражданским законодательством. Согласно ст. 281 Гражданского кодекса РФ [6] плата за земельный участок, изымаемый для государственных или муниципальных нужд (выкупная цена), сроки и другие условия выкупа определяются соглашением с собственником участка. При определении выкупной цены в нее включаются рыночная стоимость земельного участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду.

Не следует забывать, что кадастровая оценка имеет административный статус. В гражданско-правовых же отношениях следует опираться на результаты индивидуальной или рыночной оценки. В этой связи не следует размыывать понятие кадастровой стоимости, нагружая его несвойственными значениями.

Как представляется, категория кадастровой стоимости земельного участка могла бы быть воспринята действующим законодательством, например, в части определения ущерба, причиненного окружающей среде (в частности, земле). Статья 254 Уголовного кодекса РФ [7] предусматривает ответственность за порчу земли, а именно: отравление, загрязнение или иную порчу земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Данное преступление в силу своего материального состава будет считаться оконченным, если загрязнение, отравление или иная порча земли повлекли причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. При этом понятие «вред окружающей природной среде» носит оценочный характер. Вред окружающей среде может выражаться в гибели растительности, растительных и иных животных, приведении почвы в состояние, не пригодное для использования в сельском хозяйстве или для выполнения экологических функций. В этом смысле понятие кадастровой стоимости земли могло бы способствовать установлению критериев размера вреда, причиненного окружающей среде, достаточного для привлечения к уголовной ответственности.

То же касается и административного законодательства. Согласно ст. 3.5 КоАП РФ [8] административный штраф представляет собой денежное взыскание, которое может выражаться, в частности, в величине, кратной стоимости предмета административного правонарушения на момент окончания или пресечения административного правонарушения. Например, согласно ч. 2 ст. 8.17 нарушение правил добычи (промысла) водных биологических (живых) ресурсов и их охраны либо условий лицензии на водопользование, разрешения (лицензии) на промысел водных биологических (живых) ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа и (или) исключительной экономической зоны Российской Федерации влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной второй до одного размера стоимости водных биологических (живых) ресурсов, явившихся предметом административного правонарушения, с конфискацией судна и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой; на должностных лиц – от одного до полуторакратного размера стоимости водных биологических (живых) ресурсов, явившихся предметом административного правонарушения, с конфискацией судна и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой; на юридических лиц – от двукратного до трехкратного размера стоимости водных биологических (живых) ресурсов, явившихся предметом административного правонаруше-

ния, с конфискацией судна и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой.

С учетом результатов кадастровой оценки земель аналогичным образом может быть сформулирована санкция норм, устанавливающих ответственность за административные правонарушения, связанные с нерациональным использованием или порчей земель (ст. 8.6, 8.7, 8.8. и др.).

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что означенные в Земельном кодексе РФ «иные» (т.е. помимо фискальных) цели кадастровой оценки сводятся к обеспечению рационального использования и охраны земель. Таким образом, целью кадастровой оценки является определение налогооблагаемой базы земельного налога, а также обеспечение рационального использования и охраны земель.

Библиографический список

1. Земельный кодекс РФ [Текст] // СЗ РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147; 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 24; № 10. – Ст. 1148.
2. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3018; 2007. – № 7. – Ст. 832.
3. Приказ Минэкономразвития РФ от 4 июля 2005 г. № 145 «Об утверждении Методических рекомендаций по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения» [Электронный ресурс] // Правовая система «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства Саратовской области от 28 марта 2005 г. № 108-П «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель в Саратовской области» [Текст] // Неделя области. – 2005. – 6 апр. – № 19 (137); 9 апр. – № 21 (139); 16 апр. – № 23 (141); 23 апр. – № 25 (143); 27 апр. – № 27 (145); 30 апр. – № 28 (146).
5. *Скуфинский, О. А.* Оценка городских земель для целей налогообложения и иных государственных целей [Текст] : автореф. дис. ... канд. экон. наук / О. А. Скуфинский. – Воронеж, 2000.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2007. – № 7. – Ст. 834.
7. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 46.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Текст] // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1; № 18. – Ст. 1721; № 30. – Ст. 3029; № 44. – Ст. 4295; 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 21, 25, 29, 33.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

И.В. Марятов,

заведующий сектором качества образования
Центра образования и инновационного развития
Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И РОЛЬ МЕНЕДЖМЕНТА В ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИИ

Исследование вопросов, касающихся качества жизни и роли менеджмента в его обеспечении, следует проводить на основе изучения соответствующих понятий.

Понятие «качество». Результаты анализа (стратификации) этого понятия приводят к выводу, что качество имеет два компонента:

– *внутреннее содержание* (сущность) объекта (структура; характеристики; технические, эксплуатационные, потребительские и т.п. показатели);

– *свойство(а)* (смысл) объекта (отличительная особенность объекта, проявляющаяся во взаимодействии с другими объектами).

Обращает на себя внимание и тот факт, что английское слово *quality* переводится в двух синонимических значениях: *качество* и *свойство*. Такое понятие качества подтверждает представление, что «качество – это свойство продукции и / или услуги, возникающее при взаимодействии изготовителя и потребителя через продукцию и / или услугу» [1].

Наличие неоднозначных суждений о различных понятиях, в том числе и о качестве, приводит к необходимости использовать операциональные определения.

Операциональное определение – это ясное, детальное и понятное описание того, как интерпретировать данные или события и получать однозначную и непротиворечивую информацию. Чтобы определение «работало» на практике, оно должно быть операциональным, то есть понятным и практически действующим и проверяемым [2].

Операциональное определение дает возможность установить *целевую ориентацию* практических действий. В понятии «качество» такой ориентацией

является *цель* изготовления продукции (исполнения услуги) – выполнение требований потребителя.

Понятие **«качество жизни»** формулируется на основе более общего термина «качества» и принципа операционального определения.

Определение «качество жизни» складывается из двух составляющих: с одной стороны – окружающая среда, которая обладает возможностью и способностью обеспечить человека средствами и способами удовлетворения потребностей, с другой стороны – человек, который способен эти возможности использовать для удовлетворения своих потребностей с помощью личных соответствующих ресурсов.

В качестве операционального определения качества жизни можно предложить следующую формулировку: *это совокупность свойств окружающей среды (главным образом – общества) обеспечивать, а человека – использовать средства и способы удовлетворения потребностей с целью обеспечения и развития своей жизни, жизни человеческого сообщества.* Здесь окружающая среда – совокупность внешних физических и социокультурных условий, влияющих на индивида, группу, общность [3, с. 219].

Человек для общества является определяющим ресурсом. Соответственно, общество обязано относиться к нему (и к населению в целом) таким образом, чтобы оберегать его, поддерживать его здоровье и обеспечивать образование, которое отображает ступени вхождения человека в общество [4, с. 297]. В связи с этим общество в лице своих органов власти обязано обеспечить, организовать производство средств и исполнение способов удовлетворения потребностей для своих граждан, предоставлять им возможность приобретения и использования их. Человек же, со своей стороны, должен иметь свои личные ресурсы (физические, интеллектуальные, имущественные) для обмена их на недостающие ему средства и способы удовлетворения своих личных потребностей. В таком случае, если общество способно обеспечить человека всем необходимым, а человек способен воспользоваться этим, то есть когда средства и способы удовлетворения потребностей между человеком и обществом происходит взаимодействие, проявляется свойство, которое определяется понятием «качество жизни».

Функцию обеспечения жизнедеятельности человека общество у природы перенимало шаг за шагом в течение нескольких тысячелетий. И теперь оно в лице хозяйствующих субъектов производит продукты питания, шьет одежду и обувь, строит дома и пути сообщения, изготавливает средства связи и транспортные средства. В лице органов власти общество организует, координирует и контролирует финансово-хозяйственную деятельность, обучает и обеспечивает безопасность и многое другое. Теперь государственные и общественные институты обеспечивают качество жизни, осуществляют менеджмент качества жизни населения в целом, каждого человека в частности.

Принимая в качестве цели деятельности органов власти обеспечение качества жизни, тем самым определяем четкую целевую ориентацию и практическую направленность работы органов власти и всех ее ветвей и уровней – осуществление менеджмента по обеспечению качества жизни.

Формулирование цели значительно упрощает задачу оценки результативно-

сти и эффективности деятельности органов власти, появляется возможность создания механизма оперативного управления этой деятельностью.

Процессы. Менеджмент. Управление. Система. Обеспечение качества жизни осуществляется различными процессами. Используя принципы операционального определения, автор предлагает классификацию процессов по критерии назначения и их определения.

Созидательные (или производственные) – процессы изготовления продукции и / или оказания услуги. Это процессы, в которых каждая операция, каждое действие, следующие друг за другом, добавляют ценность (полезность, стоимость) продукции (услуге).

Ресурсные – процессы поиска, выбора и оценки ресурсов и их поставщиков, доставки ресурсов к месту изготовления (исполнения). Их цель – обеспечение необходимыми ресурсами созидательных процессов.

Организационные – процессы, ведущие к образованию, координации и совершенствованию взаимосвязей между частями целого. Это процессы менеджмента: определение миссии, стратегии и целей организации, разработка программ и планов, принятие и реализация решений, координация действий по реализации, создание системы управления организацией.

Процессы управления – процессы, обеспечивающие сохранение параметров и характеристик системы, поддержание режимов деятельности, реализацию программы, целей деятельности. Содержание процессов управления: оперативная реакция на отклонения, на несоответствия, мониторинг созидательного, ресурсного и / или организационного процессов с целью извлечения информации, способствующей поддержанию режима их деятельности.

Данные процессы включают в себя следующее:

выявление несоответствий и отклонений и их устранение;

выявление причин несоответствий и отклонений;

проведение корректирующих мероприятий (устранение причин);

предупреждение несоответствий и отклонений.

Доминирующим процессом является созидательный, так как он создает продукцию, способную удовлетворить требования потребителя.

Предложенная классификация процессов помогает более четко определить структуру и содержание скоординированной деятельности по руководству организацией, то есть менеджмента [5]. Операциональное определение менеджмента с учетом процессного подхода следующее: *«Профессиональная деятельность по организации, осуществлению и координации взаимодействующих процессов в целях достижения желаемых результатов».*

Управление же – «... функция, обеспечивающая сохранение определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [3, с. 380]. Другими словами, управление – это оперативное действие по обеспечению соответствия того, что осуществляется, реализуется – создается менеджментом.

Эти два схожих вида деятельности имеют и существенные различия. Для практического осуществления менеджмента и управления требуются различные практические знания, умения, навыки и соответствующий опыт работы.

Различны и результаты деятельности: менеджмента – создание (чего-либо), управления – обеспечение *создания* чего-либо в соответствии с требованиями. Тем не менее, осуществляться оба вида деятельности должны одновременно и взаимосвязанно.

Понятие «система». По мнению Деминга [2], система – сеть взаимосвязанных компонентов, которые работают вместе с тем, чтобы выполнить цель системы.

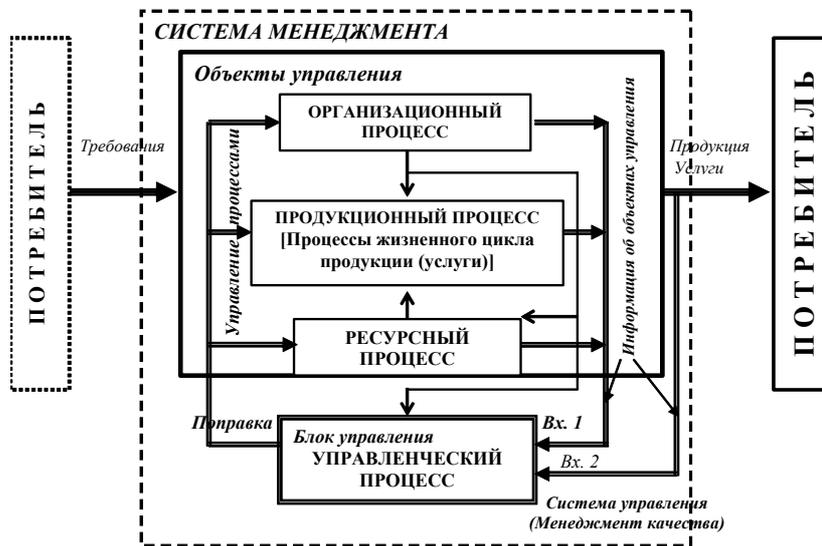
Система имеет две составляющие: статическую и динамическую.

Статическая – это иерархическая структура, имеющая элементы и их совокупности, связанные между собой определенным образом.

Динамическая – это функция системы, которая осуществляет действия по устранению рассогласования между требуемым состоянием и реальным. Или другими словами – это действия по обеспечению, поддержанию соответствия между требуемым и реальным состоянием.

Однако качество, по определению ГОСТ Р ИСО 9000:2001, это «...степень *соответствия* ... характеристик требованиям». Это означает, что система выполняет то, чему по данному определению предназначено быть деятельности в области качества – обеспечивать и поддерживать соответствие.

Взяв за основу определения из ГОСТ Р ИСО 9000:2001 и используя предложенную классификацию процессов, можно построить схему системы менеджмента организации в общем виде (рисунок).

Общий вид системы менеджмента

Система менеджмента организации структурно представляет собой два типовых блока:

1) объект управления – скоординированная и взаимосвязанная совокупность методов и средств *осуществления* производственного, ресурсного и орга-

низационного процессов и общим результатом которых является изготавливаемая продукция (исполняемая услуга);

2) блок управления, представляющий собой скоординированную и взаимосвязанную совокупность методов и средств *обеспечения деятельности* объекта управления в *заданном режиме*.

Блок управления совместно с входом «Требования», входами «Информация об объектах управления» и выходом «Управление процессами» образует обратную связь системы менеджмента организации, одновременно являясь «системой управления» «системы менеджмента».

Операциональное определение понятий четко конкретизирует целевую ориентацию и подсказывает практическое направление деятельности. Тем самым представляется возможность сформулировать и официально признать практическую деятельность, осуществляемую органами государственного и муниципально-го управления, деятельностью по обеспечению качества жизни населения, включающую в себя менеджмент и управление качеством жизни, с целью профессионального осуществления этих видов деятельности разработать и ввести в действие механизм осуществления этой деятельности, используя при этом процессный и системный подходы. Этим механизмом является система менеджмента.

Библиографический список

1. Шпер, В. Л. Снова о качестве, определениях и сопутствующих материях [Текст] / В. Л. Шпер // Методы менеджмента качества. – 2002. – № 1. – С. 43–47.
2. Deming, W. Edwards (William Edwards). The new economics for industry, government, education [Текст] / W. Edwards Deming. – 1900.
3. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках [Текст] / ред.-координатор Г. В. Осипов. – М., 2000.
4. Справочник менеджера образования [Текст] : в 2 т. / сост. В. С. Гиршович. – М., 1995. – Т. 2.
5. Глуценко, В. В. Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования [Текст] / В. В. Глуценко, И. И. Глуценко. – Железнодорожный, 2000.

Ф.М. Кочетков,

преподаватель Саратовской государственной академии права

ЦЕЛОКУПНОСТЬ БЫТИЯ И ТВОРЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Если взять в качестве базисного тезиса о неделимости бытия, то само понимание того, что есть здесь «неделимость», может быть различным, зависящим от того, что понимается под понятием «бытие».

Если бытие понимается как *совокупность* предметов и явлений, его состав-

ляющих, совокупность всего того, что в него входит, то главным свойством такого бытия является протяженность, понимаемая как нечто, связанное с объемом. Свойство «вместительности» бытия определяет здесь, таким образом, и суть предметов, входящих в него.

Совокупность чего-либо может и не предполагать связи того, что через нее определяется. Так, например, слово «куча» не определяет того, что в нее входит, но то, что входит в кучу, определяет и ее саму, будучи при этом лишено необходимости быть связанным между собою. «Связанным» – в значении взаимодействия. Куча хвороста и куча разнородных предметов, смешанные в одну кучу, не образуют новый статус кучи, поскольку, как и совокупность кучи хвороста не предполагает взаимодействия отдельных, но совокупных хворостинок, а куча разнородных предметов – взаимодействия этих смешанных предметов, новая куча остается кучей в смысле неопределенной однородности разнородных предметов.

Бытие, понимаемое как вместительность такой кучи разнородных предметов, явлений и процессов, не предполагает никакого их взаимодействия, как не предполагает и взаимодействия самого бытия с кучей. Оно неделимо в том смысле, что объединяет в себе неделимые ни по какому взаимодействующему признаку предметы, определяющие его сущностную вместительность. Каждый из предметов тем не менее представляет собой нечто целокупное и автономное.

Если же под понятием «бытие» понимается некая *целокупность*, ситуация представляется совершенно иной – та же самая куча может быть представлена как непрерывное взаимодействие всего того, что в нее входит, причем утрата любой из составляющих ее частей ведет к полному изменению сущности этой кучи. Так, можно сказать, что куча хворостинок без одной хворостинки (каждая из них – уникальная целокупность) – это уже другая куча, а бытие без одной из взаимодействующих целокупностей – это уже другое бытие.

Поскольку же тезис о неделимости бытия может быть взят в качестве базисного, представить себе выход одной из уникальных целокупностей бытия за его пределы представляется невозможным.

Всякое явление, предмет, все наличествующее в бытии составляют содержание этого бытия, его целокупную сущность. В противном случае куча являлась бы *иным бытием внутри содержащего ее бытия*, а тезис о неделимости бытия не предполагает такого многообразия. Для понятия «бытие» нет множественного числа.

Целокупное взаимодействие целокупных предметов, процессов и явлений бытия предполагает не только взаимодействие-вообще (т.е. взаимодействие между собой и каждого – с бытием), но и деятельное взаимодействие, сохраняющее структуру этого бытия (т.е. взаимодействие здесь и являет собой бытие, взаимодействие – это бытие). В этом случае бытие не может быть понято как вместительность, поскольку то, чем оно являет себя, находится не внутри бытия, а, собственно, и является бытием. Так, не пустота внутри мяча формирует мяч, а структура мяча допускает пустоту внутри себя. При этом пустота не составляет сущностного свойства мяча, так как мяч может быть и цельным.

Это бытие неделимо в том смысле, что утрата любой из составляющих его взаимодействующих целокупностей привело бы к уничтожению целокупности бытия в целом. *Целокупность неделима.*

Таким образом, принцип взаимодействия всего со всем вытекает из неделимой целокупности бытия.

Внутри этой целокупности тем не менее можно заметить определенную тенденцию, которая, при всей своей внешней безобидности, несет в себе угрозу не только творцам этой тенденции, но и бытию в целом. Не столько сам человек разрушает окружающее его бытие, сколько то в человеке, что является его уникальным свойством, – воля к творчеству, воля к созданию *нового*. Творчество, рассмотренное онтологически, в свете принципа взаимодействия всего со всем, может быть рассмотрено как антибытийственный акт.

Итак, одним из уникальных для бытия свойств человеческой природы является его воля к творчеству как к преобразующему и образующему человеческую действительность акту. Это утверждение может показаться избитым, однако нетрудно заметить, что ни одно живое существо в мире, ни один организм, ни один объект материального мира *не творит*. Способностью креативности обладает только бытие, и это свойство ощутил только человек.

Следует, однако, отметить, что креативность бытия принципиально отличается от творчества человека. Бытие сотворяет вновь и вновь только то, что уже присутствовало в нем или присутствует сейчас. Оно не творит нового в сущностном смысле, но творит в качественном и количественном. В бытии не появляются предметы, которые можно было бы называть сущностно новыми. Это можно проиллюстрировать тем, что появление в мире, например, нового оврага не предполагает его сущностной уникальности – в мире уже есть овраги. Все, что появляется в мире, является воспроизведением бытийствующими самими себя или воспроизведением бытием того, что уже было или уже есть. «Творчество бытия» поэтому не есть творчество в полном смысле этого слова.

Только человек создает то, чего никогда не было, то, что не имеет потенциал к реализации, исходящих из природы самого бытия. Человек стал создавать вещи, не способные воспроизводить самое себя и которые никогда не наличествовали в бытии. Исходя из этого, можно утверждать, что все эти предметы по своей сути чужды миру, они не могут быть участниками онтологического взаимодействия, поскольку не могут вступать ни в какие взаимодействующие отношения с бытием. В этом смысле для целокупного бытия они *не должны* существовать.

Поэтому можно утверждать, что даже замкнутую на себе креативность бытия человек ощутил творчески, то есть исказив (преобразовав) механизм бытийственного процесса.

Соответственно, воля к творчеству, являясь единственным, что отличает человека от всего бытия, в то же время и «вырывает» его из него. В творчестве человек отчуждает себя от бытия, и, как кажется, именно творчество стало причиной его потаенного желания выхода из этого бытия в *ничто*, то есть стремления к несуществованию. Тем самым творчество человека есть антибытийственный процесс, поскольку создаваемые человеком предметы и культур-

ные явления не укладываются в структуру онтологического взаимодействия всего со всем. В этом смысле все то, что создано человеком, не нужно бытию, которое, в своей целокупности, уже имеет то, что и образует это бытие.

Воля к творчеству стала причиной того, что человек начал создавать в бытии иное бытие, что по своей сути есть уничтожение целокупности бытия. Степень развития этого процесса на настоящий момент можно выявить онтокоммуникативной бедностью человека, а также многими фактами его неспособности к гармоничному существованию в мире и с миром. Кроме того, внутри самого творчества можно выделить определенные тенденции, раскрывающие суть антибытийственной направленности всякого человеческого творческого акта.

Нетрудно заметить, что всё представление о прекрасном, которое и позволяет называть что-либо таковым, а противоположное уродливым, ориентируется с точки зрения существующей эстетической традиции на мир, мало сопоставимый с окружающим, то есть действительным миром. В эстетически-идеалистическом «каноне», который практически не менялся со времен Платона и неоплатоников, прочно укоренилась мысль о том, что мир, из которого мы черпаем понятие о прекрасном, есть некий Абсолют, некое Совершенство Красоты, Духовности и Мудрости. Этот мир видится совершенным идеалом того, что здесь существует «слабым», «несовершенным», «слишком человеческим» и т.д.

Достичь совершенной гармонии идеального мира невозможно, что часто доказывается извечным *Scio me nihil scire*, а также мимолетностью человеческой жизни и бесконечностью этого пути.

Однако можно отметить ряд особенностей оценки окружающей нас действительности, оценки, оперирующей такими понятиями, как «красота», «добро», которые, как кажется, способны пролить некий свет на то, каким представляется оценивающему инобытийный мир прекрасного и доброго, тот мир, слабым отражением красоты которого довольствуется наш. Здесь можно подметить ряд интересных эстетических особенностей.

Мы никогда не скажем, что дворец, построенный год назад, есть «Абсолют», «музыка в камне» и т.п. Зато через 100–200 лет тот же самый дворец, с покосившимися стенами, облупившейся краской и пыльным чердаком, начнет постепенно вызывать восторг у поэтов и художников, а еще через некоторое время, когда от дворца останутся лишь развалины, этот восторг популяризируется, восхищение достигнет предела – руины обростут легендами, их включат в туристические маршруты.

Гниль, мусор и влажная тьма петербургских дворов-колодцев – неистощимый источник вдохновения (одним из множества примеров тому может быть почти вся петербургская рок-музыка 1980–1990-х годов). Кошунственным покажется предложение сноса домов, в которых, не обращая внимания на поэзию, множатся туберкулезные палочки, а психические и физические отклонения, в совокупности с пьянством и наркоманией, становятся нормой.

Никто, кроме возлюбленной, не скажет здравствующему поэту или художнику, что плод его таланта божествен, никто не увидит в нем «глас эпохи», «совесть нации» и т.д. Но стоит только творцу заболеть, а еще лучше погибнуть, а еще лучше погибнуть трагически или «при невыясненных обстоятель-

ствах», как начнет расти армия почитателей его искусства, начнет плодиться число знатоков, которые будут упорно убеждать других, что только они понимают, насколько гениальным был погибший. Всем известно, что гением можно стать только посмертно.

Примечательно и то, что о покойниках нельзя говорить плохо. Они уже не в этом мире, а там, где они теперь, – плохому нет места.

Поэзия, пропитанная запахом смерти, всегда привлекательнее, чем панегирики здоровью и благополучию. *Должно* быть слегка умирающим, чтобы обратить на себя благосклонное внимание читателя и критики.

Сухое дерево, высохший ручей, разнообразная могильная атрибутика, разбитое зеркало – традиционные символы того, что представляется наполненным образностью и значением; все живое, цветущее, здоровое и молодое воспринимается не иначе как что-то неинтересное, прозаичное, бессмысленное, если вообще воспринимается чем-то таким, что достойно иметь смысл.

Мало кто обращает внимание на то, что всякое явление, всякий предмет, деяние, которые мы называем прекрасными, тем прекраснее и привлекательнее для нас, чем ближе они к небытию, к *ничто*. Таким образом, можно прийти к интересному выводу о том, что мир Абсолюта прекрасного, в рассматриваемой традиции, и есть скорее всего Ничто, поскольку все то, что окружает нас и полагается при этом прекрасным, либо уже находится в Ничто, либо очень близко к нему.

Как создать «бессмертное произведение искусства»? Необходимо надеть его смертностью, уродствами, отклонениями или же изобразить что-либо уже мертвое, странное, психически неполноценное. Иллюстрацией последнего утверждения может быть популярный в свое время «Дневник одного гения» Сальвадора Дали [1].

«Сбивающиеся с пути, извращенные, дисгармонические характеры и душевнобольные составляют призрачную толпу героев Достоевского. Ни один из них не здоров душевно, ни один не живет жизнью обычных людей. Дикие, необузданные страсти руководят их поступками, они как бы оборачиваются своим бессознательным к читателю и открывают необычайные тайны своей душевной жизни» [2, с. 86–87]. При этом Достоевский более любим критиками и ценителями словесности, чем, например, Н.С. Лесков, у которого, за исключением «Леди Макбет Мценского уезда», трудно найти произведение, идеи которого были бы интересны психоаналитику.

Ничто – вот неявно предписываемый критерий красоты, а следовательно, Мир Абсолютной Гармонии есть мир небытия, где действительно все гармонизировано, ибо ничего и нет. Абсолют Прекрасного – не мир идей, а мир Абсолютного Отсутствия, Мир Абсолютного Ничто. «Нельзя отрицать... что психопатологическое явление обладает некой притягательной силой для здорового человека» [3, с. 177]. Также нельзя отрицать и того, что эта притягательность отражает ту угрозу, которая значима не только для единичного человека, но и для бытия в целом, в целокупность которого вносится некое иное бытие, которое по отношению к бытию действительному является тем, что может быть названо термином «Ничто, которое ничтожит».

Творчество не столько способствует постижению иного прекрасного и его реализации в окружающем мире, сколько приводит к сознательному или бессознательному уходу от действительного мира в область того, что этим миром быть не может. При этом несоответствие мнимого и реального может быть одной из причин того, что человек перестает понимать смысл продолжения своего существования внутри бытия, которое так сильно отличается от потенциальной красоты мыслимого.

Возможен и такой ход мысли, который приводит к заключению, суть которого в том, что к этому Абсолюту, в силу изложенного, ближе то, что по своей сути уродливо, поскольку через осознание его можно выйти на не-зеркальное понимание онтологически прекрасного.

Таким образом, творчество человека может быть представлено антибытийственным актом с двух различных позиций: во-первых, оно разрушает сущее, образуя внутри целокупного бытия некое новое бытие, не способное к взаимодействию с изначальным бытием, что противоречит природе бытийственной целокупности, а во-вторых, оно ничтожит интерес человека к тому, что является живым внутри окружающего его бытия, частью которого является он сам: искусство тяготеет к смерти, старости и патологии, подменяя ими ценность бытийно здорового и воспроизводящего *самое себя* существования.

Библиографический список

1. Дали, С. Дневник одного гения [Текст] / С. Дали / пер. с фр. Н. О. Захаровой. – М., 1991.
2. Нейфельд, И. Достоевский: психоаналитический очерк [Текст] / Иолан Нейфельд; под ред. З. Фрейда; пер. с нем. Я. Друскина. – Л.; М., 1925.
3. Горбовский, А. А. Закрытые страницы истории [Текст] / А. А. Горбовский, Ю. С. Семенов. – М., 1988.

Л.А. Голдобина,
ассистент Ульяновского государственного
технического университета

ОНТОЛОГИЯ РОДА: ЭКСПЛИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ

Одной из главнейших проблем современности, в которой сфокусировались перспективы разрешения многих вопросов повседневной жизни и возможного будущего человечества, выступает, на наш взгляд, обретение «целостности бытия». Именно сегодня мы слышим ее пронзительное звучание в «дисгармонии сфер»: человека, общества, природы; духа и материальности; этики и науки; творчества и репродукции. Для нахождения путей и форм разрешения обозначенной проблемы необходимо, по нашему мнению, обратиться к базовой теме философствования, а именно: осмыслению сути бытия.

Бытие – древнейший, первоосновной смысл, которым живет человеческое сознание «многие лета» до того, как он был понятийно оформлен. Трудно назвать другое философское понятие, которое, будучи постоянным спутником человеческой мысли, оставалось столь по-разному воспринимаемым, неоднозначным, таинственным. Оно рождалось снова и снова не просто как умозрительное обобщение, интеллектуальная абстракция, но как «жизнепереживание» (Л.А. Коган). Однако вопрос о смысле, об истине бытия остается по-прежнему открытым. Можно предложить еще один горизонт его осмысления: раскрыть бытие как род, или бытие-в-роде (бытие бытующее в качестве рода). Поиск языка, в котором можно представить онтологию рода как способа и формы бытования бытия, – одна из основных задач данного исследования.

Проблематизация темы бытия как особого рода является одной из отправных точек для построения самых разнообразных онтологических конструкций и систем. Впервые подобная проблематика наблюдается уже в мифологических представлениях, затем в религиозно-философских системах, «учениях» о происхождении и устройстве мироздания и философских концепциях. Актуальна эта тема и сегодня. Постигание родового содержания бытия открывает путь к осмыслению онтологии человека и общества, пониманию пространственно-временной со-бытийности как сущностной основы всего происходящего.

Обращение к философско-этимологическому анализу слова «род» позволяет выявить, с одной стороны, его многозначность и многомерность в языке, а с другой – важность для понимания глубинных экзистенциальных основ человека, сущности общества, где «род» с древнейших времен оказывается смыслом, тесно включенным в картину бытия социального мира, по сути оказываясь универсалией любой формы человеческой культуры.

В современном русском языке понятие «род» употребляется достаточно часто, но, как правило, лишь в одном из своих значений, используемом в логике. Здесь род (или тип) выступает классификационной единицей, которая объединяет близкие виды, и сама, в свою очередь, подвергается зачислению в более общую группу – класс. Таким образом, «род» предстает как формально-логическая реалья, выполняющая роль упорядочения и, тем самым, познания мира. Следует признать, что подобный подход к трактовке «рода» является традиционным и наиболее распространенным.

Однако семантика понятия этим не исчерпывается, напротив, выявляются иные, маргинальные, смысловые моменты, без которых невозможна полнота содержания понятия. Будучи «вытесненными» из активного словоупотребления, они тем не менее выполняют значимую роль в мировосприятии и мироорганизации. Род выступает универсалией мировосприятия, формой осмысления (представления) мировой целостности, а также способом конституирования бытия. Осмысление жизни и смерти, причинно-следственных связей, многообразия и изменчивости мира, его трагических конфликтов и противоречий, отношений внутри социума и отношение социума к природной и трансцендентной реальностям – все это представлено в смысловой структуре слова «род». Можно говорить о концептуализирующей роли этого слова в миропонимании и миропредставлении и, следовательно, характеризовать «род» в ка-

честве не столько понятия, сколько концепта. Тем самым род оказывается не только логическим и гносеологическим инструментом, но и специфической мироупорядочивающей структурой, обладающей онтологическими качествами, которые обуславливают существование рода как онтологической реальности. И эта реальность имеет свой собственный способ бытования, являемый в организации социальной и человеческой жизни.

Бытие-в-роде мыслится нами как реальность особого порядка: со-стояние, представляющее собой единство переопределяющихся со-бытий. Следовательно, род есть со-в-местность со-бытующих реалий. «Стояние» реалий, по сути, возможно только как их нахождение в отношении динамичной взаимоположенности, означающей обусловленность друг другом и удержание друг друга в-месте. При этом параметры от-ношения нестабильны, что и обеспечивает напряженность и динамизм со-стояния бытийствующих реалий. Статус реальности как рода заключается не просто в наличии многих элементов, а в их динамичном от-ношении, предполагающем как изменение положения друг к другу (пространственного, временного), так и воздействия друг на друга. Отношение мы определяем как со-стояние контекстуальной взаимозависимости со-бытий. «Место» (некий «контекст»), о котором говорится в определениях (стояние в-месте, со-в-местность), мы бы охарактеризовали как «присутствие» (то, что можно назвать словом «вот»), фиксирующее-хранящее-преображающее со-бытийный опыт. Таким образом, «стояние» («бытие») реалий осуществляется в креативной преемственности.

Со-бытийность является, по сути, выражением универсальных связей, которые обеспечивают как космический порядок, так и общественное бытие в качестве его составляющей (момента космического бытия). Бытие в целом – не просто вещи и события сами по себе, а их единство, всеобщая природа, вселенская взаимосвязь. Целостность бытия-в-роде характеризуется принципом «все во всем и через все», проходящим через всю историю философской мысли. В нем фиксируется родовая со-бытийная связанность всего сущего. В сущностной (точнее, родовой) взаимосвязи со-бытий (реалий) заключается «радикальная относительность» Универсума. Взаимосвязь вещей есть их со-вместность в событии. Все в мире относительно (со-относительно): все соотносится со всем, любое состояние, событие, вещь могут быть определены лишь в родовой связи становящихся событий.

Роль целого как интегративно-структурирующего, конституирующего (порождающего) начала неоднократно подчеркивается в истории философии. При этом целостность мыслится как творчески конституируемый порядок самобытия, порядок мирообновления. В размышлениях о целостности философы приходят к ее трактовке не в качестве цели, или самоцели, но прежде всего как основного принципа бытия: речь идет о «целостности развития», «единстве многообразия», определяющими моментами которого выступают внутреннее единство, самодостаточность, обусловленность внутренней активностью. Отметим, что родовой целостности свойственно общее генетическое единство образующих ее со-бытий, рождающее новые со-стояния. Каждое со-бытие такого единства несет память о предшествующем состоянии и уже чревато

новым рождением (потенциалом нового рождения). Каждое родовое со-бытие можно определить одновременно как рождающее и рождаемое, как предшествующее и последующее в динамичном единстве родовой континуальности. Родовая целостность является постоянно меняющейся и неистощимой в творчестве новых форм со-бытийного переопределения «определенностей».

Так мы обнаруживаем другое родовое качество – динамичность. Экскурс в историю показывает, что еще в античной философии обращалось внимание на универсальный динамизм, свойственный всему: единство сущего как первоначало вещей в большинстве случаев мыслилось как единство динамичное (единство изменений). Поэтому для описания субстанции бытия первые философы использовали метафоры стихий – вода, воздух, огонь. Динамизм являлся фундаментальным свойством первоначала, которое порождает, поддерживает и «питает» все вещи. Являясь, таким образом, характеристикой родовой бытия, динамизм нередко отождествляется с непредсказуемой изменчивостью: «Все течет, все изменяется».

Поиск субстанциальной основы бытия и целостности мироздания в античном представлении приводит к идее однородности всего существующего, ведь даже противоположности в диалектике Гераклита единосущны: «Тожественен прямой и кривой путь у ваяльного винта», «расходящееся согласуется с собой» [1, с. 20]. Гераклит, утверждавший, что все течет, тем не менее признавал, что космос един и вечен, бытие, изменяясь, покоится. Неподвижность как характеристика бытия в философии Парменида не означает застылости, мертвенности. Она призвана выразить присущую бытию однородность, целокупность, совершенство, вечность. Сущность такого бытия, мыслимого как Единое, отрицает всякую разделенность: бытие не может быть разъединено ни пространством, ни временем, ни изменением. Это своего рода континуальность, потенциально порождающая мир качественного многообразия.

Итак, единство со-стояний родовой целостности представляется нами в качестве динамичной континуальности: взаимоопределяющиеся «определенности» оказываются связанными в универсальный узел со-бытийствующего изменения. Так, мыслимое бытие есть живая, постоянно возобновляемая целостность переопределяющихся со-бытий. Исходя из этого, бытие как род можно определить как динамичный континуум, характеризующийся «универсальной связанностью со-стояний» [2, с. 14]. Целостность со-бытия состоит из целостности его изменений: нет локальных изменений, энергетические импульсы которых не затрагивали бы, не оказывали влияния на другие «локусы». Поскольку речь идет о динамичном континууме, то каждое изменение в такой целостности отражается на состоянии всей целостности, рождая возможные новые события. Континуальность бытия рода проявляется также в том, что содержание любой вещи (объекта, события) сохраняется – опространствуется, овременяется – воспроизводясь в контексте новых со-стояний.

Взаимопрезентативными свойствами динамики родовой целостности бытия являются сохранение и изменение. Их сопряжение выражается понятием «изменяемость», которая характеризует онтологическое время рода, мыслимое как со-бытийная длительность – беспрерывное изобретение нового. Для-

щееся – это исполненное-истекаемое-хранимое. В истечении со-бытий определяется спонтанная возможность «следующего», находит выражение его непредсказуемость и уникальность. Пред-шествующее и по-следующее в роде – две его неразрывные *со-ставляющие* (или со-стояния разных, но обуславливающих друг друга реалий), неотделимость которых проявляется в их совместной активности: взаимозависимости, взаимопревращаемости. По-следовательность в данном разрезе представляется разнообразно. Во-первых, как сохраняемость признаков, характеристик предшествующего, их воспроизводимость, наследственность, потомственность в последующем. Во-вторых, последовательность здесь может определяться как наличие заданного направления следования, при этом не отрицаются возможные изменения и трансформации. В-третьих, последовательность предполагает направляемость, о-предел-енность родом, который о-граничивает свой ряд-род от возможного другого, определяет их допустимую со-вместность (что проявляется, например, в отделении родного от не-родного). В-четвертых, она может обозначать постоянную развертываемость, раскрываемость.

Родовость бытия есть развитие в за-предельность, устремленность в «следующее». Каждый момент длительности доставляет новое, не бывшее ранее, непредвиденное. Родовая целостность складывается из взаимоотношений *становящихся* событий, является постоянно меняющейся и неистощимой в творчестве новых форм со-бытийного процесса переопределения определенностей. *Становление* есть, как это ни парадоксально, со-стояние устойчивости бытийной целостности, ее жизнеспособности (проявляющейся в ее родовитости). Понятие «становление» раскрывает трансфинитный характер бытия-в-роде. Поэтому само «становление» необходимо рассматривать, на наш взгляд, как со-стоятельный родовой момент, а не как «недород», «недобытие» (которые представляют собой все же определенную, «состоявшуюся сущность»).

Присущая роду динамика имеет внутренний характер, определяется внутренней причиной и источником. Потенциальность в качестве родовой «силы» и самообусловленность являются теми со-стоящими реалиями, которые обеспечивают родовую динамику и характеризуют ее. Имманентное присутствие потенциала в со-бытии является творческой силой, влекущей к родовым проис-шествиям. Потенциал может быть помыслен как зародыш нового, воплощающийся в роде бытия. Непредсказуемость родового со-бытия может выражаться, например, в том, что одни и те же следствия могут вытекать из различной комбинации причин, а одни и те же причины могут приводить к различным следствиям.

Таким образом, родовая динамика находит выражение в таком родовом свойстве бытия, как *sui generis* – свойстве самопорождения, характеризующем спонтанность самопроизвольного возникновения, определенную самодостаточность, внутреннюю сосредоточенность, имманентную способность создавать, поддерживать и изменять свое со-стояние. Самообусловленность бытия в качестве рода, вырастающая из неизбывной внутренней потребности реализации потенциала, потребности творчества, определяется нами как внутренняя обусловленность динамичной со-бытийностью и может быть представлена как

свобода – фундаментальное качество бытия-в-роде. «Бескорним корнем», источником и причиной своей родовости является само бытие. Свобода здесь мыслится как возможность полной реализации потенций, то есть как энергичная характеристика рода. В ней проявляется сило-свойственный характер рода бытия, в котором обнаруживается его способность существовать и действовать по необходимости собственной природы и «определяться к деятельности только собой» (Спиноза).

Необходимым моментом динамичной целостности рода является *энергия*, требуемая для реализации, «изведения» родового потенциала. Энергия мыслится нами как начинательное у-силие, импульс, побуждение, «вы-ступление», «вы-движение» из стихии потенции, которое провоцируется со-бытием взаимоотношения, со-стоянием определенностей, и каждое событие можно назвать «сгустком энергии». Рождение нового невозможно без энергии. В своей собственной потенциальности, актуализация которой становится возможной за счет энергии, «находит силы» самообусловленная креативность бытия.

Неизбывной потребностью в творчестве характеризуется род как способ бытования бытия. Это есть из-обретение нового, то есть обретение, проявление, о-пределение ранее не-бывшего из себя самого. Бытие-в-роде обретает свою определенность в из-быточности, выступающей, с одной стороны, как выведение всех возможностей и достижение полноты-совершенства, а с другой – в определении себя в избытке, исходя из того, *что* вышло за пределы.

Актуализация потенциальности осуществляется в креативности. Бытование-в-роде есть непрерывное преобразование, разворачивание собственной «полноты», предполагающее раскрытие внутренних источников и возможностей развития, обусловленное изнутри, исходя из внутреннего состояния и возможностей. Бытие, бытующее-в-роде, есть, таким образом, непрерывно возобновляемое творчество. Благодаря ему осуществляется родовая способность выходить за собственные пределы настоящего определения, то есть способность переопределяться, совершенствуясь совершаясь. Из нового единства возникает новая, заряженная креативностью, со-бытийная определенность, которая требует своего разрешения в новом перерождении. Потенциальность креативности (как и креативность потенциальности) бытия никогда не может быть реализована полностью.

Креативность определяется нами как единство потребности и способности актуализации потенциальности в рождении нового, разрешении от «таинственного» бремени, «казании» потенциала. Бесконечность потенции открывает возможность самых различных «казаний». Появление на свет, обретение «видимости», самоказание бытия в бытии рода определяется нами как само-себя-по-себе-казание. Бытие, бытующее в роде, кажет себя само по причине своей внутренней обусловленности. Креативность рода является самообусловленной, имманентной, выражается моментами самопроизвольности, непредвиденности, спонтанности.

Подводя итоги, можно резюмировать, что онтология рода позволяет представить бытие как со-в-местность со-бытующих реалий, как постоянно-рождающее(ся), вновь-становящее(ся), совершающееся (совершенствующееся).

Бытие, бытующее-в-роде, определяется нами как единство (целостность) переопределяющихся со-бытий в процессе возникновения нового.

Обращение к онтологии рода неизбежно, на наш взгляд, особенно сегодня, для решения как разнообразных мировых проблем, так и вопросов повседневности. Проблемы – это проявление разорванных бытийных связей, которые требуется восстановить, а также со-стояние столкновения с новым, приводящее к необходимости создания новых связей для его о-своения, поскольку если таковые образованы не будут, новое окажется исключенным из полноты жизни. В любом случае необходимым шагом в решении проблем является их со-бытийное «продление», то есть включение, вплетение в общую со-бытийную канву.

На основе онтологии рода возможно формирование общебытийного (всебытийного) сознания, предполагающего понимание «сопричастности Бытию», то есть выход за рамки локальной ограниченности и, значит, обретение «целостности» Бытия. Таким образом, общебытийное сознание есть признание человеком и человечеством своей родовой, «кровно-родственной» связи с Бытием, а следовательно, ответственности за него и перед ним.

Библиографический список

1. Асмус, В. Ф. Античная философия (история философии) [Текст] / В. Ф. Асмус. – 3-е изд. – М., 2003.

2. Творчество как форма самовыражения человека [Текст] : сб. науч. тр. / под ред. О. Ю. Марковцевой. – Ульяновск, 2005.

М.М. Духонин,

*аспирант Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОСА: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

Глобальные проблемы современности, такие как демографический взрыв, исчерпание природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, поставили современное общество и науку перед новыми вызовами. Поиск решений этих проблем потребовал от современной, особенно гуманитарной, науки расширения теоретических горизонтов, разработки новых подходов. Среди них в последние десятилетия особенно активно развивается концепция жизненного пространства.

В основе любого из вариантов данной концепции лежит категория пространства, и в соответствии с этой посылкой выстраивается логика предполагаемого исследования. Каждая из рассматриваемых концепций раскрывает те или иные стороны жизненного пространства.

Традиционно термин «жизненное пространство» понимается прежде всего как территория, обладающая определенной ценностью. Ценность территории связана, как правило, с тем, что она обладает неким набором и количеством ресурсов, необходимых для поддержания жизни того, кто этой территорией обладает. Такая трактовка может считаться классической, она синонимична понятию географической среды. До второй половины XIX в. наука не разводила понятия среды обитания вообще и среды обитания человека. Точно также категория жизни человека трактовалась сугубо в узком, биологическом, смысле. Это было вполне естественно, если учесть, что основной установкой мыслителей от Платона до Спенсера была идея тождественности законов природы и общества.

Впервые идею жизненного пространства, отличного от чисто географической среды мы находим у немецкого мыслителя Ф. Ратцеля. Предметом теоретических изысканий мыслителя является государство, жизненное пространство же выступает в качестве основного фактора его процветания. Отличием подхода Ратцеля к влиянию географической среды на общество, позволившим ему вывести категорию жизненного пространства на качественно новый уровень, является смещение акцентов с чисто физико-географических аспектов рассмотрения на политические и даже культурные. Как органицист, он представлял себе государство в виде организма, органической целостности территории, народа и политической организации.

Концепция жизненного пространства Ф. Ратцеля положила начало одному из важнейших направлений в разработке теории жизненного пространства – геополитике. Основным элементом пространства здесь по-прежнему остается географическая среда, однако, из простого физического фактора она превращается в политическую силу с одной стороны, стимулирующую возникновение и развитие государства и народа и определяющую конкретные формы этого развития, а с другой – влияющую самым существенным образом на духовный мир населяющего его народа. Жизненное пространство, по мнению мыслителя, порождает у населяющих его людей чувство пространства, необходимое для понимания интересов в сфере борьбы за это пространство, а также наделяет жизненной энергией, позволяющей его расширять. Таким образом, если ландшафт и население составляют субстрат жизненного пространства в рамках данного подхода, то субстанциальное начало его – чувство пространства – выносится в духовную сферу.

Дальнейшее развитие геополитики дало богатый материал для разработки теории жизненного пространства, в том числе и этноса, в социоприродном, экономико-географическом, экологическом аспектах. Начиная с трудов Ратцеля, коренным образом изменяется отношение к категории жизни. До него, а также до появления философии жизни, под жизнью, как правило, понималась чисто биологическая сущность, теперь же мы имеем дело с более богатым наполнением категории. Биологическая составляющая жизни дополняется социальной и духовной. Одновременно резко усложняется структура жизненного пространства. Жизнь человека, этноса, общества как одна из форм существования приобретает объемную структуру. Ее наполняют разнообразные со-

циальные и политические институты, а также, и это, пожалуй, самое главное, она получает ценностное измерение, а пространство – ценностные структуры. Геополитики, не преодолев пока еще отношения к среде как к источнику ресурсов, восприняли, однако, ее как национальную и духовную ценность. Человеческое общество становится структурным элементом пространства, причем этнос как естественная форма жизни человека играет в этом пространстве одну из ведущих ролей. Таким образом, в рассмотренной интерпретации государство складывается как организм, привязанный к определенной части поверхности земли, а его характеристики развиваются из характеристик народа и почвы.

Следующим важнейшим основанием для разработки проблем жизненного пространства стала феноменология. В рамках этой методологии Э. Гуссерлем была разработана концепция жизненного мира. Если учесть, с одной стороны, что феноменология, как сама по себе, так и в развившихся на ее базе методологиях, весьма широко используется при изучении духовных, в том числе и этнических, явлений, а с другой – что любой мир пространственно организован, то обращение к этой философской концепции выглядит не только обоснованным, но и необходимым.

Необходимо отметить коренное изменение в подходе к пониманию категории жизни Э. Гуссерлем. Слово «жизнь» здесь не имеет физиологического смысла: оно означает жизнь целенаправленную, создающую продукты духа, в наиболее полном же смысле – культуросотворяющую жизнь в единстве определенной историчности [1, с. 626–627]. Очевидно, что подобная жизнь образует совершенно иное пространство, нежели жизнь человека и общества, мыслящихся как сугубо биологические существа. Следуя намеченной логике, Гуссерль замечает, что окружающий человека мир не есть собственно естественно-научное явление, из чего бы следовало, что объяснение этого мира – проблема физики, биологии, географии и т.п., но явление чисто духовное, являющееся предметом наук о духе. Здесь уже заложены основные предпосылки гуманитарного понимания жизненного пространства, в том числе и этноса.

Жизненный мир характеризуется Э. Гуссерлем как «созерцаемый», преданный всем «в качестве сущего» [2, с. 166]. Субстратом жизненного мира является «совокупность вещей, «локально» («ortlich») распределенных в мировой форме пространство-временности в двояком смысле (по месту в пространстве и во времени), совокупность пространственно-временных «онта» [2, с. 193]. Категория жизненного мира как нельзя лучше позволяет пространственно осмыслить наполняющие это пространство вещи. Основной особенностью феноменологического подхода является возможность взглянуть на социальную действительность с позиций не теоретизирующего мыслителя, а с точки зрения того, кто, собственно, в этой действительности живет, для кого она в полной мере является жизненным миром, то есть миром, где осуществляется жизнь в обозначенном выше смысле, и пространство этого мира в полной степени является жизненным пространством.

Феномены, представляющие собой субстрат феноменологического жизнен-

ного пространства, будучи содержанием сознания, образуют совершенно особую сферу жизни человека, которая опосредует для него связи с природной составляющей бытия, а также с социокультурным миром. Это выражается в том, что человек имеет дело не с объективной реальностью природы и общества, а со своими восприятиями и представлениями об этих жизненных сферах. Восприятия же и представления хотя и связаны с воспринимаемым и представляемым, однако связь эта далеко не однозначна, ибо факторами образования представлений является не только его предмет, но и собственно сознание представляющего.

В любом определении этноса мы найдем, что представители одной и той же этнической общности обладают определенным набором духовных свойств. Такими свойствами, как правило, выступают язык, бытовая культура, а также и территория. Все эти свойства этноса имеют феноменальную природу в том смысле, что приписывание этих свойств определенной общности в качестве атрибутов, определяющих ее, невозможно считать объективным с естественно-научной точки зрения. В этническом сознании язык, обычаи, традиции, территория и другие значимые явления социокультурного мира выступают в качестве символов. Разделяемые подавляющим большинством представителей народа, эти символы образуют символический слой жизненного пространства этноса. Символическое пространство в качестве субстрата входит в национальное самосознание. В этом плане вполне естественным представляется интерес этнографов к системе обычаев, традиций, мифологии, верованиям различных народов, ибо все это неотъемлемые составляющие жизненного пространства, а также установки членов этноса. Понятие установки, сформулированное Э. Гуссерлем, представляется одним из важнейших при рассмотрении жизненного пространства в феноменологическом ключе. «Под установкой, вообще говоря, понимается привычно устойчивый стиль волевой жизни с заданностью устремлений, интересов, конечных целей и усилий творчества, общий стиль которого тем самым также предопределен. В этом пребывающем стиле как в нормальной форме развертывается любая определенная жизнь» [1, с. 640]. Установка как стиль или образ жизни, практикующийся в жизненном пространстве определенного этноса, таким образом, может считаться субстанциальным началом в феноменологически трактуемом жизненном пространстве этого этноса. Каждый этнос живет в своей нормальной установке. Она осознается в рамках этнического самосознания, в котором каждый ее элемент занимает определенное место, как правило, в соответствии с принятой в данной среде системой ценностей.

Как и геополитика, феноменология вскрывает определенный срез проблематики, далеко не исчерпывая ее. Эти две концепции рассматривают два противоположных полюса проблемы жизненного пространства: природное, географическое основание и идеальное, коренящееся в человеческом сознании, конституирующееся в жизненный мир.

Проблема методологии требует изучения еще одного основания концепции жизненного пространства. Оно проявляется в исследованиях на социально-философском уровне. Здесь жизненное пространство выступает формой соци-

ального пространства, а его динамика – формой социальной динамики. Сущность социального пространства обычно раскрывают в терминах системного, структурно-функционального и деятельностного подходов, причем два последних обычно выступают совместно с первым. Социальное пространство возникает внутри социальных систем в качестве порядка организации различных их элементов, объединенных многочисленными взаимосвязями и отношениями. Деятельностный подход в качестве субстанциального начала социального пространства рассматривает деятельность, в ходе которой складываются различные общественные (социальные) отношения. Они, формализуясь, образуют устойчивые социальные структуры – институты, образующие субстрат жизненного пространства в рамках разбираемого подхода. Все эти отношения и институты, с одной стороны, разворачиваются в социальном пространстве, а с другой – формируют его.

Концепцию жизненного пространства продолжают развивать исследователи в области социальной философии. Интересное определение жизненного пространства дается, например, В.Б. Устьянцевым «В широком смысле слова – это жизненная среда родового человека, обустроенная им на основе сложившихся технологий, социокультурных стандартов и ментальных структур. Практически и духовно освоенное людьми природное и социальное пространство становятся жизненным пространством общества» [3, с. 3–13]. Следует отметить, что жизненное пространство представляется более широкой категорией, включающей в себя в качестве структурного компонента социальное. В рамках же социального выделяются три типа структур: институциональные, стратификационные и цивилизационные. Именно они, наряду с природным пространством (по-видимому, географической средой) и составляют структуру жизненного.

Наличие среды автоматически предполагает некий объект, находящийся в этой среде и взаимодействующий с ней, причем, как правило, объект этой же средой и формируется, а также детерминируется. Категория жизненного пространства предполагает снятие противоречия между средой и объектом, он здесь превращается в субъект и становится частью пространства наряду с множеством иных субъектов и иных элементов среды. В рамках различных мерностей и слоев жизненного пространства интегрируются все описанные теоретические достижения. Идеи геополитики находят свое выражение в географическом измерении жизненного пространства, аккумулирующем в себе природные ресурсы системы. В духовном измерении жизненное пространство представляет собой феноменологически интерпретируемый жизненный мир, где можно выделить символический, коммуникативный, культурный слои. Социальное измерение вносит во всю эту конструкцию структурный элемент, организуя жизненное пространство в рамках социальных отношений между его субъектами. Таким образом, концепция жизненного пространства преодолевает ограниченность прежних подходов – географический детерминизм геополитиков и субъективизм феноменологов. В нем становится возможным исследовать взаимоотношения и взаимовлияния институциональной системы социальных субъектов, культуры и природы, выявить потоки

вещества, энергии и информации, проходящие между различными его слоями и элементами.

Концепция пространства, преодолевая классический фундаментализм и редукционизм, позволяет брать в качестве точки отсчета в исследовании любую форму социальной (в широком смысле) жизни. В данном случае такой формой выступает этнос. Новая методология, представляя этническую форму жизни как взаимодействие и взаимовлияние пространств различных этнических общностей разного иерархического ранга, позволяет глубже проникнуть в сущность разнообразных этнических проблем и конфликтов, которыми столь богата современность. Категория жизненного пространства этноса раскрывает внутренний порядок традиционных форм его существования в сферах природно-географической, социально-политической и культурной, в аспектах среды и объекта. Она позволяет понять, как конкретный этнос формировал и изменял в процессе своего существования традиционную систему природопользования (способы освоения ландшафта, формы хозяйствования и т.п., какие именно системы институтов обеспечивали нормальную жизнь представителям этноса, а также трансформации его традиционной культуры). Все эти сферы находятся в постоянном взаимодействии и динамическом равновесии, образуя в рассматриваемой связи этническую среду, обеспечивающую существование этнической системы. Наряду с изучением жизненного пространства конкретного этноса подход позволяет представить межэтнические и межнациональные отношения и конфликты между этническими общностями разного иерархического ранга как взаимоналожение пространств этих общностей. При этом становится возможным, исследуя взаимодействие аналогичных сфер пространств разных этнических общностей, выявлять области взаимоусиления и взаимоослабления полей этих пространств; первые из них будут точками плодотворных и гармоничных контактов, вторые же – точками конфликтов. Выявление областей наложения жизненных пространств разных этнических общностей позволит верно интерпретировать и прогнозировать ход межэтнических контактов на разных уровнях этнической иерархии, своевременно корректируя национальную политику власти. Направленная на отыскание путей стабильных и гармоничных межэтнических взаимодействий, теория жизненного пространства, таким образом, призвана способствовать общей стабилизации и гармонизации ситуации на нашей планете.

Библиографический список

1. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию [Текст] / Э. Гуссерль; пер. с нем. Д. В. Скляднева. – СПб., 2004.
2. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия [Текст] / Э. Гуссерль // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Минск; М., 2000.
3. Устьянцев, В. Б. Жизненное пространство России на перепутье цивилизации [Текст] / В. Б. Устьянцев // Жизненное пространство России / под ред. В. Б. Устьянцева и В. Б. Самсонова. – Саратов, 1999.

Д.А. Аникин,

*ассистент Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА

Понятие социальной памяти оказалось в центре внимания представителей гуманитарных наук только в середине XX в., но достаточно скоро оно смогло продемонстрировать свой эвристический потенциал при описании процессов, связывающих современное состояние общества с его прошлыми состояниями, а также механизмов, при помощи которых образ прошлого оказывается отображен в культуре. К. Крамли предлагает следующее определение социальной памяти: «Социальная память – это средства, с помощью которых информация распространяется среди индивидов и передается от одного поколения к другому» [1, р. 39–40].

Информационный подход в отличие от математической теории информации возник в начале XX в. в журналистике, а распространение сферы его применения на социальную реальность можно связать с советскими философами А.Д. Урсулом, В.Г. Афанасьевым и другими [2, с. 17–29]. В рамках данного подхода исследуется роль информационных потоков (получение и передача информации) в процессе управления обществом. Само понятие социальной информации неадекватно понятию знания, поскольку затрагивает лишь аспект, связанный с передачей и преобразованием знаний в рамках общества. В.Г. Афанасьев предлагает понимать под социальной информацией «информацию, касающуюся прежде всего отношений людей, их взаимодействия, их потребностей, интересов и т.д.», причем классово обусловленную и идеологически запрограммированную [3, с. 64].

Сущность социальной информации заключается в двух ее характеристиках – объективности и социальной детерминированности. Информация может вырабатываться как отдельными людьми, так и целыми коллективами, но ее передача и использование в процессах управления является прерогативой различных классов, поэтому она не может не быть социально обусловленной. С этим связано и понятие объективности, которая оценивается в прагматическом ключе, поскольку отвечает не критериям истинности/неистинности, а критериям применимости / неприменимости в процессах социального управления [4, с. 45].

Связь информации с управлением проявляется в том, что субъект управления может воздействовать на управляемую систему лишь постольку, поскольку он непрерывно получает информацию о ее состоянии и перерабатывает эту информацию в решения, которые осуществляют координацию работы системы. Информация выступает предпосылкой процесса управления, так как ее

наличие требуется для обеспечения эффективности управленческой деятельности, а кроме того, неизменно сопутствует ему – мониторинг работы отдельных элементов системы или системы в целом позволяет устранять появляющиеся ошибки и вовремя ликвидировать опасность распада социальной системы. Результатом процесса управления также является информация, позволяющая оценить эффективность проведенных мероприятий. Она используется для организации нового управленческого цикла. Таким образом, информация присутствует на всех этапах функционирования системы, являясь необходимым условием ее нормальной жизнедеятельности.

Типологизация социальной информации отражает возможные и действительные процессы, протекающие в обществе: информация о настоящем; информация о будущем.

Информация о настоящем может подразделяться по следующим критериям:

направленности – информация универсальная (не имеющая конкретного адресата и распространяющаяся на всех уровнях социальной системы) и конкретная (адресованная определенному индивиду или социальной группе и направленная на решение конкретной задачи);

иерархичности – информация горизонтальная (потоки которой циркулируют между социальными системами одного организационного уровня) и вертикальная (распространяющаяся между системами различных уровней, направленная либо к подчиненным социальным субъектам, либо к начальствующему социальному субъекту);

ограниченности – информация внутренняя (ограниченная пределами данной системы) и внешняя (включающая в себя информацию как о социальной системе, так и об окружающей ее внешней среде).

Информация о будущем подразделяется на прогностическую (позволяющую создать модель будущего социальной системы на различные сроки и направить систему на реализацию этой модели) и плановую (существующую, как правило, в виде количественных показателей и отражающую дальнейшее развитие системы исходя из данных, существующих на настоящий момент).

Нормальное функционирование системы не исчерпывается потребностью в информации о протекающих в настоящий момент социальных процессах и в прогнозах будущего развития социальной системы, поскольку вырабатываемая информация не исчезает после выполнения своей функции, но сохраняется, играя важную роль в социальных процессах. Общество не может существовать без прошлого, ведь «сохранение преемственности в жизни социальных организмов, и следовательно их целостности, зависит от способов организации и средств сохранения информации о прошлом» [5, с. 15–16]. Наличие в обществе социальной информации, отражающей прошлые этапы существования социальной системы и сохраняющей свою значимость в настоящем, является источником исторической объективности. Историческое познание строится на взаимодействии двух базовых элементов: исторических источников (текстов или археологических свидетельств) и процесса их декодирования с целью выявления заложенной в них информации. Декодирование не раскрывает в пол-

ной мере суть исторического познания, поскольку простое уяснение сути заложенной информации еще не означает раскрытие ее значимости, которое достигается только посредством синтеза полученного знания с существующей в обществе теоретической моделью прошлого. Но теоретическая модель не является продуктом только научного знания, поскольку она детерминирована и господствующими ценностями, поэтому интерпретация получаемой информации в русле существующего в обществе типа социальной памяти является залогом ее объективной возможности быть использованной для нужд общества [6, с. 32–33].

Таким образом, к оперативному (текущему) и перспективному (обращенному к будущему) типам социальной информации добавляется информация ретроспективная, обращенная к прошлому. *Социальная память, представляющая собой ретроспективную разновидность социальной информации, ответственную за передачу данных о прошлых состояниях социальной системы*, становится не просто средством социального управления, а важным фактором детерминации социальных процессов и процессов индивидуального познания. Основоположником изучения социальной памяти в рамках информационного подхода выступил Я.К. Ребана, сформулировавший само понятие социальной памяти и указавший пути использования этой категории в разрешении проблемы социального управления и социального познания [7, с. 104].

С точки зрения Я.К. Ребана, главным носителем социальной памяти является человек, поэтому процессы индивидуального познания всегда объективированы существующей у человека информацией, которая определяет как ценностные приоритеты познавательной деятельности, так и осмысление результатов этой деятельности в русле уже существующей в обществе информации [8, с. 46–47]. Получаемый опыт не содержит в готовом виде те выводы, значимые для дальнейшей деятельности человека, которые могут быть из него сделаны. Преобразование неупорядоченных фактов в социальную информацию и осуществляется с помощью системы априорных детерминант социальной памяти, обусловленной предшествующим развитием общества и настолько естественной для ее носителей, что само ее существование остается неосознанным. Хотя человек и является основным носителем социальной памяти, но существуют и другие типы носителей – продукт человеческой деятельности, обладающий относительной независимостью от человеческого сознания:

орудия производства и овеществленные результаты труда («материальная культура»);

объективные социальные отношения, базирующиеся на производственных отношениях;

язык и другие знаковые системы, способные осуществлять передачу информации [8, с. 47].

Орудия производства, вырабатываемые в результате человеческой деятельности по освоению окружающего мира, являются средствами выражения человеческой сущности. Человек вкладывает в производимые им предметы представления о целесообразности, удобстве и красоте, которые являются не про-

дуктом индивидуального вкуса, а выработанными социальной практикой стереотипами, действующими на протяжении значительного времени. Предметный мир, в котором живет индивид, снабжен показателем времени, который указывает не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого.

Социальные отношения выступают хранителями социальной памяти в том смысле, что именно они продуцируют определенные ценностные установки, способствующие переработке индивидуального опыта в социально значимую информацию. Относительная стабильность и долговременность существования социальных групп делают вырабатываемые ими ценности детерминантами человеческого познания на протяжении длительных промежутков времени.

Язык служит не только способом передачи социальной памяти, но и важным средством ее закрепления, поскольку категории, отражающие специфическое видение социальной реальности, сохраняют свое существование в языке даже после того, как породившие их социальные явления уже прекратили свое существование. Согласно утверждению Р. Козеллека «понятия, унаследованные из прошлого, служат эвристическими элементами для постижения прошлой реальности» [9, с. 230]. Язык может существовать как в виде письменности, так и в виде устной речи, поэтому каждый из этих типов имеет свои специфические характеристики, сказывающиеся и на механизмах передачи социальной памяти. Другой знаковой системой, используемой для передачи социально значимой информации, являются изображения. Пик их применения в социальной практике пришелся на бесписьменный период истории человечества, но именно дошедшие до наших дней рисунки первобытного человека позволили реконструировать повседневные занятия и социальные отношения, существовавшие в примитивном обществе [5, с. 50–56].

Преобразование информационного подхода в 1980-е годы оказалось связано с привнесением организационного аспекта в исследование института социальной памяти. Б.С. Илизаров и В.Б. Устьянцев акцентировали свое внимание на существовании в обществе организаций, специализирующихся на сохранении социальной памяти (музеи, библиотеки), не столько само содержание которых, сколько принцип организации и классификации знания в рамках данных учреждений служит способом сохранения стереотипов познавательной деятельности человека [10, с. 12]. Подобные организации всегда выступают в роли репродуктивных институтов, ответственных за передачу ценностей, принадлежащих как доминирующим социальным группам, так и обществу в целом. Любая публичная библиотека воплощает дух сообщества, чьи ценностно-нормативные образцы комплектуются в книжном собрании того или иного объема, заданного устройства, функциональной направленности, уровня доступности. В структуре библиотек, составе библиотечных фондов и правилах их подбора, системе каталогов и картотек представлена воображаемая схема взаимодействия между обобщенным комплекатором и типовыми абонентами. Изменение организационного уровня социальной памяти происходит значительно медленнее, чем изменение ее содержания, поэтому существование организаций, ориентированных на сохранение определенного комплекса знаний, упорядоченного и зафиксированного в соответствующей классификации, по-

зволяет стабилизировать уровень ценностных трансформаций. Каждый индивид, принадлежащий к данному сообществу, усваивает тот набор знаний, который предлагается ему соответствующими организациями – библиотекой, школой, музеем – и тем самым приобщается к основополагающим социальным ценностям и господствующим познавательным приоритетам [11, с. 49–50]. Можно констатировать, что модернизация информационного подхода сказалась на усложнении картины социальной памяти, которая стала рассматриваться как социальное образование, функционирующее в трех основных качествах:

социального института, представляющего собой совокупность организаций, ответственных за передачу материальных и духовных ценностей;

сложной информационной системы, функцией которой является сохранение и актуализация информации о прошлом социальной системы;

разновидности *социокультурной деятельности*, специфика которой заключается в ее направленности на воспроизводство существующих образцов поведения и восприятия [12, с. 15–18].

В рамках информационного подхода впервые оказалось обращено внимание на типологию социальной памяти, ее зависимость от доминирующих способов передачи информации, а также принадлежность не только к отдельным социальным группам, но и обществу в целом. Все эти факторы в совокупности открыли возможность рассмотрения социальной памяти не как статического явления, а как социального института, существующего в диахронической перспективе и меняющего формы своего функционирования в зависимости от изменения самого общества. Слабой стороной информационного подхода стало монистическое видение социальной памяти в рамках одного исторического периода и отсутствие внимания к ее возможным интерпретациям в рамках отдельных социальных групп.

Библиографический список

1. *Crumley, C. L.* Exploring Venues of Social Memory [Текст] / C. L. Crumley, Social Memory and History: Anthropological Perspectives / J. J. Climo, M. G. Cattell (eds.). – Walnut Creek : Alta Mira Press, 2002.
2. *Сенкосов, Ю. П.* Социальное знание и социальное управление [Текст] / Ю. П. Сенкосов, Э. Г. Юдин // Вопросы философии. – 1971. – № 12.
3. *Афанасьев, В. Г.* Социальная информация (некоторые методологические аспекты) [Текст] / В. Г. Афанасьев, А. Д. Урсул // Вопросы философии. – 1974. – № 10.
4. *Афанасьев, В. Г.* Социальная информация и управление обществом [Текст] / В. Г. Афанасьев. – М., 1975.
5. *Колеватов, В. А.* Социальная память и познание [Текст] / В. А. Колеватов. – М., 1984.
6. *Уйбо, А. С.* Информационный подход к проблеме объективности реконструкции исторического прошлого [Текст] / А. С. Уйбо // Философские науки. – 1982. – № 1.
7. *Ребане, Я. К.* Принцип социальной памяти [Текст] / Я. К. Ребане // Философские науки. – 1977. – № 5.
8. *Ребане, Я. К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания [Текст] / Я. К. Ребане // Вопросы философии. – 1982. – № 8.
9. *Козеллек, Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? [Текст] / Р. Козеллек // Отечественные записки. – 2004. – № 5.

-
10. Устьянцев, В. Б. Жизненное пространство социальной памяти: проблемы генезиса [Текст] / В. Б. Устьянцев // Материалы Пятых Страховских чтений. – Саратов, 1996.
11. Гудков Л. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы [Текст] / Л. Гудков, Б. Дубин // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74.
12. Устьянцев, В. Б. Культура и социальная память [Текст] / В. Б. Устьянцев // Закон возрастания роли культуры. – Саратов, 1998.

Е.А. Сидорова,
*ассистент Новочеркасской государственной
мелиоративной академии*

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ В МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКОГО НАРОДА: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Географическая среда обитания и климатические условия есть базис процесса формообразования национального менталитета. На ранних стадиях развития общества специфика природных ресурсов – климат, почва, рельеф, флора, фауна – самым непосредственным образом отразилась на характере орудий труда, особенностях человеческой деятельности и отношений, одежды, жилища, питания, транспортных средств. Содержание недр, ископаемые богатства, энергетические ресурсы существенно воздействовали на индустриальное развитие страны. Особенности природной среды оказывали определенное влияние на различные стороны духовной культуры, что отражалось на национальных ритмах жизни, традициях, обрядах, религии, привычках, обычаях, формировали национальную систему ценностей, мировидение.

Процессы, связанные с расстояниями и пространствами, отражают многочисленные противоречия, которые являются базовыми во всякой национальной культуре. Так, евразийское расположение, между двумя цивилизациями, обусловило своеобразие русской культуры и особенности национального видения мира. Именно это положение между Европой и Азией, Западом и Востоком привело к глубокой раздвоенности русской культуры, противоречивости национального менталитета, на которую не раз обращали внимание как российские, так и западные мыслители. Бинарные ментальные оппозиции – яркое тому свидетельство: индивидуализм – коллективизм, смирение – бунт, природная стихийность – монашеский аскетизм, страсть к сильному государству – анархическая вольность, природно-языческое начало, атеизм – высокая монотеистическая религиозность, великодержавность и мессианский универсализм, западничество – славянофильство и многие другие.

Евразийское расположение также способствовало формированию концепции избранности и особой роли в истории: в русском менталитете формиру-

ется идея святости страдания за другого человека и за все человечество в целом.

На Западе в течение длительного периода времени существует устойчивое представление о России как о стране политического деспотизма. Современный исследователь России Ричард Пайпс связывает несомненную для него милитаристскую сущность России с необходимостью постоянной колонизации, которая детерминирована, по его мнению, природно-климатическими условиями: «...военная организация делалась просто необходимой, ибо без нее нельзя было проводить столь жизненно важную для народнохозяйственного благополучия России колонизацию» [1, с. 35]. С этим утверждением можно согласиться с поправкой на исходное значение этой милитаристской машины как необходимой для обороны народонаселения.

Некоторые авторы говорят о якобы присущей российскому населению склонности к несвободе и рабству. Однако необходимость подчинения централизованной и деспотичной власти была обусловлена выполняемыми властью функциями общей защиты и общего равенства и справедливости «холопов» перед «деспотом». Признания, подобные сделанному в свое время А. Тойнби, сравнительно редки: «Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада; оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться... игу коренной власти в Москве, ценой самодержавного правления навязывающей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить. Не случайно, что это новое правление возникло именно в Москве, ибо Москва была форпостом на пути возможной очередной западной агрессии... Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако... русские научились терпеть ее... оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями» [2, с. 157–158]. Не совсем ясна мысль относительно «форпоста», и, конечно же, речь следует вести не только о давлении Запада, но и об угрозе Востока.

Российские традиции в хозяйствовании многообразны, но они на протяжении веков складывались вокруг тенденций общинности и огосударствления. При этом следует иметь в виду, что сознание людей и экономика на практике постоянно проникают друг в друга, вследствие чего сознание становится «экономической силой», поскольку изменения в системе ценностей через мышление людей влияют на материально-производственную сферу.

По замечанию В.О. Ключевского, стержневым процессом российской истории была колонизация новых земель [3, с. 315–316]. История России – это история постоянного движения населения, перемещения политических, хозяйственных и культурных центров. Для России колонизация – это не создание колониальной империи, наподобие Великобритании, а прежде всего аграрно-колонизация – хозяйственное и культурное освоение новых территорий, ресурсов, приобщение народов к христианским ценностям.

Освоение славянами центра и севера Русской равнины шло двумя потоками. Колонизация была крестьянской и княжеской. Большое распространение в XI–XIII вв. различных форм феодальной зависимости указывает на значи-

тельное развитие феодального хозяйства, которое являлось основой всей системы социально-экономических отношений.

Монголо-татарское нашествие XIII в. внесло коррективы в интенсивность и характер обоих колониционных процессов. Монголо-татары разорили княжеские ополья, сильно ослабили на первых порах после нашествия княжескую власть, но не могли сколько-нибудь существенно затронуть бедные и малочисленные селения, затерянные в лесах, которые были созданы в ходе крестьянской колонизации. Она успешно продолжалась, но теперь была почти полностью переориентирована на экстенсивное подсечно-огневое земледелие, требующее особого образа жизни и воспитывающее специфический характер.

В этот период начинается осмысление россиянами социального пространства и времени. В русском менталитете утверждается, по словам М.М. Бахтина, тип пространственно-временной структуры, или хронотоп, который можно охарактеризовать как мифологическое восприятие пространства и времени. Земля всегда выступала как основа жизни, поэтому ценности, связанные с крестьянским трудом, занимали значительное место в менталитете россиян.

Европейские государства имели твердо ограниченные со всех сторон территории. Это обусловило их развитие по пути интенсификации экономики и этнической консолидации, осуществлявшейся в форме государственности, гарантировавшей прочность национальных границ и развитие внутреннего рынка. Россия же имела неограниченные возможности расширения территории за счет практически неосвоенных земель на севере, юге и особенно востоке. Это обусловило важнейшие отличительные особенности ее истории. Страна стала развиваться не по пути интенсификации экономики, а экстенсивно, за счет расширения территории [4, с. 114–115]. Управление гигантской державой оказалось возможным только через создание авторитарного государства, игравшего роль консолидирующего элемента. В довершение всего кочевой и воинственный Восток сделал создание авторитарного государства необходимым.

Церковь в России являлась дополнительным фактором единения в условиях отсутствия развитой инфраструктуры и учреждений культуры. Вслед за первыми переселенцами в Сибирь двигалось православие, неся свои идеалы новому и коренному населению. За физической миграцией шла духовная, и обживаемые пространства создавали сетку экономического и культурного районирования.

Необъятность российских просторов формировала идеи коллективизма и сильной государственной власти, безграничности человеческой духовности и фатализма. Все это стало источником русского пассивного, созерцательного отношения к жизни. Географический фактор в русском менталитете сформировал номадические культурные черты: легкость в перемене места, а соответственно и небрежное отношение к своему дому, отсутствие устойчивости, постоянства [5, с. 647–648], вместе с тем развил особую открытость, хлебосоольство, способность делиться последним.

Широко распространено мнение о характерной привычке неритмичности хозяйственной деятельности в России, которую принято объяснять ярко вы-

раженной сезонностью сельскохозяйственного труда. Согласно этому мнению российский человек более склонен «выкладываться» на небольшом отрезке времени, чем к длительному регулярному приложению усилий. Часто много времени уходит на «раскачку», и только затем следует взрыв активности, наступает период труда, исключительного по своей интенсивности. С этой чертой связывают привычку мобилизовать усилия только в экстремальных ситуациях.

Непредсказуемый климат способствовал формированию идеи доверия прежде всего Богу и его воле, а не собственным усилиям. Это развивало пассивность, покорность жизненным обстоятельствам, приучало довольствоваться малым. Климат действительно оказывал немаловажное влияние на характер труда [6, с. 37–56]. В стране рискованного земледелия, где каждые третий – пятый годы неурожайные, крестьянин никогда не был уверен в результатах своего труда.

Сжатый цикл сельскохозяйственных работ не способствовал укреплению в россиянина привычки регулярного, упорного труда. Тяжелые климатические условия требовали в России затраты большего количества труда, чем в Западной Европе. Действительно, эти природные условия являлись причинами архаичного способа восстановления плодородия, низкого уровня разделения труда в социуме, постоянного жесткого изъятия государством прибавочного продукта.

Вековая привычка к напряженной работе, вместе с пережитыми тяжелыми историческими событиями, сформировали особенности русского менталитета и главные черты его национального характера: миролюбие и гостеприимство, любовь к труду, семейные добродетели, идеализм, славянскую рознь, нерешительность характера, неумение работать стабильно и с энергией (только в крайних случаях стихийных бедствий, сельскохозяйственной страды), скорбь и величие духа среди несчастий. Развиваются проворность и изобретательность, способность к наивысшему напряжению физических и моральных сил, осуждение работы на себя (субботники, неделя ударного труда), примат общественного над частным, взаимовыручка, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, отчаянная храбрость.

Особенности трудовых ценностей в менталитете русского народа заключаются в том, что доминирующую роль играют коллективные ценности, чувство социальной ответственности, следование идеалу, авторитету, ценности страдания, раскаяния, самопожертвования, в то время как на Западе – индивидуальные ценности, чувство личной справедливости и свободы, вера в собственные возможности, успех, лидерство, самоутверждение; ценность труда не утрачивается в нашей стране, если он не обещает богатства или достатка, в этом кроется существенное различие между отношением к труду в России и на Западе, где по большей части характерно прагматическое восприятие мира, активное стремление к материальному благополучию, наличие которого свидетельствует о личных достижениях.

Труд для русского человека – форма коллективности и общения, через труд человек приходит к индивидуальному спокойствию души, на Западе же труд –

это гарантия достижения индивидуальной материальной стабильности; важной чертой ментальности русского человека является общественно одобренный труд, на Западе превалирует установка личной свободы отставание права «быть самим собой». Русский человек способен к крайнему напряжению сил в экстремальных условиях, для Запада характерно расчетливое приложение усилий для получения максимально возможной выгоды; труд в России – средство жизнеобеспечения, для Запада характерно рыночное отношение к труду как средству дохода. Установка русского православного сознания на то, что именно внутренние духовные качества человека определяют степени его совершенства, вела к формированию принципа «быть», а не «иметь». Под влиянием условий исторического развития и православных ценностей нравственная оправданность богатства в России часто ставилась под сомнение. «Греховность» богатства часто искуплялась служением государству или работой на общую пользу.

Современные русские трудовые ценности и установки значительно трансформировались. В их основе лежит стремление усердно и стабильно трудиться ради высокого заработка. Во многом утратили важность такие ценности, как возможность наслаждения жизнью, возможность общественного признания и творчества. Выросла значительность самореализации (честолюбие, достижение успеха, выбор собственных целей и т.п.), безопасности и стабильности (в том числе социальной справедливости). В результате трудовые ценности россиян сегодня практически идентичны ценностям граждан стран «Большой семерки» в том, что касается хорошего заработка, интереса к работе, ее надежности, удобного графика, отпуска и общественного уважения к профессии. Однако для россиян возможности проявить инициативу и брать на себя ответственность в деятельности являются менее значимыми, чем на Западе. Трансформация ценностей за последние годы неудивительна. Россиянам нужно было удовлетворять базовые материальные потребности, поэтому ради заработка они жертвовали отпусками, возможностью реализовывать собственные способности и проявлять инициативу. Все нематериальные требования, предъявляемые к работе, оказались сконцентрированы в ее «интересности». Впрочем, есть все основания полагать, что по мере роста благосостояния населения значимость самореализации и общественного признания возрастет.

Библиографический список

1. *Пайпс, Р.* Россия при старом режиме [Текст] / Р. Пайпс. – М., 1993.
2. *Тойнби, А.* Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – М.; СПб., 1996.
3. *Ключевский, В. О.* Соч. [Текст] : в 9 т. / В. О. Ключевский. – М., 1956. – Т. 1.
4. *Лукичев, П. Н.* Общая теория социальной динамики: основания и начала анализа [Текст] / П. Н. Лукичев. – Ростов н/Д, 2002.
5. *Соловьев, С. М.* История России с древнейших времен [Текст] / С. М. Соловьев. – М., 1960. – Кн. 1, т. 1.
6. *Милов, Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса [Текст] / Л. В. Милов // Вопросы истории. – 1992. – № 4/5.

О.П. Знамцева,

*соискатель Педагогического института
Саратовского государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Информатизация имеет четкую связь с экологически безопасным, устойчивым развитием общества. Основа информационной экономики – знания, или интеллектуально-информационный ресурс. Знания имеют неоспоримые преимущества по сравнению с материальными ресурсами – фундаментом предыдущих этапов развития общества. Материальные ресурсы жестко подчиняются законам сохранения: если вы берете что-то у природы – вы обостряете экологические проблемы, если же пытаетесь взять у соседа – порождаете конфликты и войны. Социально-экономическая структура общества, базирующаяся на информационной экономике, уже по своей сущности избегает большинства социально-экономических и экологических проблем и в потенциале предполагает экспоненциальное развитие общества по основным его параметрам («знания порождают знания»).

Часто понятие «информация» используют, не задумываясь о глубине его содержания, отождествляя понятия «знание», «данные», «информация». Очевидно, что «обиходное» употребление термина «информация» совершенно неуместно, когда речь идет о теориях информации. Нередко в этих теоретических построениях термин «информация» наполнен разным смыслом, а следовательно, сами теории высвечивают лишь часть граней некоторой системы знаний, которую можно назвать общей теорией информации, или «информологией», – наукой о процессах и задачах передачи, распределения, обработки и преобразования информации.

Возникновение информологии как науки можно отнести к концу 1950-х годов, когда американский инженер Р. Хартли сделал попытку ввести количественную меру информации, передаваемую по каналам связи [1, с. 65]. Создатель статистической теории информации К. Шеннон обобщил результат Хартли и его предшественников. Его труды явились ответом на бурное развитие в середине века средств связи: радио, телефона, телеграфа, телевидения. Теория информации Шеннона позволяла ставить и решать задачи оптимального кодирования передаваемых сигналов с целью повышения пропускной способности каналов связи, подсказывала пути борьбы с помехами на линиях и т.д.

Новый этап теоретического расширения понятия информации связан с кибернетикой – наукой об управлении и связи в живых организмах, обществе и машинах. Оставаясь на позициях шенноновского подхода, кибернетика формулирует принцип единства информации и управления, который особенно

важен для анализа сути процессов, протекающих в самоуправляющихся, самоорганизующихся биологических и социальных системах.

Попытки построить модели понятия информации, охватывающие семантический аспект знания, содержащегося в некотором высказывании относительно обозначаемого объекта, привели к созданию ряда так называемых логико-семантических теорий (Р. Карнап, И. Бар-Хиллел, Дж.Г. Кемени, Е.К. Войшвилло и др.) [2, с. 28].

Понятие тезауруса является фундаментальным в предложенной Ю.А. Шрейдером теоретической модели семантической теории информации, в которой учитывается в явной форме роль приёмника. Согласно этой модели тезаурус – это знания приёмника информации о внешнем мире, его способность воспринимать те или иные сообщения [3].

В прагматических концепциях информации этот аспект является центральным, что приводит к необходимости учитывать ценность, полезность, эффективность, экономичность информации, то есть те ее качества, которые определяющим образом влияют на поведение самоорганизующихся, самоуправляющихся, целенаправленных кибернетических систем (биологических, социальных, человеко-машинных).

Одним из ярких примеров прагматических теорий информации является поведенческая модель коммуникации – бихевиористская модель Акоффа-Майлса. Исходным в ней является целевая устремленность получателя информации на решение конкретной проблемы. Получатель находится в «целеустремленном состоянии», если он стремится к чему-нибудь и имеет альтернативные пути неодинаковой эффективности для достижения цели. Так как «целеустремленное состояние» характеризуется последовательностью возможных действий (альтернатив), эффективностью действия и значимостью результата, передаваемое получателю сообщение может оказывать воздействие на все три компонента в различной степени. В соответствии с этим передаваемая информация подразделяется на «информирующую», «инструктирующую» и «мотивирующую». Таким образом, для получателя прагматическая ценность сообщения состоит в том, что оно позволяет ему наметить стратегию поведения при достижении цели построением ответов на вопросы: что, как и почему делать на каждом очередном шаге? Для каждого типа информации бихевиористская модель предлагает свою меру, а общая прагматическая ценность информации определяется как функция разности этих количеств в «целеустремленном состоянии» до и после его изменения на новое «целеустремленное состояние» [4, с. 18].

Следующим этапом в развитии прагматических теорий информации явились работы американского логика Д. Харраха, построившего логико-прагматическую модель коммуникации. Одной из слабостей бихевиористской модели является ее неподготовленность к оценке ложных сообщений. Модель Харраха предполагает учет общественного характера человеческой коммуникации. В соответствии с ней получаемые сообщения должны быть сначала подвергнуты обработке, после которой выделяются сообщения «годные к употреблению». Именно к совокупности годных к употреблению сообщений должны быть применены критерии прагматической ценности.

Теория информации в трактовке Шеннона возникла как средство решения конкретных прикладных задач в области передачи сигналов по каналам связи. По-существу, она являлась и является прикладной информационной наукой. Совокупность наук, изучающих информационные процессы в том или ином их специфическом содержании и форме, во второй половине прошлого века увеличивалась довольно быстро. Это кибернетика, теория систем, документалистика, лингвистика, символическая логика и другие. Стержнем, объединяющим все эти исследования, служит общая теория информации – информология, в основу которой положены синтаксические, семантические и прагматические концепции информации.

Сегодня согласно концепции «трех волн» О. Тоффлера человечество находится в третьей, постиндустриальной фазе своего развития, что выражается во всеобщей компьютеризации и информатизации социальных процессов. Следствием этого является снижение роли человеческого фактора, выражающегося в индивидуальности, ослабление влияния на социализацию индивида первичных социальных групп, рост единообразия, стандартизации и механики. Человек в информационном обществе все больше рассматривается с точки зрения профессиональной пригодности и функциональных способностей. Главная ценность современного общества – информация – остро нуждается в коммуникационных механизмах, способных обеспечивать ее поступление из одного пункта в другой, причем данными механизмами могут выступать не только сугубо технические устройства, но и люди.

Многими современными авторами излагаются взгляды, согласно которым, в силу изменений, происходящих в техногенную эпоху, на смену «гуманитарной» культуре, доминировавшей в организациях в конце XX в., уже приходит новая, «технократическая» культура [5, с. 14]. Формирование технократических стереотипов в сознании людей, способствующих формализации и стандартизации производственных отношений, ведет к стремительному и глубокому проникновению новых информационных технологий в бизнес-среду, формирует новое сообщество людей с новым групповым сознанием. Это происходит не только в силу известного философского положения о зависимости сознания от свойств среды. В процессе повышения квалификации исполнитель рабочих заданий все больше погружается в мир технологий, с ростом их сложности мировоззрение исполнителя при обучении гипертрофируется.

Естественно, новая информационная среда обитания не может не влиять на сознание человека. Ощущение себя элементом информационного общества неминуемо ведет к критичным изменениям на индивидуальных уровнях идентификации, убеждений и ценностей, способностей и поведения. Даже обыденное сознание нам говорит, что мировоззрение персонала, проводящего 80% или более рабочего времени в корпоративной информационной сети, кардинально отличается от мировоззрения персонала 1970-х годов. Работающий в информационной сети персонал, как правило, представляет собой особый социально-экономический тип. Программисты как социальный тип личности характеризуются высокой дисциплиной, ответственностью, целеустремленностью, упорством, а также смиренностью и скромностью, тягой к новому,

неприятием потребительского отношения к жизни, специальными навыками работы и руководства.

Во многих крупных корпорациях существует система ранжирования служащих, которые, как и в закрытом обществе, отличаются друг от друга цветом и покроем униформы. Характерен пример крупной сети магазинов, где сотрудники склада, работающие «на подхвате», одеты в желтые майки, стажеры носят белую рубашку и бледно-желтый галстук, а продавцы (то есть стажеры, подтвердившие свою профессиональную пригодность) – белую рубашку и ярко-желтый галстук, консультанты носят поверх рубашки светло-коричневые пиджаки, а начальники отделов одеты в обычные строгие костюмы. Видна строгая дифференциация персонала, подобно дифференциации сословий или каст. Соответственно каждая профессиональная страта ограничена в сфере своего влияния и полномочий не только должностными инструкциями, но и внешним видом, это не может не влиять на психику человека. Только в закрытом обществе привилегированные слои могли носить определенные виды тканей, использовать определенные цвета и форму одежды. Низший служащий подобной корпорации должен вдвойне ощущать свою ничтожность и малый ранг в иерархии профессиональной группы, чем такой же служащий в компании, не использующей техногенное управление – приемы и методы закрытого общества – для повышения эффективности своей работы.

Данные факты показывают, что реальным полноправным цельным человеком в такой организации является тот, кто носит обыкновенный среднестатистический костюм и ничем не выделяется внешне. Остальные – те, кто «не дорос», – технологический инвентарь: обезличенная масса, из которой следует максимально выжимать ее профессиональные способности.

Управление техногенного характера имеет опасную тенденцию, которая, если ничего не менять, проявится в ближайшем будущем в виде гуманитарного кризиса, основанного на деиндивидуализированном подходе к персоналу. Эффективный менеджмент может позитивно реализовать себя тогда, когда учитываются не только чисто технические аспекты производства, но и аспекты гуманитарные: благополучный микроклимат на производстве, надежные социальные гарантии, возможность карьерного роста, нормированный восьмичасовой рабочий день, хорошо оборудованная дешевая столовая для персонала, спортзал, туристические базы отдыха. Важно, чтобы социальные гарантии и гуманитарный подход были едиными для всего персонала предприятия / организации независимо от должностной иерархии.

Сегодня профессиональное овладение современными инструментами и технологиями требует таких затрат времени и интеллектуальных усилий от индивида, что на мировоззрение последнего технологии начинают оказывать влияние, соизмеримое с влиянием среды. В связи с этим в новую информационную эру образовательный фактор социальных конфликтов, до этого не проявлявший себя, превращается в критичный, если связанные в едином процессе исполнители рабочих заданий не могут эффективно взаимодействовать в силу разрыва культур, к которым они принадлежат.

Основной принцип развития и функционирования общества основан на

разделении труда, в силу чего каждый человек зависит в той или иной степени от других. Но в информационном обществе разделение труда особенно сильно проявляется, так что можно говорить о наличии определенных категорий людей, высшие из которых являются гармонично развитыми личностями, а низшие представляют из себя «запчасти и узлы» для выполнения конкретной технологической операции. И такое деление не надуманно, оно вполне обосновывается отсутствием времени и возможностей у людей «низшей категории» на чтение высокоинтеллектуальной литературы, слушание классической и ретро музыки, посещение театров и других организаций культуры [6, с. 22]. Их бытие ограничено жесткими технологическими рамками, ставящими их перед выбором: зарабатывать на существование либо быть аутсайдерами.

Ценности информационного общества изначально предполагают, что техника сама все сделает за человека. Зачем читать, когда можно купить компакт-диск с дайджестом требуемого произведения и ознакомиться с аннотацией либо бегло пролистать файл, используя «поиск», для нахождения требуемого фрагмента. Следствием этого является интеллектуальная деградация и ограниченное сознание нового поколения.

Гуманитарный аспект управления в постиндустриальном обществе и должен заключаться в целенаправленном поддержании интеллектуального уровня развития сотрудников предприятия. В случае, если ограничиваться только контролем за технологическими процессами, то с течением времени просто не станет управленцев, так как старое поколение отойдет от дел, а молодой управленческий персонал будет не в состоянии глобально мыслить. Его кругозор и способность принимать решения будут намного меньше, нежели у тех, кто им руководил и ввел в свое время систему закрытого общества в организациях.

«Социологи констатируют не только то, что большинство существующих в наше время в Соединенных Штатах классовых различий объясняется главным образом разницей полученного образования, но и то, что новый «класс интеллектуалов» де-факто стал доминирующей группой современного общества» [6, с. 23]. Именно интеллектуальные способности человека и качество его образования в значительной мере определяют в постиндустриальном обществе уровень его доходов и социальный статус.

Для нормального развития и существования открытого общества важно, чтобы интеллектуально развитыми были как можно больше людей, а не только избранный класс «меритократов», то есть, по определению британского футуролога М. Янга, интеллектуальная элита [7, с. 15].

Библиографический список

1. *Хартли, Р.* Передача информации [Текст] / Р. Хартли // Передача информации и ее применение. – М., 1959.
2. *Карнап, Р.* Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике [Текст] / Р. Карнап. – М., 1959.
3. *Шрейдер, Ю. А.* Экспертные системы: их возможности в обучении [Текст] / Ю. А. Шрейдер // Вестник высш. шк. – 1987. – № 2. – С. 14–19.
4. *Робертсон, Д. С.* Информационная революция [Текст] / Д. С. Робертсон // Информационная революция: наука, экономика, технология : реферативный сб. / ИНИОН РАН. – М., 1993.

5. Рубцов, С. В. Философское и политическое содержание «технократической» культуры организации [Текст] / С. В. Рубцов // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 2. – С. 12–15.

6. Иноземцев, В. Л. Наука, личность и общество в постиндустриальной действительности [Текст] / В. Л. Иноземцев // Российский химический журнал. – 1999. – № 6. – С. 22–25.

7. Young, M. The Rise of Meritocracy: 1958–2033 [Текст] / M. Young. – London, 1958.

И.В. Ковшова,

*аспирант Саратовского государственного
технического университета*

СОЦИОДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ КОНТРАКУЛЬТУРЫ

Разработка методологии контркультуры особо актуальна в условиях распространения процессов глобализации, когда культурная и ценностная стандартизация мирового сообщества неизбежна. В настоящее время повышается вероятность появления контркультурных процессов. Именно поэтому необходимо исследование условий возникновения, форм проявления и трансформации контркультуры. В целях прогнозирования событий в сфере культуры важна разработка моделей контркультуры.

В современной науке термин «контркультуры» используется в двух смыслах: «во-первых, для обозначения социально-культурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, которые господствуют в конкретной культуре, и, во-вторых, она отождествляется с западной молодежной субкультурой 60-х годов, отразившей критическое отношение к современной культуре» [1, с. 86].

Контркультура не может быть сведена к субкультуре, однако субъектом контркультуры выступает какая-либо субкультура или их совокупность, ценности которых претендуют на общезначимость. На примере контркультуры середины XX в. возможно рассмотрение соотношения феноменов молодежных субкультур и контркультуры.

Момент выделения молодежи в самостоятельную социально-демографическую группу исследователи связывают с началом Нового времени. Этому способствовали разделение труда и последующая индустриализация, обусловившие характер социокультурной дифференциации, изменение структуры свободного времени. Научно-технический прогресс привел к увеличению срока, необходимого для приобретения знаний и навыков в овладении будущей профессией. Такая ситуация может привести к увеличению срока приобретения стабильного социального статуса индивидом до 30–35-летнего возраста.

В современных индустриальных обществах разрыв между детством и зрелостью достаточно велик. Положение современной молодежи изначально носит

переходный, маргинальный, характер: от детства – к взрослости, от несамостоятельности – к самостоятельности, от безответственности – к принятию на себя таковой, от узкого семейного окружения – в сложную макроструктуру общества. Таким образом, решающее значение, помимо биологических и психологических характеристик молодежи, имеют социальные – маргинальный, неопределенный социальный статус, временная невозможность в полном объеме реализовать социальные притязания.

Молодежь – часть населения, находящаяся в стадии активной социализации, то есть процесса, в результате которого молодые становятся членами человеческого общества и интернализуют ценности общества, в котором рождены. Облегчению преодоления трудностей этого периода способствуют новые специальные институты социализации, в которых общие проблемы решаются молодыми сообща. Молодежные сообщества, так называемые peer group, то есть группы равных, – поле для отработки новых способов поведения и взаимоотношений в обществе, созревания самосознания личности. Группы равных в данном случае не отождествляются с молодежными субкультурами, которые являются альтернативными, запасными вариантами социализации.

Следовательно, далеко не все представители нового поколения признаются потенциальными участниками субкультурных неформальных объединений, а лишь те, чьи ценностные установки по тем или иным причинам пребывают в конфликте с общепринятыми.

Пути нарушения включения человека в социальную структуру могут быть различными. Однако показателен тот факт, что проблемы социализации охватили не одно поколение молодых второй половины XX в. Это привело к тому, что многие из них приняли непосредственное участие в молодежном протесте, в частности, против существовавших механизмов социализации. Данная проблема указывает на глубинные ценностные сдвиги в индустриально развитом обществе. Подобная ситуация возникает не только из-за гетерогенности агентов социализации, но и указывает на принципиальную неоднородность ценностных установок.

Несоответствие изменившихся внешних условий среды и старых методов адаптации в социокультурной системе приводит к распространяющемуся девиантному (отклоняющемуся) поведению. Существует множество теорий, объясняющих появление девиации [2]. Остановимся только на некоторых из них, касающихся причин социальной дезинтеграции в обществе, которые впоследствии приводят к массовому распространению отклоняющегося поведения по различным каналам. Наша задача – выяснить, каким образом и почему появляются новые ценностные ориентации, реализующиеся затем в молодежных субкультурах и контркультуре.

Причиной социальной дезорганизации Э. Дюркгейм считает аномию, то есть потерю ценностных ориентаций в обществе. Нормы поведения устанавливаются обществом и необходимы для удерживания в определенных рамках «безграничных ненасытных по своему существу» желаний, иначе «неутомимая жажда превращается в сплошную пытку», причем ограничения для каждого социального слоя существуют свои, если, конечно, подчиненные ограничениям

люди признают их справедливыми. Если они держатся только по принуждению и привычке, при резких изменениях экономического положения в обществе, будь то экономический кризис или, наоборот, небывалый подъем благосостояния, происходит утрата прежних норм поведения вследствие несоответствия их новым условиям [3].

Р.К. Мертон модифицировал понятие аномии и выявил пути, по которым происходит распространение девиации. В социальной структуре определяются культурные и социальные устремления (цели) и соответствующие им пути достижения (институционализированные средства). Социальная система теряет равновесие из-за акцентирования значимости средств или смещения внимания на цели, в результате чего возникает напряжение, способствующее развалу регулирующей системы. Тогда единственными регулирующими факторами будут учет личных достижений и страх наказания. Из комбинаций соответствия или несоответствия культурных целей и средств их достижения образуются пять групп социальной адаптации к изменившимся условиям: конформность, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж [4, с. 105].

Следуя логике Р.К. Мертона, представим динамический процесс развития девиации с проекцией ее на молодежные субкультуры. Возможны два пути направления процесса, в зависимости от признания или отвержения культурных и социальных целей.

Исходной точкой расхождения является конформность – соответствие культурных целей средствам их достижения.

В случае следования инновации, когда заявляемым целям не соответствуют институционализированные средства, члены общества признают значение общепринятых культурных и социальных установок, но ограничены в доступе к законным средствам их достижения. Это преодолевается прямым использованием нелегитимных средств, что соответственно способствует увеличению преступлений или появлению околопреступных молодежных группировок (любры, скинхэды). В молодежной среде из нижних социальных слоев эта проблема решается на символическом уровне. Для повышения своего статуса используются атрибуты престижа в создании своего стиля (субкультура модов).

При утрате общепринятых целей для части населения девиация будет распространяться следующим образом. Сначала на стадии ритуализма происходит отвержение или понижение слишком высоких культурных целей, но продолжается почти безусловное соблюдение институциональных норм, которое выражается в снижении уровня жизненных притязаний из-за страха за свой статус. Страх вызывает бездействие или действие строго в рамках заведенного порядка; как правило, такое наблюдается в нижнем среднем классе. Это объясняет то, каким образом вызревал субкультурный «взрыв» шестидесятых в недрах «молчаливого поколения» 40-х годов XX в. [5].

Ретритизм встречается часто, когда и культурные цели, и институциональные способы их достижения полностью усвоены, горячо одобряются и высоко ценятся индивидом, но доступные средства не приводят к успеху. Возникает двойной конфликт: интериоризованное моральное обязательство использовать для достижения целей только институциональные средства противостоит внеш-

нему побуждению прибегнуть к средствам недозволенным, но эффективным, что приводит к результату постоянных неудач в стремлении достигнуть цели законными средствами и демонстрирует неспособность прибегнуть к незаконным средствам вследствие внутреннего запрета. Конфликт разрешается путем устранения обоих воздействующих элементов – как целей, так и средств [6].

К «адаптирующимся» таким образом Р.К. Мертон относит страдающих психозами, ушедших в свой внутренний болезненный мир, отверженных, бездельников, бродяг, хронических алкоголиков и наркоманов. Как видно, такая позиция отчасти близка исторически первой субкультуре битников, а также панкам, эпатажирующим своим явным пренебрежением к общественным нормам. Следующим этапом после отчуждения от официальных ценностей, разочарования в них, ухода, а затем простого их переворачивания как альтернативы поиска новой ценностной платформы выступает образование молодежных субкультур «гибридного» характера.

Мятеж – тип приспособления, который выводит людей за пределы окружающей социальной структуры и побуждает их создавать новую, то есть сильно видоизмененную социальную структуру. Р.К. Мертон, проводя параллели с революцией, нечетко поясняет этот вид девиации. С учетом, что мятеж предполагает выработку не только новых ценностей, но и средств их достижения, можно допустить сходство подобной адаптации с механизмом образования субкультуры, которая предлагает не только видоизмененное толкование общепринятых ценностей для конкретной социальной группы, но и выработанные в этой среде средства их достижения, то есть культурные и социальные нормы поведения, свойственные только для представителей данной субкультуры. Революцию от субкультуры будет отличать то, что революция предполагает политическое видоизменение кризисной ситуации, касающееся всего общества, а в субкультуре кризис преодолевается на культурном уровне для групп населения, разделяющих определенные ценности. При этом происходит обращение к ценностному ядру определенной цивилизации, что демонстрируют субкультуры битников (восхищавшихся мироощущением хипстеров – афроамериканских разнорабочих, увлекавшихся восточными культурами), хиппи (основа – культура индейцев, буддизм), раста (культура Ямайки), готов (культура Скандинавии).

Весь процесс отказа от официально признанных ценностей и признанных обществом средств их достижения до появления названных молодежных субкультур будем считать контркультурой, а приведенные субкультуры – контркультурными. «Контркультурность» будет заключаться в переворачивании принятых норм; помещении привычных вещей в непривычный контекст, что наделяет их новым смысловым содержанием; привнесении элементов «чужой» культуры в «свой» контекст, что вызывает культурный шок. Часть молодежи является носителем контркультурных ценностей потому, что оказывается в наиболее уязвимом, длительном маргинальном положении; перед ней наиболее остро встает задача необходимости выбора между несколькими равноправно функционирующими системами ценностей.

Таким образом, во-первых, происходит актуализация ценностей, заложен-

ных в данном культурном образовании, которые носят маргинальный характер; во-вторых, обнаруживается возвращение к исходному ценностному ядру, выраженному в мифологии, религии, классических текстах конкретной цивилизации; в-третьих, осуществляется кардинальный его пересмотр. Кроме того, при этом наблюдается выход системы ценностей культурного образования за свои пределы в другие культуры. За счет обогащения ценностями других культур происходит саморегуляция самой системы и переструктурирование ценностной иерархии ее ядра.

Контркультура указывает на кризисное состояние культуры, раскол в ее ценностном ядре, и в то же время является адаптивным механизмом трансляции социального и культурного опыта, благодаря которому удается восстановить целостность культурной системы.

Предложенная методология подходит для рассмотрения подобных процессов в рамках глобального общества, когда заявляемые общемировые ценности, выведенные на основе ценностей одной из цивилизаций, занимающей главенствующее положение, распространяется на все мировое сообщество. При ущемлении других культур будет происходить либо насильственное нелегитимное отстаивание своих прав, например при помощи террористических актов, либо уравнивание центробежными тенденциями – отстаивание своей самобытной системы ценностей культурными средствами, актуализация национальной самобытности.

Библиографический список

1. *Гуревич, П. С.* Культура и контркультура [Текст] / П. С. Гуревич // Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 82–92.
2. *Мухина, О. В.* Теоретико-методологические основания социологического анализа отклоняющегося социального поведения в современном российском обществе [Текст] : дис. ... канд. социол. наук / О. В. Мухина. – Саратов, 2005.
3. *Дюркгейм, Э.* Самоубийство: социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм; пер. с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. – М., 1994.
4. *Мертон, Р. К.* Социальная структура и аномия [Текст] / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 3. – С. 104–114.
5. *Кон, И.* Студенческие волнения и теория «конфликта поколений» [Текст] / И. Кон // США – экономика, политика, идеология. – 1971. – № 3. – С. 27–39.
6. *Мертон, Р. К.* Социальная структура и аномия [Текст] / Р. К. Мертон // Социс. – 1992. – № 4. – С. 91–96.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

О.Б. Стерликова,

*преподаватель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение, защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Россией признаны общепринятые нормы международного права в области осуществления прав и свобод человека, и они стали частью общероссийской правовой системы.

Право на образование закреплено в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека [1, с. 17]. Являясь одним из естественных прав человека, оно имеет целью удовлетворить потребности людей в знаниях, приобретении культурных, профессиональных навыков.

Статья 1 Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 14 декабря 1960 г., запрещает проявление любой дискриминации в области образования, в частности:

- закрытие для какого-либо лица или группы лиц доступа к образованию любой ступени или типа;
- ограничение образования для какого-либо лица или группы лиц низшим уровнем образования;
- создание или сохранение отдельных систем образования или учебных заведений для каких-либо лиц или группы лиц по общему правилу;
- создание положения, несовместимого с достоинством человека, в которое ставится какое-либо лицо или группы лиц по общему правилу;
- создание положения, несовместимого с достоинством человека, в которое ставится какое-либо лицо или группы лиц, стремящихся к получению образования [2, с. 6].

В Российской Федерации каждый имеет право на образование – так гласит правовая норма, закрепленная ст. 43 Конституции РФ. Сфера образования в нашей стране рассматривается в качестве приоритетной. Принципы государственной политики в области образования определены Законом РФ от 10 июля 1992 г. «Об образовании». К таким принципам относятся следующие: гуманистический характер образования; приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; общедоступность образования; адаптивность системы образования к уровням и особенностям развития подготовки обучающихся; светский характер образования; государственно-общественный характер управления образованием; автономность образовательных учреждений [3].

Гражданам Российской Федерации на ее территории гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, возраста, расы, национальности, социального, имущественного и служебного положения. Под образованием понимается целенаправленный процесс обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином установленных государством образовательных уровней.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53 «О воинской обязанности и военной службе» военная служба является особым видом государственной службы [4, с. 56]. Следовательно, права военнослужащих на образование вытекают из сущности военной службы как службы государственной. Права и свободы военнослужащих – важный критерий, который неразрывно связан с социальной структурой общества, развитием демократии, состоянием законности, уровнем государственного управления. Реализация военнослужащими, как полноправными гражданами России, права на образование производится как в военных, так и в гражданских учреждениях профессионального образования.

Военным образовательным учреждением высшего профессионального образования федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, является государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, реализующее в соответствии с лицензией военные образовательные программы высшего профессионального образования. Существуют следующие виды высших военно-учебных заведений: военная академия, военный университет, военный институт.

Военная академия:

- реализует военные образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования;
- осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации офицеров (младших, старших и высших), научно-педагогических и научных кадров для определенной области военно-профессиональной, научной и научно-педагогической деятельности;
- выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования преимущественно в области военных наук;

– является ведущим научным и методическим центром в областях своей деятельности.

Военный университет:

– реализует военные образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру направлений подготовки (специальностей);

– осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации офицеров (младших и старших), научно-педагогических и научных кадров;

– выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования по широкому спектру наук;

– является ведущим научным и методическим центром в областях своей деятельности.

Военный институт:

– реализует военные образовательные программы высшего профессионального образования, а также, как правило, образовательные программы послевузовского профессионального образования;

– осуществляет подготовку, переподготовку и повышение квалификации офицеров для определенной области военно-профессиональной деятельности;

– ведет фундаментальные и прикладные научные исследования.

Кроме этого, в военно-медицинские институты для продолжения обучения принимаются граждане Российской Федерации из числа студентов, окончивших 4 курса государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования по специальностям «лечебное дело», «педиатрия», «медико-профилактическое дело», а по специальностям «фармация» и «стоматология» – 3 курса фармацевтических и стоматологических университетов, институтов (факультетов), в возрасте не старше 27 лет. В Военно-ветеринарный институт для продолжения обучения принимаются граждане Российской Федерации из числа студентов, окончивших 4 курса ветеринарных университетов, институтов (факультетов), в возрасте не старше 27 лет.

Военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, обучение в гражданских образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования не разрешается. Данное ограничение права на образование на указанный период связано со спецификой и особенностями прохождения ими военной службы.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, имеют право на обучение в гражданских образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования и на подготовительных отделениях (курсах) указанных образовательных учреждений с освоением образовательных программ по очно-заочной (вечерней) или заочной форме обучения.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, общая продолжительность военной службы которых составляет 5 лет и более (не считая времени обучения в военных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования), в год увольнения с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, истечении срока военной службы или по состоянию здоровья имеют право пройти

профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение и с сохранением обеспечения всеми видами довольствия в порядке и на условиях, которые определяются федеральными органами исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, продолжительностью до трех месяцев, а при увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями – до шести месяцев. В случае увольнения указанных военнослужащих с военной службы в период обучения они имеют право на завершение учебы бесплатно.

В целях выполнения Программы первоочередных государственных мер по усилению социальной защиты военнослужащих Российской Федерации, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей в условиях военной реформы, утвержденных распоряжением Президента РФ от 27 марта 1993 г. № 203-рп. Министерству образования РФ, Министерству обороны России было поручено создать необходимые условия для обучения военнослужащих, проходящих службу по контракту, без освобождения от исполнения служебных обязанностей, граждан, проходивших военную службу по контракту и уволенных с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, в том числе уже имеющих образование соответствующего уровня, в государственных образовательных учреждениях профессионального образования с выделением определенного количества мест для целевого приема указанных лиц [5].

Военнослужащие и члены их семей имеют право на обучение только по одной гражданской специальности и только в одном из учебных заведений. Военнослужащие, изъявившие желание поступить на очное обучение в учебные заведения, направляются на учебу только после их увольнения с военной службы, причем подготовка и переподготовка по гражданским специальностям военнослужащих и членов их семей осуществляется, как правило, в учебных заведениях, расположенных в населенных пунктах по месту службы военнослужащих (граждан, уволенных с военной службы, – по месту жительства, избранного после увольнения). Но это не лишает права указанной категории граждан на обучение в учебных заведениях, расположенных в других регионах страны. В этих случаях расходы, связанные с проездом к месту обучения и обратно, возлагаются на военнослужащих.

Подготовка и переподготовка военнослужащих по гражданским специальностям по вечерней форме обучения осуществляется только по месту их службы.

В целом законодательная база Российской Федерации, регламентирующая рассматриваемые вопросы, в полной мере отвечает международным стандартам в сфере образования.

Специфика военной службы и характер военно-служебных отношений требуют соответствующего уровня подготовки лиц, осуществляющих обязанности военной службы. Вооруженные Силы и воинские формирования страны в сложных современных условиях выполняют важную роль в обеспечении надлежащих условий для проведения процесса реформ, осуществляемых нашей страной. Их боеготовность и боеспособность как гарант внутренней и внешней

стабильности государства обеспечиваются посредством ряда факторов, в частности, за счет качественного образовательного уровня военнослужащих.

Поступательное развитие гражданского общества требует эффективной системы управления, в том числе и от органов военного управления страны. Чтобы управлять, необходимо обладать соответствующим уровнем знаний и подготовки, который должен постоянно повышаться. Аппарат управления должен в совершенстве овладеть навыками работы, в связи с чем на всех уровнях возрастает роль специалистов, умеющих эффективно управлять, соотносить текущую деятельность с дальнейшими перспективами.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав и свобод человека [Текст]. – М., 2001.
2. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования [Текст]. – М., 2001.
3. Федеральный закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 25 июля 2002 г.) «Об образовании» [Текст] // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1797; СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 150; 2002. – № 12. – Ст. 1093.
4. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 12 февраля 2001 г.) «О воинской обязанности и военной службе» [Текст] // Сборник законов о статусе военнослужащих. – Ростов н/Д, 2001.
5. Распоряжение Президента РФ от 27 марта 1993 г. № 203-рп [Текст] // САПП РФ. – 1993. – № 13. – Ст. 1109.

В.В. Стрельников,
*соискатель Поволжской академии государственной службы
им. П.А. Столыпина*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЕМА НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ И УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 2 марта 2007 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» [1] определяется совокупность условий, соблюдение которых необходимо при решении вопроса о зачислении на службу в органы и учреждения прокуратуры. Статья 40 Закона устанавливает, что прокурорами и следователями могут быть граждане России, имеющие высшее юридическое образование, полученное в вузе, имеющем государственную аккредитацию.

Оптимальной для прокурорской и следовательской работы в прокуратуре РФ считается подготовка по юридической специальности в Санкт-Петербургском юридическом институте Генеральной прокуратуры РФ, в институтах прокуратуры в составе Московской правовой академии, а также в Уральской государ-

ственной юридической академии и Саратовской государственной академии права. Это связано с наличием в названных, а также в некоторых других высших учебных заведениях специализации, необходимой для работы в органах прокуратуры [2, с. 109].

Закон «О прокуратуре Российской Федерации» допускает, что на должности прокуроров и следователей прокуратур городов, районов и приравненных к ним прокуратур в исключительных случаях могут назначаться лица, обучающиеся по юридической специальности в образовательных учреждениях высшего профессионального образования, имеющих государственную аккредитацию, и окончившие третий курс указанных образовательных учреждений. Такое исключение является адекватной реакцией законодателя на изменения в состоянии и тенденциях развития законности, а также учетом реальных возможностей в ближайшей перспективе полностью удовлетворить потребности органов прокуратуры в кадрах с высшим юридическим образованием, особенно в отдаленных регионах страны.

В настоящее время актуален вопрос о возможности признания высшего юридического образования, полученного в негосударственном образовательном учреждении. В кадровых подразделениях органов прокуратуры, как правило, дипломы о высшем юридическом образовании, полученном в негосударственном образовательном учреждении, не признаются. Однако какого-либо официально разъяснения по этому поводу не имеется. Между тем в соответствии с п. 3 ст. 10 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [3] право на реализацию образовательных программ высшего и послевузовского профессионального образования возникает с момента выдачи высшему учебному заведению лицензии.

Непризнание диплома негосударственного образовательного учреждения представляется неверным, поскольку в законодательстве не содержится каких-либо указаний на различия между и государственными и негосударственными образовательными учреждениями. Формальным препятствием к признанию дипломов о высшем образовании может быть только отсутствие у учебного заведения высшего профессионального образования лицензии на образовательную деятельность и / или государственной аккредитации. Этими документами в определенной степени подтверждается государственный стандарт образования и тем самым качество обучения [4, с. 125].

В аттестационной характеристике, других соответствующих документах в качестве необходимых для прокуроров и следователей качеств обычно отмечаются добросовестность, дисциплинированность, принципиальность и объективность, корректность, вежливость, отзывчивость, скромность, трудолюбие, требовательность к себе и самокритичность, исполнительность, прилежность и аккуратность. Помимо этих нравственных свойств личности при установлении соответствия прокурорского работника определенной должности оцениваются профессиональные качества, соответствующие функциональным задачам, особенностям профессиональной деятельности в соответствующей сфере (участие в суде, надзор за соблюдением законов в учреждениях уголовно-исполнительной системы), с учетом иерархического уровня органа прокуратуры в прокурорской системе.

Для профессиональной состоятельности прокурор или следователь должны обладать определенными чертами характера: высокой работоспособностью, энергичностью, волей, инициативностью, настойчивостью в достижении целей, целеустремленностью, уравновешенностью, коммуникабельностью, способностью мыслить творчески, вдумчивостью. Для прокуроров – руководителей соответствующих органов прокуратуры, их структурных подразделений, а также следователей – руководителей следственно-оперативных групп (бригад) наряду с обозначенными моральными и профессиональными качествами важное значение имеет способность руководить коллективом: умение сформировать задачу, осуществлять контроль за исполнением поручений подчиненными, практически повседневно обучать их на рабочем месте, способность влиять на формирование и поддержание надлежащего психологического климата в коллективе.

Для кандидатов на должность прокурора или следователя прокуратуры в качестве критерия пригодности выделяется безупречная репутация. С учетом особого характера условий работы в органах и учреждениях прокуратуры, напряженности и интенсивности труда прокурорских работников, нередко связанных с риском для жизни и здоровья, других объективных обстоятельств к кандидатам на эти должности предъявляются определенные требования по состоянию их здоровья.

Для определенных категорий работников органов прокуратуры Законом установлены дополнительно требования по возрасту и стажу работы. Так, на должности прокурора города, района, приравненных к ним прокуроров назначаются лица не моложе 25 лет, имеющие стаж работы прокурором или следователем в органах прокуратуры не менее трех лет. На должности прокуроров субъектов РФ, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров специализированных прокуратур назначаются лица не моложе 30 лет, имеющие стаж работы прокурором или следователем в органах прокуратуры не менее пяти лет (п. 5 ст. 40 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

Для замещения должности прокурора необходимо обладать не только определенным образованием, моральными и профессиональными качествами, но и большим жизненным и профессиональным опытом, что приходит с возрастом. В связи с этим минимальный возрастной порог для занятия должности прокурора района и города, установленный законодателями в 25 лет, представляется слишком низким. Как показывает практика, молодые прокуроры, которые ранее работали следователями, старшими следователями, не знают общего надзора, не могут грамотно и профессионально поддержать обвинение в суде, а работавшие ранее помощниками, старшими помощниками прокурора не знают тонкостей проведения предварительного следствия, не владеют методиками осуществления проверок и принятия решений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке ст. 144, 145 УПК РФ. При принятии решений ими допускаются ошибки, которые могут существенным образом отразиться на интересах юридических и физических лиц. Прокурор должен владеть всеми видами общего надзора, надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, уметь проводить следственные действия, а также владеть другими навыками прокурорской работы. Целесообразно внести изменения в

указанную статью Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и установить минимальный возраст для замещения должности прокурора района, города – 30 лет, при этом стаж работы в органах прокуратуры в качестве оперативного работника должен быть не менее семи лет.

Возраст 30 лет и стаж работы не менее пяти лет для прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров специализированных прокуратур также представляются недостаточными, поскольку в данном случае речь идет о руководителе целой системы прокуратур городов и районов, а также аппарата прокуратуры субъекта РФ. Такое лицо должно обладать не только большим профессиональным, жизненным и управленческим опытом, но и пользоваться огромным авторитетом.

На практике видно, что многие прокуроры субъектов Федерации не справляются со сложившейся обстановкой, не могут повлиять на рост преступности, организовать надлежащий надзор за законностью правовых актов, принимаемых высшими органами законодательной власти, и т.д. В связи с этим представляется необходимым установить минимальный возраст для замещения этой должности – 40 лет и стаж работы в органах прокуратуры не менее десяти лет, в том числе на руководящих должностях не менее пяти лет. Прокурор субъекта РФ представляет сотни прокурорских работников, своих подчиненных, и от того, какую позицию он займет по отношению к властным структурам, контролирующим и правоохранительным органам, зависит очень многое.

Генеральный прокурор РФ вправе в исключительных случаях назначать на должности прокуроров субъектов Федерации, городов, районов, приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур лиц, имеющих опыт работы по юридической специальности на руководящих должностях в органах государственной власти.

Органы прокуратуры заинтересованы в привлечении на службу лучших людей, достойных специалистов в области юриспруденции, имеющих наиболее высокую квалификацию. Служба в органах прокуратуры является государственной, а Конституция РФ в ч. 4 ст. 32 закрепляет равный доступ граждан России к государственной службе. В ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5] отмечено, что поступление на гражданскую службу или замещение гражданским служащим другой должности осуществляется по результатам конкурса, который заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности гражданской службы, их соответствия установленным квалификационным требованиям. В соответствии с Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной Приказом Минюста РФ от 6 июня 2005 г. № 76 [6], конкурс на замещение должностей объявляется в учреждении или органе уголовно-исполнительной системы при наличии вакантной должности и отсутствии резерва для ее замещения распоряжением (приказом) за подписью начальника, имеющего право назначения на указанную должность. Проведение конкурса в органах внутренних дел нормативно закреплено в Приказе МВД РФ от 12 июля 1995 г. № 270 «Об утвержде-

дении Перечня должностей сотрудников органов внутренних дел, замещаемых по конкурсу, и Инструкции о порядке проведения конкурсов на замещение должностей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [7]. Однако Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не предусматривает проведение конкурса на замещение вакантных должностей в органах прокуратуры. В результате конкурсного отбора претендентов имеется возможность трудоустройства лиц, максимально отвечающим требованиям, предъявляемым к прокурорским работникам.

Как отмечает Д.Н. Бахрах, суть конкурса – подбор кандидатов на должности в порядке делового соперничества специалистов, обеспечивающего равные условия для всех претендентов. Важная особенность конкурса – самовыдвижение [8, с. 245]. Таким образом, целесообразно законодательно закрепить положение об организации конкурса при первоначальном приеме на работу, проводить конкурс на замещение должностей руководящего состава – межгоррайпрокуроров и начальников отделов (управлений) в составе прокуратуры субъекта Федерации, – а также разработать порядок формирования конкурсных комиссий и проведения конкурса на замещение вакансий в органах и учреждениях прокуратуры РФ.

Библиографический список

1. СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472; 2007. – № 10. – Ст. 1151.
2. Настольная книга прокурора [Текст]. – М., 2002.
3. СЗ РФ. – 2000. – № 29. – Ст. 3001; № 33. – Ст. 3348; 2007. – № 2. – Ст. 360; № 10. – Ст. 1151.
4. Смирнов, А. Ф. Прокуратура и проблемы управления [Текст] / А. Ф. Смирнов. – М., 1997.
5. СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215; 2007. – № 10. – Ст. 1151.
6. Российская газета. 2005. 6 июля.
7. Сборник руководящих документов МВД РФ [Текст]. – СПб., 1996.
8. Бахрах, Д. Н. Административное право России [Текст] / Д. Н. Бахрах. – М., 2001.

В.В. Бетурлакин,

*ассистент Балаковского института техники, технологии
и управления (филиал Саратовского государственного
технического университета)*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Возникновение в 1991 г. социальной работы в России и появление высшего образования в этой области – закономерное явление для развивающегося общества с целым комплексом насущных проблем, требующих профессионального решения. Тем не менее по настоящее время обнаружи-

вается множество стереотипов относительно того, что представляет собой социальная работа (обычно под ней подразумевают исключительно социальное обслуживание) и кто может ей заниматься (как правило, приводятся личностные характеристики, необходимые работнику, а не его уровень подготовки).

Разумеется, специалист по социальной работе должен обладать определенными «профессиональными» чертами: способностью к эмпатии, толерантностью, тактичностью, но это ни в коей мере не сможет заменить образовательную составляющую: «... чтобы эффективно осуществлять профессиональную деятельность, недостаточно сочувствия людям, желания помочь, необходимы систематические знания...» [1, с. 227]. Профессионализм начинается со специального образования, которое дает индивиду определенный набор знаний и навыков, необходимых в профессии, знакомит с латентными нормами и профессиональными практиками, способствует усвоению профессионального этоса, предоставляет формальное подтверждение профессионального статуса в виде диплома и, следовательно, легитимизирует претензии профессионала на экспертное знание [2].

В социологии существуют различные взгляды на профессию и профессионализацию. Определяющим же профессию фактором является не сам факт получения вознаграждения за труд (т.е. не каждая деятельность, являющаяся источником дохода, – профессия), а наличие специфической подготовки исполнителя (образование с его символическими атрибутами) и собственно профессионализм, рассматриваемый как совокупность навыков, умений, технологий, профессиональной репутации [3, с. 118–119]. Обобщая признаки профессии, по которым ее можно отличить от других занятий, А. Гроссман выделял, например, такие: теоретическая основа и обязательное длительное изучение и обучение; автономия и саморегулирование в установке стандартов практики и содержания образования; большой престиж, влияние и финансовое вознаграждение по сравнению с другими занятиями [4]. Профессия является более сложным образованием, чем трудовая деятельность, и достигает своего статуса за счет определенного процесса – профессионализации.

Профессионализация в широком социальном смысле понимается как создание и развитие общественных институтов, а также правил и норм, связанных с формированием профессиональной структуры общества. В узком смысле процесс профессионализации означает формирование профессиональных групп, имеющих специфические интересы и ценности, а также профессиональных позиций и ролей. С функционалистской точки зрения профессионализацию можно представить как «позитивный процесс, способствующий осуществлению социальных преобразований таким образом, чтобы социальный конфликт и дезинтеграция оставались минимальными» [5, с. 60]. Есть все основания считать, что само существование такой профессии, как социальная работа, является критерием, по которому можно оценивать отношение государства к социальным проблемам.

При атрибутивном подходе к понятию профессионализации возникают вопросы: какой вид деятельности следует считать профессией; какие общие

черты должны присутствовать у деятельности, чтобы она могла считаться профессией? В этом ракурсе профессионализацию можно представить как процесс, посредством которого некая разновидность занятий может с успехом претендовать на статус профессии и, следовательно, на награды и привилегии, соответствующие этому статусу.

Между тем критические теории профессионализации не считают возможным ограничиться фиксированным набором атрибутов профессионализма – такая позиция выражена интерпретативным подходом к пониманию профессии, в соответствии с которым каждая профессия «озабочена» тем, чтобы удержать или захватить выгодное положение в стратификационной системе. Вследствие этого профессионализация оказывается процессом создания и контроля рынка определенных услуг, предоставляемых данной профессией, а в конечном итоге стремлением к высокому статусу и восходящей социальной мобильности самих профессионалов.

Профессионализация требует развития стандартов, под которыми понимаются прежде всего качественные критерии для социально-педагогической деятельности. Они должны быть определены как можно конкретнее, чтобы обеспечить надежность как внутри, так и вне учреждения. Наряду с подготовкой стандартов для социальной работы должны быть разработаны стандарты и для образования в этой области.

Высшее образование – один из важнейших факторов, оказывающих влияние на сложившуюся ситуацию в области институционализации социальной работы. С момента открытия в высших учебных заведениях специальности «Социальная работа» социальная работа как профессия получила дополнительную возможность для активного и полноценного развития (ведь одним из основополагающих элементов профессии выступает систематизированное знание [6, с. 107]), хотя оно до сих пор осложняется стереотипным и тривиальным восприятием данной профессии со стороны внешней среды. В частности, в России (и в ряде некоторых других стран) термин «социальная работа» трактуется как синоним понятия «социальные услуги» – в таких случаях люди, оказывающие клиентам уход на дому или работающие в учреждениях социального обслуживания, считаются социальными работниками, вне зависимости от того, какие функции они выполняют [7].

Хотя в настоящее время существует ряд проблем с общепринятой концепцией социальной работы, система образования постепенно формируется и совершенствуется в процессах наиболее продуктивной подготовки и выпуска качественно подготовленных специалистов. Для наиболее правильного представления о данной специальности необходимо взвешенно и глубоко анализировать опыт стран, где корпус специалистов формировался в течение десятков лет. Разумеется, отечественная практика не должна слепо копировать иностранные модели социальной работы, но следует учитывать, что именно мировой опыт – один из важнейших источников роста и развития этой профессии в нашей стране. Заимствование иностранных наработок и адаптация зарубежных моделей (в том числе и образовательных) к отечественным условиям вполне допустимы, если брать за основу не слепое копирование

чужих образцов, а адекватное принятие того лучшего, что может оказаться полезным для повышения качества высшего образования специалистов по социальной работе.

Тем не менее новые, стратегически значимые направления и подходы к системе подготовки студентов часто подменяются стандартными, в ряде случаев устаревшими или не имеющими значимости направлениями, методами и средствами обучения («предлагаемые и используемые нашими вузами образовательные концепции традиционны, многие методики и технологии обучения безнадежно устарели» [8, с. 144]). В этом кроется один из важнейших стратегических просчетов: в вузах воспитывают функционеров с заданным алгоритмом поведения и стереотипными реакциями, а смысл раскрытия индивидуальности личности остается в стороне, хотя такой аспект обязательно должен освещаться.

Социальный работник изначально должен быть настроен на возможность возникновения нестандартных ситуаций и быть готов реагировать на них как на естественный компонент своей работы, ведь социум представляет собой не статичное образование и часто бывает трудно спрогнозировать варианты поведения клиентов или объектов исследования, поэтому подготовка социального работника должна осуществляться с учетом того, что шаблонные установки не всегда действительны на практике. Специфика социальной работы и ее сложность заключаются в том, что эта деятельность относится прежде всего к человеку (в данном случае не принципиально: в группе, обществе или отдельно от всех), а каждая личность индивидуальна и требует своего подхода, который зависит как от самой проблемы, так и от ее контекста. Следовательно, предполагается неограниченная вариативность ситуаций, на которые сможет отреагировать только качественно подготовленный специалист.

Проблема профессиональной подготовки практических социальных работников представляется, в частности, в том, что возможности традиционной системы образования оказались весьма ограниченными для этой цели. Тем самым необходимо признать, что качество системы подготовки следует изучать как можно подробнее и реорганизовывать ее для приведения в соответствие с современными социальными запросами и задачами социальной политики [9, с. 23]. Кроме того, важно учитывать специфику данной учебной специальности как таковой, в связи с чем далее формирование контингента студентов уже должно быть другим – отличным от других вузов [10, с. 15] и исходящим из определенных критериев (умение общаться с людьми, толерантность, устремления и профессиональные ожидания [11, с. 56–57], ряд других качеств). Кроме того, при подготовке специалиста в области социальной работы нельзя ограничиться обычным педагогическим процессом, типичным для «обычного» вуза, «обычных» специальностей. Между тем именно в подобном подходе к обучению – в тотальной унификации – и видится главный недостаток отечественной системы образования, не изжившей стереотипность и догматичность советских стандартов подготовки, и консервативного, не вовремя реагирующего на требования реальности учебного плана, который допускает избыточную фрагментарность в подаче материала студентам. В содержании программ

многих дисциплин часто отсутствует ярко выраженная целевая направленность на профессию, не выделяются ведущие понятия, слабо выражены межпредметные и внутрипредметные связи, не отражена идея непрерывности и преемственности профессиональной подготовки. В результате выпускаемые специалисты социальной работы не всегда адекватно представляют те условия, в которых им придется работать, тем более что во время прохождения практики в социальных службах они иногда лишены возможности получить полноценную информацию.

Объединение усилий в оптимизации процесса профессионализации социальной работы как высшей школы, так и социальных служб в настоящее время крайне необходимо, поскольку в данном случае высшее образование выступает немаловажным фактором для институционализации социальной работы в обществе. Необходимо учитывать, что «отсутствие у социальных работников базовых знаний, конкретных умений и навыков приводит к тому, что в работе они ориентируются на свои душевные качества и житейский опыт... Это, в свою очередь, снижает профессионализм социальных работников, сдерживает процесс профессионализации социальной работы» [1, с. 227]. Все сводится к тому, что «интеграция академической подготовки и практической работы – это идеальная цель» [12, с. 261], которую требуется достигнуть, а для этого следует создать необходимые предпосылки. Трансформирование же образовательной сферы неминуемо скажется как на отдельном человеке, так и на социальной работе [13, с. 198] и на обществе в целом, поскольку все эти элементы взаимосвязаны и обуславливают модернизацию и трансформацию друг друга.

Для достижения нового качества образования социальных работников должны осуществляться конкретные меры, среди которых можно выделить: улучшение материально-технической базы высших учебных заведений, информатизацию образования и оптимизацию методов обучения, активное внедрение новых методик, формирование условий для непрерывного профессионального роста кадров, участие работодателей и других социальных партнеров в решении проблем профессионального образования и в формировании заказа на подготовку специалистов. Немалая роль должна отводиться и взаимосвязи теории и практики во время обучения, поскольку в отечественных вузах при подготовке социальных работников слабо выражен элемент практической деятельности, хотя именно она (в комплексе с полноценной теорией) имеет определяющее значение в формировании специалиста-практика.

Помимо повышения качества подготовки будущих специалистов и действующего персонала социальных служб, полноценное формирование социальной работы может быть также достигнуто за счет достойного финансирования социальных служб и адекватной оплаты труда специалистов этой области. Это, в свою очередь, привлечет в данную сферу молодых специалистов и будет способствовать скорейшему продвижению современных технологий, разработке и внедрению новых методов. В результате от этого выиграет не только сама профессия, но и общество в целом.

Библиографический список

1. *Албегова, И. Ф.* Институционализация социальной работы в современной России: теория и практика [Текст] : дис. ... д-ра социол. наук / И. Ф. Албегова. – Ярославль, 2005.
2. *Абрамов, Р.* Социальный анализ процессов профессионализации российских менеджеров [Текст] / Р. Абрамов // <http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/Abramov.htm>
3. *Мостовая, И. В.* Социальное расслоение: символический мир метаигры [Текст] / И. В. Мостовая ; Ин-т «Открытое общество». – М., 1996.
4. *Grossman, A.* Is professionalisation always to be desired? [Текст] / A. Grossman // <http://www.rsa.org.uk/acrobat/grossman.pdf>
5. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России [Текст] / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. – М., 2002.
6. Взаимосвязь социальной работы и социальной политики [Текст] / под ред. Ш. Рамон. – М., 1997.
7. *Кананоя, А.* Основы социальной работы [Текст] / А. Кананоя // <http://www.medicine.onego.ru>
8. *Бочарова, В. Г.* Профессиональная социальная работа: личностно ориентированный подход [Текст] / В. Г. Бочарова. – М., 1999.
9. *Селиверстова, О.* Растет профессиональный уровень специалистов [Текст] / О. Селиверстова // Социальная работа. – 2003. – № 3.
10. *Бочарова, В. Г.* Развитие социального образования в России в контексте международного опыта [Текст] / В. Г. Бочарова // Обучение социальной работе: состояние и перспективы : материалы междунар. конгрессов Школ социал. работы. – М., 1997.
11. *Кокс, Д.* Подготовка социальных работников для борьбы с бедностью в развивающихся странах [Текст] / Д. Кокс // Обучение социальной работе: состояние и перспективы : материалы междунар. конгрессов Школ социал. работы. – М., 1997.
12. *Ярская-Смирнова, Е. Р.* Теория и практика социальной работы: исследование «скрытого знания» [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова, П. В. Романов // Антропология профессий : сб. науч. ст. – Саратов, 2005.
13. *Уилкинсон, Э.* Внедрение технологий в преподавание социальной работы [Текст] / Э. Уилкинсон // Обучение социальной работе: состояние и перспективы : материалы междунар. конгрессов Школ социал. работы. – М., 1997.

А.М. Илюшин,

преподаватель Саратовской государственной академии права

ИГРОВЫЕ АСПЕКТЫ НАУКИ

Н аучная теория хотя и обусловлена опытом, но непосредственно не может быть получена из индуктивного обобщения опытных данных. На чрезвычайную важность этого обстоятельства неоднократно обращали внимание классики современного естествознания. В частности, А. Эйнштейн расценивал его как основной методологический урок, который должен извлечь физик-теоретик из исторического развития науки [1, с. 9].

Классическая субъектно-объектная модель познания была в свое время вы-

сокопродуктивным приемом представления познавательной деятельности. Сегодня пришла пора осознать неполноту данной модели. Принципиально иной подход в понимании познания и природы самого субъекта представлен в концепции, где познание истолковывается как определяемое структурой самого сознания.

Чтобы зафиксировать в познании законы взаимодействия природных объектов, человек должен изменять внешнюю действительность. Осуществляя такие изменения, он действует по образу и подобию природы, ибо ее объекты не являются изолированными друг от друга, а всегда оказывают друг на друга различные влияния, изменяя свои состояния. Поскольку объекты не могут существовать в отрыве от их взаимодействия (материя не существует вне движения), постольку как раз через взаимодействие, вмешиваясь в протекание природных процессов, познающий субъект способен познать природу в ее объективности такой, какой она есть сама по себе. Через взаимодействие и изменение объектов он выявляет объективные законы природы. Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, изменяет внешнюю действительность и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее объективно сущей.

Таким образом, реальность немислима без субъекта. При этом познающий субъект всегда стремится к новым пределам, будущим мирам, и это движение вперед, поиск истины осуществляются с помощью игры. Суть игры состоит в трансценденции, то есть в преодолении любых форм предметно сущего, любых его границ. Игра – это язык трансценденции, которая предлагает себя как возможность. «Игра замечательна тем, что, будучи включенным в ее стихию, человек играющий может не заметить, что играет в какую-то другую игру. Этот незаметный неконтролируемый переход к другой игре и заключает в себе потенции творчества. Полное слияние субъекта с процессом игры способно доводить сознание до состояния, когда тождество субъекта и объекта становится бессубъектным переживанием» [2, с. 98].

Игровая деятельность представляет собой условное бытие реального субъект-объект-субъектного отношения, это есть совокупность всех проявлений игровой активности взаимодействующих субъектов (или единичного субъекта), направленной не на внешний объект (природу, общество), а на внутренний – на процесс самой деятельности и контроля за ней. Познавательная активность субъекта обращена здесь вовнутрь, на самого себя, на выявление характера и связей познавательных операций.

Поэтому продукты деятельности: вещи, предметы культуры – в данной ситуации не имеют самостоятельного значения и, даже возникнув, имеют смысл в плане решения вопросов, связанных с приобретением и закреплением умений и навыков деятельности. Игра – мир условного, это форма условной деятельности человека и потому может существовать только в деятельности и не может объективироваться в ее реальных результатах, продуктах. Игра направлена именно на внутреннюю познавательную деятельность, а не на ее результат, потому что в деятельности, выраженной в идеальных формах, нет жесткой предметной фиксации, свойственной реальному миру. Продукт деятельности

«гасит» игру, она растворяется, снимается в нем, как снимается идеальное в материальном.

Игра, таким образом, есть насущная, объективная потребность процесса познания мира и человеческой культуры в целом.

Слияние субъект-объектных отношений в форме игры позволяет по-новому взглянуть на научное познание и основные его категории. В результате этого слияния знание становится онтологически активно, посредством его формируется и так познается мир. Истина же не представляет, как это обыкновенно принимают, идеального отражения чего-то реального, но есть свободное порождение человеческого духа.

«Научная игра» находится в пространственно-временных отношениях, что существенно обогащает науку и позволяет увидеть ее в перспективе.

Игровой подход к науке не отрицает постулата об объективном времени; однако он дополняет его наличием субъективного, игрового времени, которое, в отличие от абсолютного, движется неравномерно и имеет обратимый характер. В своем роде научная игра способна синтезировать кантовскую теорию о субъективности времени и математическую концепцию времени Ньютона. Наличие интеллектуальной игры в науке позволяет говорить о том, что время является формой протекания процессов не только объективной реальности, но и субъективной, а значит, оно имеет двойную природу. Трансцендентальная способность воображения является природой игрового времени, и именно в трансценденции сознания заключена возможность ускорения или замедления временных процессов. По сути дела, игра управляет временем, она наделяет им игровые процессы, и во всем этом заложена колоссальная возможность творчества. Чем лучше ученый управляет внутренним временем в своей научной игре, тем больше у него возможностей для создания чего-либо нового, опережающего ход абсолютного времени.

Многие науки, принимая факт существования времени, не озабочены тем, чтобы выяснить, как этот факт (или полное отвлечение от него) влияет на содержание и истинность знания. Более того, отвлечение от темпоральных характеристик явления, от историзма часто рассматривается как условие объективной истинности, преодоление релятивизма.

Таким образом, отсутствие или неудовлетворенность логико-методологических и гносеологических моделей и средств познания и интерпретации темпоральности приводят к искажению онтологии времени, недооценке фундаментальности этого фактора в различных сферах познания.

Все на свете изменяется, движется, преобразуется. Значит, все подвластно времени. В таком обобщенном символическом смысле время – характерная, обязательная черта, особенность, важнейшее свойство нашего мира.

Игровой подход позволяет увидеть другое время, время в динамике. Пусть это время с ограниченным сроком существования, так как целиком находится во власти познающего и является его внутренним хронометром; но оно оказывается той формой, которая возникает при взаимодействии интуиции с фантазией.

Благодаря интуиции в научной игре происходит самоосвобождение от от-

живших свое старых стандартов и шаблонов поведения, ибо суть интуиции состоит в интенсивном поиске нового направления решения задачи. В интуиции изначально заложен элемент игровой свободы, который позволяет осуществлять переход из реальной системы в ее игровую модель.

Фантазия – это возможность игры, ибо только у нее есть способность превращать возможное в действительное, а невозможное делать возможным.

Если интуиция – процесс, сразу проникающий в суть конечного результата, то фантазия – движение к этому результату. Дополняя друг друга, они порождают в сознании ученого игру, которая имеет свой неповторимый сценарий развития будущего.

При их взаимодействии образуются виртуальные игровые предметы и явления, и игра наделяет их своим виртуальным, внутренним временем. Играя им, познающий субъект превращается в своеобразную машину времени, трансцендируя от одних временных явлений к другим. Игра в познании видится в темпорально-круговом порядке, у познающего всегда есть возможность вернуться к началу игры. Следовательно, можно многократно играть с будущим – до тех пор, пока оно не понравится. Все это дает возможность многовариантного подхода к решению любой задачи.

Для становления научной теории очень важно, чтобы ученый был готов для перехода из одного времени в другое. Игра позволяет заглянуть за такие горизонты, что внутренняя перенастройка познающего не всегда должным образом может «переварить» такие скачки. Поэтому одной из задач играющего субъекта должна быть задача конструирования таких способов преодоления временных перепадов на входе в игру и выходе из нее, которые бы в наибольшей степени соответствовали цели игры. При входе обеспечивается порождение игрового времени. Игра, разворачиваясь в своем времени, порождает особый мир, аналог культуры. Скачкообразный выход за пределы игрового времени – разрушение локальной игровой структуры.

Игровой процесс позволяет рассматривать время как многоликий Хронос, противоречивый и труднопостижимый по своей сути. Он воплощается в движение и покой, вечность и мимолетность. В обыденной жизни люди отдают предпочтение одному, главному лику Хроноса – абсолютному времени, которое является отражением объективной реальности.

Время в игре – не только время для игры. Оно имеет конкретное практическое значение. Было бы наивно и неразумно отвергать принцип планирования. Мысленное предварение будущего – характерная черта всего живого. Одними из таких полезных предварений являются экономическое, экологическое моделирование и прогноз.

Нельзя не учитывать в игре со временем и компьютерный эксперимент. Там, где сознание бессильно полностью охватить игровую реальность со своим игровым временем, поставленную задачу способна решить ЭВМ. Главное преимущество компьютера состоит в том, что с его помощью при исследовании весьма сложных систем удается глубоко анализировать не только их наличные, но и возможные (виртуальные), в том числе будущие состояния. «Вычислительный эксперимент – это не просто расчет. Его существо –

экспериментирование с математической моделью, варьирование параметров, «проигрывание» с помощью модели самых разных ситуаций, может быть пока и «безумных» с позиций сегодняшних представлений о явлении» [3, с. 58–59]. К 1988 г. с помощью компьютеров было построено около ста моделей глобального характера – модели климата, «ядерной зимы» стратегического баланса и другие. Таким образом, компьютерные модели способны предложить описания тенденций (теорию) изменений некоторого предмета. Изменяя предмет, реальность, пусть даже условно, мы всегда изменяем время, придаем ему игровой характер. Следовательно, научную игру может вести не только познающий субъект, но и современные вычислительные машины. Научная игра человека богаче по содержанию, так как в ней используются эмоциональные и интуитивные компоненты. Человек может с самого начала чувствовать конечный результат, машина же идет к нему только через расчеты. Однако есть и много общего, которое заключается как в наличии определенного сценария, так и в присутствии своего внутреннего времени в познании.

В целом время присутствует везде, где есть изменение, будь то объективная реальность или игра сознания. Просто время выступает ускользающим от чувств фактором объективной реальности. «В недостаточной очевидности этого сложного, многогранного явления, в его принципиальной «недоохваченности» нашими органами чувств и содержится основная причина всех его загадок для нас, причина его «хронического непонимания» нами» [4, с. 88]. Особенно трудно увидеть время в игровой деятельности, так как она представляет собой условное бытие реального субъект-объект-субъектного отношения. Но даже условный, игровой процесс имеет форму – внутреннее время, которое порождает игровая реальность. Продукт деятельности игры, материализуясь, уничтожает игру и переходит из внутреннего в абсолютное, внешнее время, подвластное объективной реальности.

Являясь формой условной деятельности людей, игра выступает как идеальный феномен человеческой культуры. Однако ее идеальность, условность состоит не в том, что она представляет собой какую-то пустую мыслительную конструкцию, «чистую забаву». Идеальное игры там, где есть возможность воссоздать объект в пространстве, опираясь на слово, на язык, в сочетании с потребностью в объекте. Объект как реальность замещается квазиобъектом, то есть мысленной моделью. Это становится возможным потому, что объект в принципе заменяется другим объектом такого же рода или класса, так как он имеет смысл и значение для действующего субъекта своей нетипичностью, непохожестью на другие объекты. Поэтому игровая деятельность допускает повторение, многократное репродуцирование одного и того же игрового акта, процесса. Это позволяет рассматривать игровую имитацию как форму экспериментальной деятельности.

Замещение объекта «квазиобъектом» закономерно и дает основание к замещению субъекта «квазисубъектом». Происходит как бы раздвоение единого субъекта: с одной стороны, он продолжает быть (и осознавать себя) реальным субъектом деятельности, а с другой – выступает в новом качестве – как услов-

ный, игровой субъект. Замещение реального субъектно-объектного отношения условным, игровым «квазисубъектно-квазиобъектным», порождает новые временные отношения, которые проецируются на всю игровую имитацию. Время в игре гибче, оно управляемо, так как целиком зависит от творческой воли познающего субъекта. Субъективный дух в игре способен играть временем, творить его, опровергая тезис о том, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды.

Игровое время – обратимо, в отличие от абсолютного, которое имеет однонаправленный вектор. Субъективная игра временем несет в себе колоссальные возможности творчества, так как благодаря ей мы способны мысленно играть в будущее неоднократно, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Библиографический список

1. *Степин, В. С.* Становление научной теории [Текст] / В. С. Степин. – М., 1976.
2. *Неважай, И. Д.* Свобода и знание [Текст] / И. Д. Неважай. – Саратов, 1995.
3. *Попов, Ю. П.* Вычислительный эксперимент [Текст] / Ю. П. Попов, А. А. Самарский // Компьютеры, модели, вычислительный эксперимент. – М., 1988.
4. *Попов, Н.* Сущность времени и его величины [Текст] / Н. Попов. – СПб., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Гасилова Ю.И.	
Власть в информационном обществе: формирование символической элиты	4
Краюшкина Е.А.	
Социальные аспекты обеспечения эффективности местного самоуправления	9
Кузьмина В.А.	
Институционализация государственной гражданской и муниципальной службы в контексте социальных изменений	13
Шедий М.В.	
Корпоративные ценности как управленческий ресурс государственной гражданской службы	19
Гарифова А.Р.	
Проблемы организационной культуры государственной службы в условиях трансформации современного российского общества	21

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

25

Фартуков Д.Н.	
Социальные функции государства в контексте национальных проектов: региональный аспект	25
Семенова А.В.	
Современное состояние миграционных процессов в России	30
Хусаинов И.В.	
Изучение миграционных процессов в России: историко-социологический аспект	36
Коврова М.Н.	
Информационно-политическое воздействие через средства массовой информации	41
Горбунова Л.А.	
Проблемы государственной политики в сфере сельского здравоохранения	46
Тычкова Т.В.	
Информационная культура как фактор социализации студенческой молодежи	51

202

Юдин О.А.	
Спорт в системе социализации личности: теоретический анализ	56
Хаджимба Л.О.	
Факторы девиантного поведения несовершеннолетних в современном российском обществе	61

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

67

Сапожникова О.А.	
Проблемы государственно-правовой политики России в сфере обеспечения национальной безопасности	67
Панов А.П.	
Конституционные обязанности граждан Российской Федерации: системно-структурный анализ	72
Украинцева В.С.	
Проблемы правового обеспечения конституционного права граждан на альтернативную гражданскую службу в Российской Федерации	77
Кузнецова О.В.	
Понятие и сущность пассивного избирательного права в Российской Федерации	81
Мышева Т.Г.	
Условия реализации избирательных прав на выборах Президента Российской Федерации: конституционно-правовой аспект	87
Кудрина М.В.	
Место института Уполномоченного по правам человека в механизме государственно-правового регулирования	92
Кузнецова В.В.	
Особенности применения судебной практики при вынесении арбитражным судом судебного решения	97

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

102

Нестеренко Н.А.	
Трудовой капитал в системе новых рыночных отношений России	102
Пащенко И.Н.	
Мотивация трудового поведения: теоретические аспекты	107
Еремеев М.А.	
Критерии оценки экономического поведения	112
Фроловичев А.В.	
Формирование партисипативного стиля управления организацией	117
Ерохина Н.А.	
Социальная оценка персонала в условиях совершенствования системы управления организацией	122

Милючихина О.А.	
Иновационный подход к управлению бренд-коммуникациями	128
Григорьева Е.Н.	
Процесс институционализации вещевого рынка под открытым небом: о правах и обязанностях.....	133
Богатырев И.Б.	
Цели кадастровой оценки земли в Российской Федерации	137

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ 142

Марятов И.В.	
Качество жизни и роль менеджмента в его обеспечении	142
Кочетков Ф.М.	
Целостность бытия и творческая активность человека	146
Голдобина Л.А.	
Онтология рода: экспликация и описание.....	151
Духонин М.М.	
Жизненное пространство этноса: проблема методологии	157
Аникин Д.А.	
Социальная память в свете информационного подхода	163
Сидорова Е.А.	
Трудовые ценности и установки в менталитете русского народа: факторы формирования и особенности	168
Знамцева О.П.	
Ценностные основания информационного общества	173
Ковшова И.В.	
Социодинамика формирования ценностей контркультуры	178

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ 183

Стерликова О.Б.	
Конституционно-правовые аспекты реализации права на образование военнослужащими	183
Стрельников В.В.	
Правовые проблемы приема на службу в органы и учреждения прокуратуры Российской Федерации	187
Бетурлакин В.В.	
Высшее образование как фактор управления профессионализацией социальной работы	191
Илюшин А.М.	
Игровые аспекты науки	196

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

<i>Gasilina Yu.I.</i>	
The Power in the Information Society: the Formation of the Symbolic Elite.....	4
<i>Krayushkina E.A.</i>	
Social Aspects of Providing Effective Local Self-Government	9
<i>Kuzmina V.A.</i>	
State and Municipal Services Institutionalization in the Social Changes Context.....	13
<i>Shedij M.V.</i>	
Corporate Values as an Administrative Resource of the State Civil Service.....	19
<i>Garifova A.R.</i>	
The Problems of Civil Service Organizational Culture in the Conditions of Modern Russian Society Transformation.....	21

CONTEMPORARY RUSSIAN STATE AND CIVIL SOCIETY

25

<i>Fartukov D.N.</i>	
State Social Functions in National Projects: Regional Aspect.....	25
<i>Semionova A.V.</i>	
The Modern Condition of Migratory Processes in Russia.....	30
<i>Khusainov I.V.</i>	
Study of Migration Processes in Russia: Historical and Sociological Aspects	36
<i>Kovrova M.N.</i>	
Information and Political Influence via Mass Media	41
<i>Gorbunova L.A.</i>	
State Policy Problems in the Sphere of Rural Public Health System	46
<i>Tychkova T.V.</i>	
Informational Culture as the Factor of Student Youth Socialization	51
<i>Yudin O.A.</i>	
Sport in the System of Personality's Socialization: Theoretical Analysis	56
<i>Khadzhimba L.O.</i>	
Factors of Teenagers Deviant Behavior in Modern Russian Society	61

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

67

Sapozhnikova O.A.

The Problems of State and Legal Policy of Russia
in the Sphere of National Security 67

Panov A.P.

The Citizens' Constitutional Duties of the Russian Federation:
The System-Structural Analysis 72

Ukraineva V.S.

Legal Security Problems of Citizens' Constitutional Rights
of the Alternative Military Service in Civil Organizations
in the Russian Federation 77

Kuznetsova O.V.

The Concept and Essence of the Passive Electoral Right in the Russian Federation 81

Mysheva T.G.

The Ways of Electoral Rights Realization at the Presidential Election
in the Russian Federation: Constitutional-Legal Aspect 87

Kudrina M.V.

The Position of Human Rights Commissioner Institute
in the Government Control Mechanism 92

Kuznetsova V.V.

Court Practice Peculiarities in Making Decision by Arbitral Court 97

SOCIAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF RUSSIA

102

Nesterenko N.A.

The Labour Capital in System New Market Attitudes of Russia 102

Paschenko I.N.

The Labour Behaviour Motivation: Theoretic Aspects 107

Yeremeyev M.A.

On the Evaluation Criteria of the Economic Behavior 112

Frolovichev A.V.

Shaping Participative Style of Organization Management 117

Yerokhina N.A.

Personnel Social Assessment under the Conditions
of Organization Management System Improvement 122

Milyuchikhina O.A.

Brend Management Innovative Approach 128

Grigorieva E.N.

The Institutionalisation Process of an Open Air Clothing Market:
about Rights and Duties 133

Bogatyirev I.B.

The Cadastral Valuation Purposes of Land in the Russian Federation 137

206

SOCIAL PHILOSOPHY: APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS

142

Maryatov I.V.	
Life Quality and the Role of Management in its Provision	142
Kochetkov Ph.M.	
The Integrity of Being and Creative Activity of a Person	146
Goldobina L.A.	
Ontology of Kind: Explication and Description	151
Dukhonin M.M.	
Living Space of Ethnos: Methodology Problem	157
Anikin D.A.	
Informational Approach to Social Memory	163
Sidorova E.A.	
Labour Values and Attitudes in Russian People Mentality	168
Znamtseva O.P.	
The Value Foundations of Information Society	173
Kovshova I.V.	
The Social Dynamic of the Counterculture Values Formation	178

FORMING THE CONCEPT OF THE EDUCATIONAL SYSTEM

183

Sterlikova O.B.	
Constitutional and Legal Aspects of Realization of the Educational Right of the Militaries	183
Strelnikov V.V.	
Legal Aspects of Recruitment for the Russian Federation Public Prosecution Offices	187
Beturlakin V.V.	
Higher Education as the Factor of Management of Social Work	191
Ilyushin A.M.	
Game Aspects of Science	196

Anikin D.A.
Informational Approach to Social Memory

Social groups are social memory media since the communication processes inside groups act as constant relevance indicators of the information circulating in the society. Fixing the information in written texts helps to form an identification core. This core doesn't incur changes and poses as a source of interpretations for different subcultures belonging to one society and trying to emphasize their identity.

Beturlakin V.V.
Higher Education as the Factor of Management of Social Work

The purpose of the article is to consider the social work professionalism process and factors of its most complete development. The higher education in the field of social work is believed to be one of the major formation conditions of a new profession in our country and its further institutionalization in the society. Social workers education will have prevailing influence on social work as a whole, because the level of profession is characterized by the level of professional staff training in particular. Thus, the higher education in this field should not only be developed and reformed according to evolving profession, but should also master new roles in social partnership.

Bogatyrev I.B.
The Cadastral Valuation Purposes of Land in the Russian Federation

The article is focused on the purposes analysis of the cadastral valuation of land and the opportunities of its use in the context of efficient land utilization and protection. The greater part of land resources is already estimated. The problem is that the cadastral valuation of land is still being used only for fiscal purposes, although the current legislation provides other opportunities.

Garifova A.R.
**The Problems of Civil Service Organizational Culture
in the Conditions of Modern Russian Society Transformation**

The article deals with the problems of civil service organizational culture in conditions of modern Russian society transformation. Nowadays study of organizational culture of state service is becoming the prospective direction of scientific activity, which allows us to solve the problems of the state machinery effective functioning. Formation of powerful civil service organizational culture is the necessary condition of this social institute effective functioning and developing. As the world practice shows, successful execution of civil service reform is connected with some changes in civil service organizational culture.

Gasilina Yu.I.
The Power in the Information Society: the Formation of the Symbolic Elite

The author considers symbolic norms. They are interiorized and adopted by each and every individual and converted into an interior need. Personal agreement of an individual should testify the strict demands of a social group in order to legitimize them. Each culture frames an everyday process of temporization with the social practices which is unobservable for a member of the society. It is summarized in the acquired skills of work and communication, perception of the world through the coordinates which are essential for the social group.

Goldobina L.A.

Ontology of Kind: Explication and Description

The article studies the specific character of kind as a way and a form of being's existence. The author distinguishes and describes kind characteristics of being which allow us to conceive kind as an ontological reality. The author substantiates the conceptual significance of the word "kind" in mental perception and institutionalization of being. The ontology of kind is represented as a means of informative comprehension of crucial contemporary problems.

Gorbunova L.A.

**State Policy Problems
in the Sphere of Rural Public Health System**

The article deals with the problem of social state policy in the sphere of the rural public health. It also analyzes the healthcare system in the countryside and its peculiarities, which should be taken into consideration in the process of reforming the public health system.

Grigorieva E.N.

**The Institutionalisation Process of an Open Air Clothing Market:
about Rights and Duties**

The article focuses on the results of conducted research at one of open air clothing markets of the city of Saratov. The attention is paid to such aspects as protection and assertion of entrepreneurs' rights, formal and informal authority relations control of resources and their role in the clothing market system. Taking into account current institutional changes, the social system of a clothing market gradually transforms touching upon such functional aspects as interaction with different official bodies, relations in a community, rules regulation, law literacy and combination of efforts on rights protection. Analyzing the above mentioned directions we have an opportunity to see the whole pattern of this phenomenon.

Dukhonin M.M.

Living Space of Ethnos: Methodology Problem

The article reveals the historical and philosophical background for the concept of Lebensraum or living space: Ratzel's theory of the Lebensraum, the living world of Husserl, and the theory of social space. The modern interpretation of the category of "living space" is revealed. On the basis of the abovementioned concept the author defines the category of the living space of the ethnos, thus manifesting the way this concept could be applied to ethnic problems and the opportunities it provides for solving these problems in the ethnic sphere.

Yeremeyev M.A.

On the Evaluation Criteria of the Economic Behavior

The article examines the importance of conducting the objective personnel evaluation procedure in the organization and proves the dependence between criteria choice objectivity and evaluation procedure objectivity and their influence on obtained results objectivity. The author gives some recommendations on HRM and characteristics that evaluation criteria should possess. The article reveals the necessity of applying research results in the practice of modern organization.

Yerokhina N.A.
**Personnel Social Assessment under the Conditions
of Organization Management System Improvement**

The article considers theoretical and practical reasons for staff social assessment improvement under the conditions of management organization system improvement. The content and forms of modern staff social assessment are specified.

Znamtseva O.P.
The Value Foundations of Information Society

The article gives the socio-philosophical analysis of the information society phenomenon. The author emphasizes its value foundations. Today the concept of information and information society has many positive and negative interpretations. The work proves necessity of IT literacy formation in order to prevent uncontrolled authority of information elite.

Ilyushin A.M.
Game Aspects of Science

The article deals with game elements' projection on the process of scientific cognition. The confluence of subject-object relations in a form of a game allows to have a new opinion about such categories in cognition, as intuition, fantasy and time. Such point of view considerably widens the horizons of science that corresponds to modern civilization's conditions. These facts give reason to consider game imitation as a form of experimental one. With the help of subjective game we can theoretically play the future repeatedly with all following consequences.

Kovrova M.N.
Information and Political Influence via Mass Media

The article reveals the idea of mass communications and determines the role of Mass Media in the life of the modern society. It's impossible to overestimate the importance of press, radio and television in the modern society. They have turned into a powerful instrument of influence. As there is no artist without an audience, there are no Mass Media without listeners, spectators and readers.

In any society Mass Media have all the grounds to become a social institution. The most important political and socializing task of Mass Media is mass inculcation of values that respect laws and human rights, citizens training to resolve conflicts about fundamental issues of the state system in a peaceful way without challenging the social consensus.

Kovshova I.V.
The Social Dynamic of the Counterculture Values Formation

The article considers the social aspect of the counterculture value orientations, their dynamic model and conditions of their origin. The author studies how countercultural value orientations contradict dominating value system and proves probability of the similar processes in strengthening globalization.

Kochetkov Ph.M.
The Integrity of Being and Creative Activity of a Person

The author advances the thesis on the integral structure of being, where the principle of "interaction of everything with everything" dominates, that allows to reinterpret a

person's creative work and a number of traditions of beauty aesthetic evaluation from ontological positions. Grounding this principle the author regards the process of a person's creative work as anti-being act which forms a new being within an integral being and comes to conflict with the initial integrity of being.

The author distinguishes the creativity of being and a person's creative work on the grounds of the assumption that being does not create something essentially new but constantly reproduces itself unlike a person who creates something that never existed and, what is the most important, should not exist in being.

Krayushkina E.A.

Social Aspects of Providing Effective Local Self-Government

Nowadays the role of local government institutions and the efficiency of federal government agencies are considered to be paramount, as they express citizens' interests and can serve as effective legitimate tool of citizens' rights protection. This problem is supposed to be rather urgent in the continuous reformative process of political, economic and social spheres of Russian society.

Kudrina M.V.

**The Position of Human Rights Commissioner Institute
in the Government Control Mechanism**

Human Rights Commissioner Institute occupies an independent position in the mechanism of government control. This fact relates to Human Rights Commissioner Institute legal status properties, authority and jurisdiction. In our opinion, Human Rights Commissioner Institute properties are characteristic of containment mechanism of public authorities' abused discretion towards each other and citizens (check and balance elements in the separation of powers theory). Human Rights Commissioner restricts public authorities through realization of his/her functions.

Kuznetsova V.V.

**Court Practice Peculiarities in Making Decision
by Arbitral Court**

The article presents opinions and conclusions of scholars on court practice significance with respect to current legislation. The author characterizes and analyses court practice significance in making decision by arbitral court, formulates her own proposals for arbitral law and process improvement.

Kuznetsova O.V.

**The Concept and Essence of the Passive Electoral Right
in the Russian Federation**

This article is devoted to the essence investigation of the passive electoral right – one of the subjective political rights that Russian citizens have. The article pays great attention to the analysis of legal demands placed on the candidates for the elective post. The author considers the restrictions on the passive electoral right introduced in 2006 depending on a foreign state citizenship or residence permit as well as convictions for certain types of crime.

The author also deals with the problem of realizing the passive electoral right according to the implemented electoral system and reveals the advantages given to the candidates nominated for election by electoral institutions.

Kuzmina V.A.

State and Municipal Services Institutionalization in the Social Changes Context

The article is devoted to the issues of the institutional development of the state and municipal services in the conditions of reforms. The author describes the contemporary stage peculiarities of the state and municipal services and their development as a social institution, defines the factors influencing the performance of the state and municipal services and the attractors of the institutional development.

Maryatov I.V.

Life Quality and the Role of Management in its Provision

In the article the author investigates the "life quality" notion and its origin using the world sociological terminology of international standards in the sphere of quality. The author attempts to ground the quality provision concept on the basis of such kinds of activity as management, process and administration.

Milyuchikhina O.A.

Brand Management Innovative Approach

The article investigates new approaches to brand-management. These approaches are based on new understanding of a brand structure and place in the social environment. This understanding is founded on the systematic approach principles and new methods and means of organizing communication between social actors. The use of the above mentioned approaches must result in establishing interactive relations between the producers and consumers of a brand which will contribute to effective achievement of management purposes. The theoretical principals mentioned are corroborated by the results achieved by companies keeping leadership in using management innovations.

Mysheva T.G.

The Ways of Electoral Rights Realization at the Presidential Election in the Russian Federation: Constitutional-Legal Aspect

The author of the article deals with the problems connected with the order of electoral rights realization at the presidential election in the Russian Federation. The issue of legal regulation of election in Russia observed by the author is rather debatable and not studied enough. The author also considers the requirements of the Russian legislature for realization of active and passive electoral rights at the presidential election in the Russian Federation.

Nesterenko N.A.

The Labour Capital in System New Market Attitudes of Russia

The article deals with the scientific research of the labour capital use in modern economic conditions of Russia. He analyses a place of labour potential in the system of market relations, the role, the meaning of work and the capital as the basic economic factors of manufacture. The main points of a new economic category "the labour capital" are described.

Panov A.P.

The Citizens' Constitutional Duties of the Russian Federation: The System-Structural Analysis

The author of this article proves the necessity of the scientific research in the field of the citizens' constitutional duties of the Russian Federation. It is emphasized that one of

the directions of such research is the analysis of the specified duties as a system. It is explained that the systematic approach to the constitutional duties study of the Russian Federation citizens allows to estimate the efficiency of their functioning as a complete system, and also to define the ways to increase this efficiency. The methodology of systematic research is offered.

Paschenko I.N.

The Labour Behaviour Motivation: Theoretic Aspects

The article is devoted to an actual problem of modern sociology – the motivation research. The author mentions some theoretical aspects of labour behaviour motivation, considers the basic approaches to motivation study as multivariate phenomenon of a modern social reality.

Sapozhnikova O.A.

**The Problems of State and Legal Policy of Russia
in the Sphere of National Security**

The article deals with the problem of state-legal policy from the legal point of view, which includes the complete review of the legislation status in the scope of national security protection aspect. The article emphasizes the preferable orientation of the state-legal policy in Russian national security; the strategic tasks of domestic and foreign state policy, and also orientation in national security activity of the Russian Federation authorities.

The author concludes that the problems of state policy in national security context are in the lack of the complex decision for normative-legal, organizational, scientific, methodical and expert provision of national security authorities activity.

Semionova A.V.

The Modern Condition of Migratory Processes in Russia

The article deals with the research of the basic concepts and kinds of migration. The main problems of a migratory politics of the Russian Federation are considered. The new legislation in this field is analysed; its positive points and practical applicability are emphasized. Prospects of migratory system development in Russia are determined.

Sidorova E.A.

Labour Values and Attitudes in Russian People Mentality

The article touches upon labour values and attitudes in national mentality system. Much attention is given to some objective factors of mentality development affecting the labour patterns. Among them are geography and climate, religion and geopolitics. All these factors are considered through Russian history and culture and are compared with those in western countries.

Sterlikova O.B.

**Constitutional and Legal Aspects of Realization of the Educational Right
of the Militaries**

The article deals with military personnel right for education, the possibility of its realization in military and civic professional education institutions. The author pays attention to the fact that certain categories of military personnel are prohibited to enter

some civic institutions of higher and secondary professional education. Results of the research proved the necessity of proper training level of those who do military service.

Strelnikov V.V.

Legal Aspects of Recruitment for the Russian Federation Public Prosecution Offices

The author reveals the peculiarities of recruitment for the Russian Federation public prosecution offices, analyses some assets of the Federal Law "About the Russian Federation Prosecution", other legal acts, defines personal features necessary for the people, who apply for the vacancies of investigators, assistant prosecutors, deputy prosecutors and city (district) prosecutors.

Taking into account the given situation in the Prosecutor Office and the necessity of its improvement the author suggests amending the Federal Law mentioned above.

Tychkova T.V.

Informational Culture as the Factor of Student Youth Socialization

The article deals with the analysis of the "informational culture" concept. The author offers its new interpretation in the conditions of forming informational society. The trajectory of socialization is more oriented towards secondary socializing factors. Traditional socializing institutions lose their leading status. Informational culture becomes one of the main factors of the successful student youth socialization.

The article represents the results of author's research in the field of the student youth informational culture in the Saratov region.

Ukraineva V.S.

Legal Security Problems of Citizens' Constitutional Rights of the Alternative Military Service in Civil Organizations in the Russian Federation

The article deals with the practical and theoretical researches in the field of legal security problems of citizens' constitutional rights of alternative military service. The author states that the above mentioned issue has not been covered enough in the modern juridical literature and makes an attempt to show its vital aspects. The special attention is paid to current legal acts and their implementation. The author examines the situation and discovers some promising tendencies that may improve the alternative military service legislation.

Fartukov D.N.

State Social Functions in National Projects: Regional Aspect

Actual problems of state social functions execution at a regional level are discussed in this article. Special attention is paid to realization of four prior national projects that are considered to be components of national security. The author analyses existing problems and gives some practical recommendations.

Frolovichev A.V.

Shaping Participative Style of Organization Management

The article investigates theoretical and practical reasons for shaping participative style of organization management in the context of democratization of modern organization management model. The author defines the content and development stages of participative management interaction style in modern organization.

Khadzhimba L.O.

Factors of Teenagers Deviant Behavior in Modern Russian Society

The article presents the analyses of the main factors influencing formation and development of deviant behavior among teenagers in modern Russia. Global changes occurred recently in Russian society have caused a great number of social problems. Social, political and economical changes influence deeply teenagers as this period of life is the period of searching for new values and social experiments. Different forms of deviant behavior may have negative effect on teenagers social life entering.

Khusainov I.V.

Study of Migration Processes in Russia: Historical and Sociological Aspects

The article is devoted to historical and sociological scientific reflection of migration processes in Russia. The author analyses problem area and considers migration as a social phenomenon from the methodological point of view.

Shedij M.V.

Corporate Values as an Administrative Resource of the State Civil Service

Article is devoted to research into modern system of the state civil service corporate values. Corporate values are an internal core of the state civil service corporate culture, active force of "collective consciousness". Therefore formation of expedient value orientations is an important condition of effective state civil service functioning for the public good. Besides foundation of a democratic legal state where human rights and freedoms priority is considered to be great values depends on tearing "old" state civil service corporate values away. This condition can revive trust of the society to the government and raise its prestige in public consciousness.

Yudin O.A.

Sport in the System of Personality's Socialization: Theoretical Analysis

The article deals with the problem of sport in the system context of personality's socialization. The author analyses the nature of sport from the methodological point of view and he also considers sport principles and goals as phenomena of human activity.

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА**

Научный журнал

№ 12

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова, О.Н. Чуманова*
Корректор *А.А. Персиянова*
Компьютерная верстка *Л.А. Михайлова*

Тем. план 2007 г., п. № 489

Подписано к печати 7.06.2007 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 17,41. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500. Заказ 1147.

ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина».
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.